

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 25

MOSCOW JOURNAL OF LINGUISTICS

Volume 25

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

5
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: msk.ling.j@gmail.com

К изучению шугнанского языка: ретроспектива и перспектива

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: msk.ling.j@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), The Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (art studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), Institute of General History RAS, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук (РГГУ)

CONTENTS

Editorial statement	10
---------------------------	----

Field linguistic studies on Shughni

<i>Vladimir A. Plungian</i> The study of Shughni: the past and the future	11
<i>Artyom O. Badeev</i> Variability in the usage of demonstratives in Shughni	23
<i>Roman V. Ron'ko</i> Possessive constructions with pronouns in Shughni	48
<i>Daria G. Chistiakova</i> Syntactic and semantic features of the clitic <i>i</i> in Shughni	67

Research articles

<i>Mariia V. Orlova</i> The cognitive mechanism of the semantic shift TO TAKE UP → TO ABOLISH in the light of typological data	92
<i>Anastasiya I. Ryko, Margarita S. Spiricheva</i> The degree of preservation of dialectal features in different generations (Khislavichi district of the Smolensk region)	121
<i>Daria V. Yakunina</i> Synonymy and paronymy of Russian verbal prefixes	142

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	10
-------------------	----

Полевые исследования по шугнанскому языку

<i>Владимир А. Плунгян</i> К изучению шугнанского языка: ретроспектива и перспектива	11
---	----

<i>Арте́м О. Баде́ев</i> Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке	23
---	----

<i>Роман В. Ронько</i> Посессивные конструкции с местоимениями в шугнанском языке	48
---	----

<i>Дарья Г. Чистякова</i> Синтаксические и семантические свойства клитики <i>i</i> в шугнанском языке	67
---	----

Описательные и теоретические исследования

<i>Мария В. Орлова</i> Когнитивный механизм семантического перехода поднять → отменить в свете типологических данных	92
--	----

<i>Анастасия И. Рыко, Маргарита В. Спиричева</i> Степень сохранности диалектных черт у представителей разных поколений (Хиславичский район Смоленской области)	121
--	-----

<i>Дарья В. Якунина</i> Синонимия и паронимия префиксальных глаголов в русском языке	142
--	-----

От редакции

Настоящий номер «МЛЖ» открывается разделом, посвященным новейшим исследованиям по одному из малоизученных иранских языков – шугнанскому, – выполненным на основании корпусных и экспедиционных данных и с учетом современных типологических и экспериментальных подходов. Редакция «МЛЖ» выражает глубокую признательность Лейли Рахимовне Додыхудоевой за неоценимую помощь в экспертизе статей данного раздела и надеется, что традиция публикации результатов полевых исследований по малым языкам будет продолжена.

Редакция «МЛЖ» также выражает свою признательность рецензентам выпусков журнала за 2021–2022 гг.: Ю.А. Дрейзис, Анне А. Зализняк, Б.Л. Иомдину, И.Б. Иткину, Ю.В. Мазуровой, Т.А. Майсаку, Т.В. Никитиной, Г.П. Пилипенко, Н.В. Сердобольской, А.В. Тер-Аванесовой, С. Шрейнер, Р.А. Янсону

Редакционная коллегия выпуска:

П.М. Аркадьев (отв. ред., Институт славяноведения РАН/РГГУ),
А.М. Ивойлова (секретарь, РГГУ),
О.И. Беляев (МГУ/Институт языкознания РАН),
А.В. Дыбо (Институт языкознания РАН/НИУ ВШЭ),
И.И. Исаев (РГГУ),
В.И. Киммельман (Бергенский университет, Норвегия),
М.Б. Коношенко (Институт языкознания РАН/РГГУ),
Н.А. Коротаев (РГГУ),
Г.Е. Крейдлин (РГГУ),
М.А. Кронгауз (РГГУ/НИУ ВШЭ),
Л.И. Куликов (Гентский университет, Бельгия),
С.А. Оскольская (Институт лингвистических исследований РАН),
Б.Х. Парти (Университет Амхерста, США),
О.Е. Пекелис (РГГУ),
А.Ч. Пиперски (РГГУ/НИУ ВШЭ),
В.И. Подлесская (РГГУ),
Е.Ю. Протасова (Хельсинкский университет, Финляндия),
Р.И. Розина (Институт русского языка РАН/РГГУ),
А.В. Сидельцев (Институт языкознания РАН/РГГУ),
Н.А. Слюсарь (НИУ ВШЭ/СПбГУ),
Н.Р. Сумбатова (РГГУ),
Я.Г. Тестелец (РГГУ/Институт языкознания РАН),
А.Б. Шлуинский (Институт языкознания РАН)

Полевые исследования по шугнанскому языку

УДК 811.221.3

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-11-22

К изучению шугнанского языка: ретроспектива и перспектива

Владимир А. Плунгян

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,

plungian@iling-ran.ru

Аннотация. В статье предлагается краткий обзор истории изучения и типологического своеобразия шугнанского языка и дается общая характеристика исследовательского проекта НИУ ВШЭ, связанного с полевой работой на Памире и созданием компьютерных инструментов для развития памирских исследований.

Ключевые слова: памирские языки, шугнанский язык, полевая лингвистика, корпусная лингвистика

Для цитирования: Плунгян В.А. К изучению шугнанского языка: ретроспектива и перспектива // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 11–22. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-11-22

The study of Shughni: the past and the future

Vladimir A. Plungian

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia,

plungian@iling-ran.ru

Abstract. The paper provides a brief overview of the history of Shughni studies and summarizes cross-linguistically interesting properties of Shughni (and other Pamir languages). Then, it elaborates on a current research project of the HSE University which focuses on fieldwork in Pamir region and computer-assisted tools for promoting Pamir linguistics investigations.

Keywords: Pamir languages, Shughni, field linguistics, corpus linguistics

For citation: Plungian, V.A. (2022), “The study of Shughni: the past and the future”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 11–22, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-11-22

© Плунгян В.А., 2022

В настоящем выпуске «Московского лингвистического журнала» читатель найдет три статьи, посвященные анализу грамматических особенностей шугнанского языка. Это «Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке» (автор А.О. Бадеев), «Синтаксические и семантические свойства клитики *i* в шугнанском языке» (автор Д.Г. Чистякова) и «Посессивные конструкции с местоимениями в шугнанском языке» (автор Р.В. Ронько). Статьи объединены не только тематически – они создавались в рамках одного исследовательского проекта, который имеет уже достаточно длительную историю (и еще более длительную предысторию); как история, так и предыстория заслуживают несколько более подробного рассказа, который и последует ниже.

Шугнанский язык – один из так называемых памирских языков иранской группы, самый крупный по числу говорящих (ок. 100 тыс. человек по недавним оценкам, ср. [Эдельман, Юсуфбеков 1999, с. 225; Каландаров 2004, с. 7–9]¹) и социолингвистически наиболее значимый (в частности, он доминирует в столице Бадахшана Хороге). Термин «памирский» в научном отношении не вполне строгий (хотя он широко употребителен как среди специалистов, так и среди самих носителей, чаще идентифицирующих себя, особенно во внешнем окружении, именно как «памирцев», тадж. *помирӣ*); он в большей степени имеет ареальные и историко-культурные коннотации, чем генеалогические. Географически речь прежде всего идет о компактном высокогорном регионе так называемого Западного Памира, где население сосредоточено в основном по долинам рек, образующим естественные ареалы; все они являются притоками Пянджа, по которому проходит значительная часть границы между Афганистаном и Таджикистаном. Важнейшие из этих притоков (с севера на юг) – реки Ванч, Язгулем, Барганг (Мургаб), Гунт, Шахдара, Богушдара и Памир. Административно это Ванчский, Рушанский, Шугнанский, Рошткалинский и Ишкашимский районы Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана и несколько граничащих с Пянджем восточных районов афганской провинции Бадахшан (Шигнанский, Ишкашимский, Ваханский и др.). Более периферийные (и более гетерогенные в языковом отношении) ареалы памирских языков находятся в западной части Китая (Сарыкол), а также в горных долинах Гиндукуша на территории афганского Бадахшана и пакистанского Читрала.

¹Численность говорящих на памирских языках в Таджикистане можно приблизительно оценить в 130–150 тыс. человек [Додыхудоева 1999, с. 171; Каландаров 2018]); общую численность говорящих – в 250–300 тыс.

В генеалогическом плане языки Западного Памира существенно менее гомогенны, и вопрос об их внутренней классификации (как, впрочем, и о классификации иранских языков в целом) продолжает оставаться дискуссионным; из последних работ на эту тему см. в особенности [Wendtland 2009; Korn 2016; Korn 2019], а также [Edelman, Dodykhudoeva 2009] и [Эдельман 2021]. Не вдаваясь в детали, отметим, что все исследователи выделяют в качестве бесспорного генеалогического единства шугнано-рушанский кластер (с шугнанским и примыкающими к нему с севера более малочисленными баджувским, рушанско-хуфским и бартангско-рошорвским, а также территориально отдаленным, но генеалогически очень близким сарыкольским); между идиомами этого кластера возможно частичное взаимопонимание. В достаточно близком родстве с языками шугнано-рушанского кластера находятся язгулямский [Соколова 1967] и вымерший старованджский, занимавший наиболее северное положение на территории Бадахшана и не позднее начала XX в. вытесненный таджикскими говорами Дарваза [Лашкарбеков 2008]. Генетические отношения других языков и диалектных групп Западного Памира и Гиндукуша (ваханского, ишкашимско-сангличского и йидга-мунджанского) между собой и по отношению к шугнанско-язгулямской подгруппе – при их несомненном ареально-типологическом сходстве² – остаются не до конца ясными (не все современные исследователи даже включают их в общую юго-восточную ветвь иранских языков, как это было традиционно принято в классификациях середины XX в.).

В типологическом отношении языки шугнанско-язгулямской подгруппы характеризуются целым рядом интересных особенностей. Прежде всего, следует отметить достаточно сложную сегментную фонетику (с богатым консонантизмом и нетривиальным вокализмом) и чрезвычайно разветвленную систему вокалических и консонантных чередований, играющую ключевую роль в выражении большинства грамматических категорий имени и глагола. В именной сфере заслуживает упоминания категория грамматического рода (отсутствующая в большинстве иранских языков), в глагольной – развитие категории эвиденциальности на базе перфектоидных форм. Немалой сложностью отличается система указательных местоимений, сохраняющая наряду с противопоставле-

² Следует отметить и значительную культурно-религиозную общность памирских народов – в частности, яркой особенностью памирцев является исповедуемый ими исмаилизм, играющий чрезвычайно важную роль в формировании местной идентичности, культуры и быта [Каландаров 2006].

нием по роду двухпадежное склонение [Рауне 1989; Аркадьев 2006] и трехчастный дейксис. К дейктическим категориям может также добавляться противопоставление по «уровню» (англ. *elevation*, ср. [Forker 2019]), требующее различать положение ориентира выше, ниже или на уровне говорящего; оно проявляется прежде всего в выборе пространственных предлогов. В области морфосинтаксиса особенно интересно поведение энклитик, маркирующих лицо/число подлежащего в формах прошедших времен глагола (формы настоящего времени синтетические, хотя в большинстве случаев для выражения лица/числа подлежащего они используют этимологически те же показатели); правила употребления энклитик пока остаются не полностью понятыми. Как можно заметить, в предлагаемых ниже статьях многие из этих нетривиальных типологических особенностей исследуются на шугнанском материале.

Несмотря на большой интерес, который данные памирских языков представляют как для иранистики, так и для общей и ареальной типологии, эти языки нельзя назвать хорошо изученными (особенно по сравнению с другими иранскими языками). Прежде всего это объясняется их географической удаленностью и труднодоступностью, усугубленной политической нестабильностью данного региона в целом (в последнее время, к сожалению, последний фактор усиливается). Тем не менее история изучения этих языков начинается в конце XIX в. и отмечена целым рядом имен выдающихся исследователей. К первым крупным лингвистам, обратившим серьезное внимание на памирские языки, следует отнести норвежского ученого Георга Моргенштерне (1892–1978) и российского ученого Ивана Ивановича Зарубина (1887–1964); оба начали масштабные полевые исследования в первые десятилетия XX в., оба были специалистами широкого профиля, интересовавшимися не только языками, но и этнографией, историей и культурой народов данного региона (интересные детали о начале полевой работы Зарубина на Памире см. также в [Стеблин-Каменский 1993]). Последующие поколения иранистов во многом опирались на их опыт и собранные ими материалы; в их числе можно назвать В.С. Соколову (1916–1993), Т.Н. Пахалину (1928–1995), Д.К. Карамшоева (1932–2007)³, а также представителей более молодой плеяды – И.М. Стеблина-Каменского

³Уроженец бадахшанского Баджува и непосредственный ученик И.И. Зарубина, Д.К. Карамшоев описал свой родной баджувский диалект шугнанского языка ([Карамшоев 1963]; эта работа до сих пор остается самой подробной и полной грамматикой идиома из состава шугнано-рушанского кластера). Помимо ряда специальных исследований, Д.К. Карамшоев занимался составлением выдающегося во многих отношениях

(1945–2018) и Ш.П. Юсуфбекова (1962–2018). В настоящее время продолжают активно работать Д.И. Эдельман, которой памироведение (и иранистика в целом) обязана очень многим, М.М. Аламшоев, Л.Р. Додыхудоева и ряд других исследователей России и Таджикистана; из работ последнего времени, выполненных европейскими иранистами, можно отметить две замечательные диссертации [Kim 2017] и [Obrtelová 2019].

Однако для наших полевых исследований шугнанского языка наиболее важным был как будто бы незначительный на этом общем фоне эпизод, но без которого, очевидно, не сформировался бы наш интерес к Памиру. Речь идет об одной из экспедиций А.Е. Кибрика (совместно с Б.Ю. Городецким) на Памир, в шугнанское селение Дебаста Шугнанского района, на реке Гунт. Она была предпринята в июле-августе 1969 г.; помимо многочисленных студентов Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ, в ней приняли участие (тогда уже хорошо известная профессиональная иранистка) Д.И. Эдельман и (тогда еще аспирант) И.М. Стеблин-Каменский. Это была только третья по счету из 45 экспедиций А.Е. Кибрика, когда он еще не вполне определился с выбором ареала и методики исследований. Памир привлек его, видимо, экзотичностью и труднодоступностью местных языков, но продолжения экспедиция не получила: сказалась чрезвычайная отдаленность этих мест (в те годы основная дорога в Бадахшан шла с северо-востока, через Ош и Мургаб, по старому Памирскому тракту, и путь был очень сложным и долгим); а в дальнейшем научные интересы А.Е. Кибрика оказались, как известно, почти безраздельно связаны с Дагестаном. Тем не менее впечатления от этой поездки, единственной в своем роде, были яркими – я хорошо помню рассказы ее участников о Памире и спустя десять лет, и много позже. Памир предстал в них как чрезвычайно далекий, но зачаровывающий мир; он казался одновременно и недоступным, и притягательным. В то же время эта поездка принесла и некоторые научные результаты: наиболее глубокими и интересными, пожалуй, были публикации [Беликов 1972] и [Муравьева 1975]. Первая из них – краткие тезисы, но в них содержатся плодотворные идеи относительно семантики указательных местоимений в шугнанском (напомним, что это одна из самых сложных областей шугнанской грамматики); неслучайно

трехтомного шугнанско-русского словаря (1988–1999); в этом словаре примечателен прежде всего богатейший иллюстративный материал, основанный на многолетних полевых записях сотрудников отдела памироведения Института языка и литературы им. Рудаки в Душанбе (с 1991 г. – в составе Института гуманитарных наук в Хороге).

некоторые из наблюдений В.И. Беликова были позднее использованы и в монографии [Юсуфбеков 1998], и в публикуемой ниже статье А.О. Бадеева. Вторая публикация – более развернутая статья, где едва ли не впервые предпринимается попытка систематически описать морфонологию чередований в основах шугнанского глагола (как мы отмечали выше, эта часть шугнанской грамматики также поражает своей сложностью).

«Памирский след», таким образом, хранился в памяти участников экспедиции и выпускников ОСиПЛ МГУ, но долгое время казалось, что этот эпизод так и останется единичным (небольшая экспедиция, предпринятая под руководством Б.Ю. Городецкого на следующий год, не принесла заметных результатов). Тем не менее времена менялись, и причудливое стечение обстоятельств (было ли это только волей случая?) в конце концов привело нас прямо на Памир – тот самый Памир, куда мы со студенческих лет мечтали попасть. Началось все со знакомства с носителями шугнанского языка в Москве (где сегодня удачным образом присутствует большая памирская диаспора) и коллегами из Российско-таджикского славянского университета в Душанбе, а закончилось регулярными поездками в Хорог и его окрестности (в Шугнанском и Рошткалинском районах), первая из которых произошла в августе 2018 г. Полевые исследования шугнанского языка удалось осуществить в рамках учебных и исследовательских программ Школы лингвистики и Института классического востока и античности НИУ ВШЭ; в числе руководителей этих экспедиций были Е.Е. Арманд (начиная с 2021 г.), В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, Р.В. Ронько; в числе студентов, активно участвовавших в разные годы в работе с шугнанским материалом, помимо двух авторов публикуемых ниже статей, были также В.Д. Бутолин, Е.В. Востокова, В.Д. Гребнева, Ф.М. Даниэль, В.В. Иванова, Ю.Ю. Макаров, М.Г. Меленченко, С.К. Михайлов, Д.А. Новокшанов, А.А. Сергиенко. Здесь представлены самые первые результаты нашей работы, но мы, безусловно, надеемся на продолжение этих исследований – несмотря на многочисленные организационные и финансовые трудности, которые неизбежны в такого рода деятельности и часто кажутся (но, к счастью, не всегда оказываются) непреодолимыми.

Следует сказать несколько слов и о, так сказать, идеологии и общем формате наших экспедиций. Памирские языки представляют собой живую и чрезвычайно сложную реальность; существенное продвижение в ее понимании требует сочетания разных методов и подходов. В более детальном изучении нуждаются все аспекты этой реальности: от фонетического до социолингвистического, включая, разумеется, морфологию, синтаксис, грамматические категории и

лексику. На наш взгляд, эффективным первым шагом в такой работе было бы создание современных компьютерных инструментов для памирских языков, в первую очередь электронного корпуса текстов. Основы этой работы были заложены в ходе первых экспедиций; для корпуса использовались как специально записанные нами устные рассказы носителей языка, так и доступные записи фольклорных текстов (как опубликованные, начиная с ранних текстов из собрания Зарубина [Зарубин 1960] и более поздних изданий фольклора памирских народов, так и хранящиеся в архиве Института гуманитарных наук в Хороге), а также немногочисленные литературные тексты (поэтические и прозаические). Отдельным направлением наших исследований стала работа со словарем Карамшоева: как уже было сказано, этот словарь уникален в том отношении, что по сути представляет собой богатейшее собрание естественных примеров высокого качества, отражающих не только современный шугнанский язык, но и образцы речи носителей первой половины XX в. Мы предприняли усилия по созданию электронной базы шугнанской лексики на основе этого словаря; в настоящее время этот ресурс доступен для всех желающих по адресу <https://pamiri.online> и продолжает развиваться (там же можно найти и ряд других полезных инструментов, например орфографический конвертер, позволяющий автоматически преобразовывать шугнанские тексты в разные системы записи, и шугнанский морфологический анализатор).

Публикуемые ниже статьи в полной мере используют созданные участниками памирского проекта инструменты: основным источником примеров являются корпус шугнанского языка (где фигурируют как ранние записи, так и полевые материалы, непосредственно собранные нами) и дополняющая его лексическая база словаря Карамшоева. Одним из результатов такого подхода оказалась возможность микродиахронических наблюдений: первые записи шугнанской речи были сделаны около ста лет назад, и как оказалось, за это время в языке произошли достаточно ощутимые изменения на всех уровнях. Из публикуемых ниже статей наиболее систематические наблюдения такого рода присутствуют в статье Д.Г. Чистяковой, обнаружившей, что поведение клитик в «раннем» и «позднем» современном шугнанском подчиняется разным типам правил. Другим важным результатом является возможность производить количественные наблюдения над шугнанскими данными (касающиеся частотности и дистрибуции отдельных форм, лексем, конструкций и т. п.); в публикуемых статьях это также находит отражение.

В заключение хотелось бы отметить, что наши исследования не только не принесли бы сколько-нибудь значимых результатов,

но даже не могли бы быть начаты без постоянной, многообразной и бескорыстной помощи памирцев, которая сопровождала нас на всех этапах нашей деятельности. Все наши исследования проводились совместно со специалистами Института гуманитарных наук Хорога, щедро делившимися с нами своими знаниями памирских языков, тонкой интуицией и эрудицией. Мы хотели бы особо отметить помощь и содействие нынешнего директора института Х.С. Каландарова и заместителя директора Ш.С. Некушоевой, а также наших постоянных консультантов из числа сотрудников института – М. Ардабаевой, Ч. Назаршоевой, Н. Ризвоншоевой. Неоценимой на всех этапах нашей работы была организационная помощь и моральная поддержка проректора Российско-таджикского славянского университета Х.Д. Шамбезоды и сотрудников кафедры теоретической и прикладной лингвистики РТСУ Д.М. Искандаровой и М.Б. Давлатмировой. С благодарностью вспоминаем мы и безвременно ушедших от нас Шодихона Юсуфбекова (первого директора Института гуманитарных наук в Хороге, щедрого, гостеприимного и бесконечно преданного делу изучения памирских языков) и Гульнисо Ризвоншоеву (собираательницу и несравненно-го знатока памирского фольклора, чьи записи составляют основу сегодняшнего шугнанского корпуса). *Тама-рд қуллуғ-и бисйор!*⁴

Литература

- Аркадьев 2006 – *Аркадьев П.М.* Двухпадежные системы в индоиранских языках: Типологическая перспектива // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций: Сборник статей к 75-летию профессора А.Л. Грюнберга (1930–1995) / Ред. М.Н. Боголюбов. СПб.: Наука, 2006. С. 74–92.
- Беликов 1972 – *Беликов В.И.* К употреблению указательных местоимений в шугнанском / *Забонҳои помирӣ ва фольклор* = Памирские языки и фольклор. I. Душанбе: Дониш, 1972. С. 74–77.

⁴ *Вы-ДАТ* *благодарность-изг огромный*; отметим падежный формант при местоимении (в современном шугнанском у личных местоимений фактически начинает развиваться система вторичных падежей позднего образования «поверх» двухпадежной), а также заимствованную из таджикского изафетную конструкцию (памирским языкам не свойственную) с исконно шугнанской вершиной ‘благодарность’, таджикским формантом изафета и таджикским же по происхождению зависимым ‘большой, много’ – подобная лексико-грамматическая интерференция очень характерна для современного шугнанского языка (другие примеры такого рода приводятся в [Додыхудоева 2020]).

- Додыхудоева 1999 – *Додыхудоева Л.Р.* Памирские языки // Языки мира: Иранские языки. III: Восточноиранские языки / Ред. В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман, В.В. Мошкало. М.: Индрик, 1999. С. 170–174.
- Додыхудоева 2020 – *Додыхудоева Л.Р.* К вопросу о лексическом и грамматическом значении в шугнанском языке // ВАПросы языкознания: Мегасборник nano-статей / Ред. А.А. Кибрик и др. М.: Буки-Веди, 2020. С. 344–349.
- Зарубин 1960 – *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Каландаров 2004 – *Каландаров Т.С.* Шугнанцы (историко-этнографическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2004. 478 с.
- Каландаров 2006 – *Каландаров Т.С.* Исмаилизм на Памире: поиск новых путей и решений // Расы и народы. Вып. 32. М.: Наука, 2006. С. 180–196.
- Каландаров 2018 – *Каландаров Т.С.* Памирские народы, их языки и перепись: этнический дискурс // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 162–178.
- Карамшоев 1963 – *Карамшоев Д.К.* Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: ИЯЛ им. Рудаки, 1963. 36 с.
- Лашкарбеков 2008 – *Лашкарбеков Б.Б.* Старованджский язык (*vanjvor*) // Основы иранского языкознания: Среднеиранские и новоиранские языки / Ред. В.А. Ефимов. М.: Восточная литература, 2008. С. 61–109.
- Муравьева 1975 – *Муравьева И.А.* Непозиционные чередования фонем в шугнанском языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике / Ред. В.А. Звегинцев. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 124–135. (Публикации ОСиПЛ, 7)
- Соколова 1967 – *Соколова В.С.* Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л.: Наука. 1967. 158 с.
- Стеблин-Каменский 1993 – *Стеблин-Каменский И.М.* Первое путешествие И.И. Зарубина на Памир летом 1914 г. // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1993. Вып. 1. С. 139–150.
- Эдельман 2021 – *Эдельман Д.И.* Сочетаемость праязыковых элементов и структурная трансформация иранских языков // Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Сочетаемость языковых единиц и языковые модели: Памяти З.М. Шаляпиной (1946–2020) / Ред. А.И. Коган, А.С. Панина. М.: ИВ РАН, 2021. С. 218–225.
- Эдельман, Юсуфбеков 1999 – *Эдельман Д.И., Юсуфбеков Ш.П.* Шугнанский язык // Языки мира: Иранские языки. III: Восточноиранские языки / Ред. В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман, В.В. Мошкало. М.: Индрик, 1999. С. 225–242.
- Юсуфбеков 1998 – *Юсуфбеков Ш.П.* Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. М.: Азбуковник, 1998. 151 с.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 – *Edelman J.I., Dodykhudoeva L.R.* The Pamir languages // *Iranian Languages* / Ed. by G. Windfuhr. L.: Routledge, 2009. P. 773–786.
- Forker 2019 – *Forker D.* Elevation as a category of grammar: Sanzhi Dargwa and beyond // *Linguistic Typology*. 2019. Vol. 23. No. 1. P. 59–106.

- Kim 2017 – *Kim D.* Topics in the syntax of Sarikoli. Utrecht: LOT, 2017. 441 p.
- Korn 2016 – *Korn A.* A partial tree of Central Iranian // *Indogermanische Forschungen*. 2016. Vol. 121. No. 1. P. 401–434.
- Korn 2019 – *Korn A.* Isoglosses and subdivisions of Iranian // *Journal of Historical Linguistics*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 239–281.
- Obrtelová 2019 – *Obrtelová J.* From oral to written: A text-linguistic study of Wakhi narratives. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2019. 333 p. (*Studia Iranica Upsaliensia*, 35)
- Payne 1989 – *Payne J.* Pamir Languages // *Compendium Linguarum Iranicarum* / Ed. by R. Schmitt. Wiesbaden: Reichert, 1989. P. 418–444.
- Wendtland 2009 – *Wendtland A.* The position of the Pamir languages within East Iranian // *Orientalia Suecana*. 2009. Vol. 58. P. 172–188.

References

- Arkadyev, P.M. (2006), “Two-case systems in the Indo-Iranian languages: a typological perspective”, in Bogolubov, M.N. (ed.), *Indoiranskojeazykoznanije i tipologijaazykovykh situatsiy. Sbornik statey k 75-letiyu professora A.L. Gryunberga (1930–1995)* [Indo-Iranian linguistics and typology of linguistic situations. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of professor A.L. Grunberg (1930–1995)], Nauka, Saint-Petersburg, Russia, pp. 74–92.
- Belikov, V.I. (1972), “On the use of demonstrative pronouns in the Shughni language”, in *Забонҳои помирӣ ва фолклор* [Pamir languages and folklore], I, Donish, Dushanbe, Tajikistan, pp. 74–77.
- Dodykhudoeva, L.R. (1999), “The Pamir languages”, in Rastorgueva, V.S., Edelman, D.I. and Moshkalo, V.V. (ed.), *Yazyki mira: Iranskiye yazyki. III. Vostochnoiranskiye yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III. Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 170–174.
- Dodykhudoeva, L.R. (2020), “On the issue of lexical and grammatical meaning in the Shughni language”, in Kibrik, A.A. et al. (ed.), *VAProsyazykoznaninya: Megasbornik nanostatey* [VAProsyazykoznaninya: megacollection of nanopapers], Buki-Vedi, Moscow, Russia, pp. 344–349.
- Edelman, D.I. (2021), “Compatibility of proto-language elements and structural transformation of Iranian languages”, in Kogan, A.I., and Panina, A.S. (ed.), *Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki. Sochetayemost' yazykovykh edinit i yazykovyye modeli. Pamyati Z.M. Shalyapinoy (1946–2020)* [Problems of general and oriental linguistics. Compatibility of language units and language models. In memory of Z.M. Shalyapina (1946–2020)], Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia, pp. 218–225.
- Edelman, D.I., and Yusufbekov, Sh.P. (1999), “Shughni language”, in Rastorgueva, V.S., Edelman, D.I. and Moshkalo, V.V. (ed.), *Yazyki mira: Iranskiye yazyki. III. Vostochnoiranskiye yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III. Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 225–242.

- Edelman, J.I. and Dodykhudoeva, L.R. (2009), "The Pamir languages", in Windfuhr, G. (ed.), *Iranian Languages*, Routledge, London, UK, pp. 773–786.
- Forker, D. (2019), "Elevation as a category of grammar: Sanzhi Dargwa and beyond", in *Linguistic Typology*, vol. 23, no. 1, pp. 59–106.
- Kalandarov, T.S. (2004), *Shugnantsy (istoriko-etnograficheskoye issledovaniye)* [The Shughni people (historical and ethnographic study)], IEA RAS, Moscow, Russia.
- Kalandarov, T.S. (2006), "Ismailism in the Pamirs: searching for new ways and solutions", in *Rasy i narody, vyp. 32* [Races and Peoples, vol. 32], Nauka, Moscow, pp. 180–196.
- Kalandarov, T.S. (2018), "Pamir peoples, their languages and census: ethnic discourse", in *Etnograficheskoye obozreniye*, vol. 5, pp. 162–178.
- Karamshoyev, D.K. (1963), *Badzhuvskiy dialekt shugnanskogo yazyka* [The Bajuvi dialect of the Shughni language], Institute of Language and Literature, Dushanbe, Tajikistan.
- Kim, D. (2017), *Topics in the syntax of Sarikoli*, LOT, Utrecht, Netherlands.
- Korn, A. (2016), "A partial tree of Central Iranian", in *Indogermanische Forschungen*, vol. 121, no. 1, pp. 401–434.
- Korn, A. (2019), "Isoglosses and subdivisions of Iranian", in *Journal of Historical Linguistics*, vol. 9, no. 2, pp. 239–281.
- Lashkarbekov, B.B. (2008), "Old Vanji language", in Efimov, V.A. (ed.), *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: Sredneiranskiye i novoiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics: Middle Iranian and New Iranian languages], Eastern Literature, Moscow, Russia, pp. 61–109.
- Muravyova, I.A. (1975), "Non-positional alternations of phonemes in the Shughni language", in Zvegintsev, V.A. (ed.), *Issledovaniya po strukturnoy i prikladnoy lingvistike* [Research in structural and applied linguistics], MSU, Moscow, Russia, pp. 124–135. (Publikatsii OSiPL, 7)
- Obrtelová, J. (2019), *From oral to written: A text-linguistic study of Wakhi narratives*, Acta Universitatis Upsaliensis, Uppsala, Sweden. (Studia Iranica Upsaliensia, 35)
- Payne, J. (1989), "Pamir Languages", in Schmitt, R. (ed.), *Compendium Linguarum Iranicarum*, Reichert, Wiesbaden, Germany, pp. 418–444.
- Sokolova, V.S. (1967), *Geneticheskiye otnosheniya yazgulyamskogo yazyka i sh-chgnanskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relations of the Yazgulyam language and the Shughni language group], Nauka, Leningrad, USSR.
- Steblin-Kamenskii, I.M. (1993), "The first trip of I.I. Zarubin to the Pamirs in the summer of 1914", in *Kunstkamera: Etnograficheskiye tetradi*, vol. 1, pp. 139–150.
- Wendtland, A. (2009), "The position of the Pamir languages within East Iranian", in *Orientalia Suecana*, vol. 58, pp. 172–188.
- Yusufbekov, Sh.P. (1998), *Deykhtichnost' v yazykakh shugnano-rushanskoi gruppy: semantiko-pragmaticheskiye aspekty* [Deicticity in the languages of the Shughni-Rushani group: semantic and pragmatic aspects], Azbukovnik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Владимир А. Плу́нган, доктор филологических наук, академик РАН, ИЯз РАН, Москва, Россия; 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; plungian@iling-ran.ru

Information about the author

Vladimir A. Plungian, Dr. of Sci (Philology), Dr. habil., Full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009; plungian@iling-ran.ru

Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке

Артем О. Бадеев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

badeev.artem@live.com

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор основных особенностей системы указательных местоимений и их дейктических функций в шугнанском языке. В основе исследования лежат данные полевой работы, а именно эксперимента, в ходе которого информанты озвучивали предложения с шугнанскими демонстративами. Полученные данные изложены в виде таблиц с последующим обсуждением. В исследовании используются различные теоретические подходы к изучению дейксиса: с одной стороны, бицентрический подход, опирающийся на анализ отношений участников речевого акта, с другой – представления об оппозиции лично- и дистантно-ориентированных систем в свете представления о дейктическом как удаленном от дейктического центра, т. е. говорящего. В этом ключе данная статья стремится совместить достижения обоих подходов. В результате предлагается обновленное представление о вариативности указательных местоимений в шугнанском.

Ключевые слова: восточноиранские языки, шугнанский язык, демонстративы, дейксис

Для цитирования: Бадеев А.О. Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 23–47. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-23-47

Variability in the usage of demonstratives in Shughni

Artyom O. Badeev

HSE University, Moscow, Russia, badeev.artem@live.com

Abstract. This article provides an overview of the main features of the Shughni system of demonstratives and their deictic functions. The study is based on the fieldwork data, namely an experiment during which the informants responded with Shughni demonstratives. The data obtained are presented in the form of tables with subsequent discussion. The study uses diverse theoretic approaches: on the one hand, a bicentric approach to deixis, examining it through the relations of the participants in a speech act, on the other hand, the idea of the opposition between person- and distance-oriented systems following the mainstream thinking about deixis as remoteness from deictic center, that is, the speaker. In this vein, this article seeks to combine the achievements of both. As a result, an updated understanding of the variability of Shughni demonstratives is provided.

Keywords: Eastern Iranian languages, Shughni language, demonstratives, deixis

For citation: Badeev, A.O. (2022), “Variability in the usage of demonstratives in Shughni”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 23–47, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-23-47

1. Введение

Указательные местоимения в языках мира обладают дейктической функцией. В работе [Плунгян 2011, с. 237] указывается: «...под дейксисом (*греч.* ‘указание’) в общем случае понимается “шифтерная” ориентация объекта или ситуации, т. е. указание на их положение в пространстве или времени относительно “дейктического центра”, связанного с речевым актом». В свою очередь, традиционно [Bühler 2011, р. 117–122] различается дейксис лица, пространства и времени. Указательные местоимения (иначе: демонстративы) отвечают за пространственный дейксис: общую удаленность, положение референта относительно непосредственных участников дискурса (локуторов) и дейктического центра [Diessel 1999, р. 35–36]. Так, последний может быть понят как область концептуализации дейктических значений, отправная точка для указания. Обычно дейктический центр рассматривается как область, где находится говорящий, центр речевого акта [Плунгян 2011, с. 254; Diessel 1999, р. 35–36].

Демонстративы формируют оппозицию в отношении удаленности от дейктического центра. В русском языке различаются указательные местоимения *этот* и *тот*: *этот* является указанием на дейктический центр, тогда как *тот* на все, что находится за его пределами. Такая типология могла бы объяснить системы демонстративов, основанные сугубо на отношениях удаленности, но неадекватна для тех систем, где употребление демонстративов независимо (или же зависимо не только) от их положения относительно дейктического центра. Х. Диссель описал разногласия лингвистов по этому вопросу: одна точка зрения основана на том, что демонстративы в языках мира неразрывно связаны с указанием на дистантный контраст; в соответствии с другой позицией употребление демонстративов зависит от расположения референтов относительно локуторов, сами демонстративы могут не иметь при этом дейктической функции [Diessel 1999, p. 37–39]. Последнее предположение дало современной лингвистике представление об оппозиции личного и дистантного контрастов в дейксисе [Anderson, Keenan 1985, p. 282–286]. Сам Диссель сообщает, что дейктический центр может находиться не только в области говорящего (исключая адресата), но и в общей области обоих локуторов [Diessel 1999, p. 41].

Интересно иметь в виду также эксперимент с дейксисом телефонного разговора Ю.Д. Апресяна, согласно которому «ключевой фигурой» дейксиса является не говорящий, а наблюдатель, который обзрывает всю ситуацию со стороны. «Пусть некто ищет авторучку, которая, по сведениям говорящего, лежит на телефонном столике сбоку от телефонного аппарата. Говорящий может сидеть спиной к столику. Однако, направляя поиск, он будет ориентировать ручку относительно телефона не со своей точки зрения, а с точки зрения ищущего» [Апресян 1986, с. 278]. Следовательно, говорящий создает свой образ, который и становится дейктическим центром. Позиции наблюдателя и говорящего могут совпадать, однако в отдельных случаях, например, когда говорящий не видит референт и адресата, но направляет последнего так, как будто наблюдает референт с его позиции, дейктический центр и позиция говорящего могут не совпадать. Соответственно, помимо удаленности от дейктического центра, видимость объекта, а также его расположение и перемещение по вертикальной оси (*elevation*), ориентиры на местности (в гору или вниз по реке) могут играть решающую роль в употреблении демонстративов, хотя дейктическая природа этих факторов оспаривается [Diessel 1999, p. 41].

Предметом изучения данной работы является употребление указательных местоимений в шугнанском языке (иранская группа, восточноиранская подгруппа, памирские языки) в пространствен-

ном контексте (временной контекст в данной работе не рассматривается)¹. Демонстративы шугнанского языка были описаны рядом исследователей-памироведов как в широком рассмотрении класса местоимений, так и в рамках исследований дейксиса. Приведем некоторые из работ [Карамшоев 1963; Эдельман 1976; Беликов 1972; Аламшоев 1994; Юсуфбеков 1998; Mueller 2015]. Из них дейксису в шугнанском посвящены монография [Юсуфбеков 1998] с крупной базой примеров и концептуализацией дейктических понятий, а также сравнительно недавняя работа [Mueller 2015], которая не учитывает данные [Юсуфбеков 1998], однако рассматривает дейксис в шугнанском языке с позиции грамматики ролей и референции (Role and Reference Grammar – RRG). Цель нашей работы заключается в том, чтобы с современных типологических позиций и с новым языковым материалом описать вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке.

2. Методология работы

В данной работе анализируются примеры употребления демонстративов в пространственных контекстах, полученные в ходе интервьюирования на основе метода, примененного и описанного в статье А.А. Ростовцева-Попеля [Ростовцев-Попель 2009]. В основе проведенного нами исследования лежит эксперимент, производимый в пространстве комнаты или же вне помещения, где информантам предлагалось поучаствовать в диалоге в роли говорящего и озвучить просьбу адресату (в этой роли выступал автор данной работы) подать ему/ей какой-либо предмет, а именно: «подай мне (э) тот X», — употребив один из демонстративов. Предметы располагались на одной горизонтальной оси на одинаковом расстоянии в 1–2 метрах друг от друга. Их количество, а также положение участников дискурса менялось от одного эксперимента к другому. Ответы информантов, собранные в таблицах, будут приведены ниже. Предпочтение отдавалось первым полученным ответам, однако, если информант ссылаясь на альтернативную возможность, эти данные также фиксировались.

Всего было проведено четыре эксперимента: три основных (участвовали 12 информантов, эксперименты проводились подряд один за другим) и один дополнительный (участвовали два информанта, не принимавшие участия в других экспериментах). Были

¹ Более подробную классификацию родства см. [Edelman, Dodykhudoeva 2009, p. 787–788].

опрошены носители шугнанского языка, проживающие в городе Хорог, кишлаке Дашт в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, в Душанбе, в Москве и Московской области. Среди опрошенных были как люди, окончившие только среднюю школу, так и люди с высшим образованием. Были представлены как мужчины, так и женщины младшего и среднего возраста от 17 до 60 лет. По роду занятий информанты были школьниками, студентами, преподавателями в институте или национальных группах, домохозяйками.

В следующих разделах будет дан обзор системы указательных местоимений (далее УМ) шугнанского языка, затем по очереди будут анализироваться данные каждого из проведенных экспериментов, сопровождаемые иллюстрациями, примерами употребления демонстративов и таблицами с ответами информантов там, где это необходимо. На основе как имеющихся описаний шугнанской системы УМ, так и работ на материале других языков будут рассмотрены полученные в ходе каждого из экспериментов ответы информантов. Так, в четвертом разделе будут приведены данные первого эксперимента, направленного на определение немаркированного компонента в шугнанской системе УМ, в пятом – второго, где ответы информантов будут поделены на две стратегии употребления УМ на основании лично-дистантной оппозиции дейктических систем, в шестом – третьего эксперимента – теста на невидимость с дополнительным сбором данных для уточнения возможности «общего указания» в шугнанском языке. Седьмой раздел представляет собой заключение.

3. Обзор системы указательных местоимений шугнанского языка

В табл. 1 ниже представлены указательные местоимения шугнанского языка. В шугнанском языке различают прямую и косвенную падежные формы, при этом местоимения в косвенном падеже могут выражать в том числе значение посессивности [Аламшоев 1994, с. 31]. Все местоимения в косвенной форме, а также местоимения третьей серии в прямом падеже имеют грамматический показатель рода. Также все местоимения различают формы единственного и множественного числа. Помимо дейктической функции, указательные местоимения всех степеней удаленности обоих падежей могут употребляться в качестве определенного артикля. М.М. Аламшоев отмечает, что это происходит «при повествовании

в тех случаях, когда предмет, лицо или понятие собеседнику ясны, а референт лишь напоминает о них» [Аламшоев 1994, с. 34]. ср. пример (1).

- (1) *Dam* *jīngāl=and* *yi* *yulā* *aγdal* *barjōy*
 D.II:F:O:SG лес=LOC один большой дракон на месте
vic *xu* *daδ* *odam-at* *awwūn* *naγjīdow*
 быть:PF:F и тогда человек-и животное проходить:INF
na-lākiχt. *Yā* *aγdal* *anjīvd-at*
 NEG-отпускать:3SG D.III:F:N:SG дракон хватать:3SG-CONJ
ar či-yaθ *abēxd.*
 каждый-то проглатывать:3SG.

‘В этом лесу жил один большой дракон и не давал пройти людям и животным. (Тот) дракон хватал любого и проглатывал’ [Аламшоев 1994, с. 34].

Вслед за работами [Беликов 1972; Юсуфбеков 1998; Эдельман 1976] мы обращаемся к типологии К. Бругмана², который выделяет три серии указательных местоимений: I, II, III, где I серия – это указание на сферу говорящего (“Ich-Deixis”), II серия – указание на сферу адресата (“Du-Deixis”), она же берет на себя эмфатическое и анафорическое указание (“Der-Deixis”), а III серия – указание на сферу другого, третьего лица (“Jener-Deixis”). Эта типология, построенная на материале индоевропейских языков, позволяет рассмотреть шугнанский и шире индоевропейский дейксис в диахронии.

Принятие типологии К. Бругмана в нашей работе связано с особенностями системы демонстративов шугнанского языка, где референция происходит как относительно дейктического центра, так и позиций обоих участников дискурса, что нередко для трехчастных систем [Diessel 1999, p. 38–41]. В свою очередь, Ш.П. Юсуфбеков описал шугнанскую систему демонстративов как бицентрическую (в противоположность моноцентрической), где определяющую роль в употреблении указательных местоимений играет положение участников дискурса относительно референта и друг друга [Юсуфбеков 1998, с. 138–139]. Типологическая оппозиция ближний–средний–дальний, отражающая отдаленность референта от дейктического центра [Diessel 1999, p. 39], видится нам неподходящей для характеристики системы демонстративов шугнанского языка. Принять ее означало бы игнорировать доводы предшественников.

²*Brugmann K.* Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen (eine bedeutungs geschichtliche Untersuchung). Berlin: B.G. Teubner, 1904. 166 S.

Таблица 1

Система демонстративов в шугнанском языке
[Юсуфбеков 1998, с. 12]

Серия и значение	Падеж	Род	Единственное число	Множественное число
Ich-Deixis	прям. косв.	м. ж.	yam mi mam	māḍ mēv
II Du-Deixis Der-Deixis	прям. косв.	м. ж.	yid di dam	dāḍ dēv
III Jener-Deixis	прям. косв.	м. ж. м. ж.	yu yā wi wam	wāḍ wēv

4. Эксперимент первый.

Определение немаркированного компонента

В каждом эксперименте представлены разные ситуации, как это можно увидеть на рис. 1, где по очереди изображены два опыта.

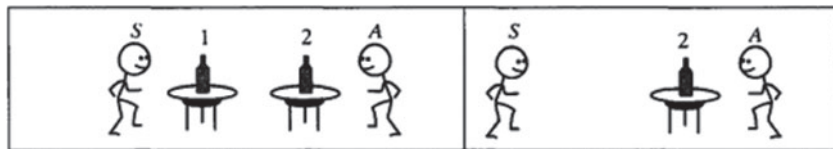

Рис. 1. Эксперимент первый [Ростовцев-Попель 2009, с. 28]

В ходе первого опыта между локуторами: говорящим (S) и адресатом (A) на равном расстоянии находились референты под номерами 1 и 2 (изображение 1). Во втором опыте объект под цифрой 1 отсутствовал. В данном эксперименте и дальнейших это могли быть любые подручные предметы (чашка, яблоко,

книга и т. п.). Для нашей работы не было принципиально, чтобы объекты были одинаковыми (например, две чашки, три книги и т. п.). В обоих опытах говорящему предлагалось обратиться к адресату с просьбой подать ему объект под цифрой 2. Во всех случаях информанты прибегали к употреблению II серии демонстративов:

(2) <i>ku</i>	<i>dam</i>	<i>čaškā</i>	<i>dāk-Ø</i>
EMF	D.II:F:O:SG	чашка	давать-IMP
'Пожалуйста, подай мне (э)ту чашку' (источник: эксперимент)			

Здесь следует рассмотреть УМ II серии. В шугнанском языке они отвечают за область, широко определяемую по шкале удаленности от дейктического центра, но находящуюся возле адресата или, иначе говоря, соотносимую с его сферой. Помимо идеальных примеров, когда референт видим для участников речевого акта, находится ближе к адресату, чем к говорящему, II серия употребляется в том числе в случаях, когда адресат находится вне поля зрения говорящего, а сам говорящий может только предполагать присутствие адресата, когда к нему обращается [Юсуфбеков 1998, с. 20–25]. Несомненно, определение этой сферы есть задача говорящего. Как можно видеть из эксперимента, наличие или отсутствие референта возле говорящего не вносит изменений в употребление демонстративов. Это и требовалось проверить на опыте. Выбор информантом местоимения в данном эксперименте, согласно [Ростовцев-Попель 2009, с. 27], позволяет определить немаркированный компонент в дейктической системе. Та же особенность была замечена Ш.П. Юсуфбековым: демонстративы II серии могут утрачивать пространственное значение и обозначать указание как таковое, скорее всего анафорического характера [Юсуфбеков 1998, с. 22]. Как можно заключить, этот эксперимент обозначает позицию демонстратива II серии как немаркированного компонента в шугнанском дейксисе.

5. Эксперимент второй.

Внутриязыковая

лично-дистантная оппозиция

В ходе следующего эксперимента в первом опыте между локуторами на равной удаленности находились три объекта (см. рис. 2). Во втором опыте объекты занимали пространство в ряд перед говорящим и адресатом. В обоих опытах референты были видимы

для локуторов. Информантам предлагалось указать на каждый из объектов под номерами 1, 2 или 3 при наличии в дискурсивном пространстве двух других.

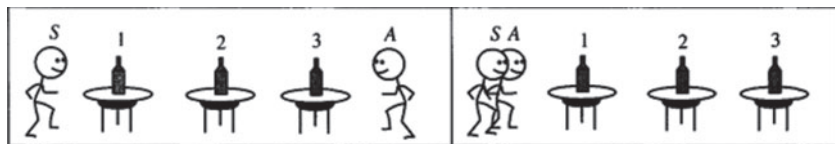

Рис. 2. Эксперимент второй
[Ростовцев-Попель 2009, с. 28]

Результаты, полученные в ходе этого и следующего экспериментов, представлены в виде таблиц с ответами информантов, где в двух строках, представляющих два опыта эксперимента, содержатся данные – демонстративы, употребленные информантами при указании на объекты по пути от ближнего к дальнему. I обозначает I серию, II – II серию, III – III серию демонстративов. По второму эксперименту данные разделены на две таблицы, которые мы будем рассматривать как разные стратегии употребления указательных местоимений. Выделяя основные тенденции и рассматривая каждую парадигму употребления информантом демонстративов как систему, мы перейдем к частным случаям.

Каждый эксперимент можно представить как поступательное изменение относительно предыдущего. Так, в первом опыте мы имеем картину предыдущего эксперимента, измененную таким образом, что в расширенное дискурсивное пространство был добавлен еще один референт. Вместе с тем во втором эксперименте информанты называют все референты, а не только референт 2, как в первом. Таким образом, сначала наша задача состоит в том, чтобы проследить, как меняется употребление УМ носителями при увеличении количества референтов до трех.

Таблица 2

Эксперимент 2. Стратегия А

Информант	Эксперимент 2	
	Опыт 1	Опыт 2
1	І ІІ ІІІ	І ІІІ ІІІ
2	І ІІ ІІ	І ІІ ІІІ
3	І ІІ ІІ	І ІІ ІІІ
4	І І ІІ	І І ІІІ
5	І ІІ –*	І ІІІ ІІІ
6	І ІІ ІІ	І ІІІ ІІІ
7	І ІІ ІІ	І ІІІ ІІІ
8	ІІ ІІ ІІ/ІІІ	ІІ ІІ ІІІ

* – ответ информанта зафиксировать не удалось

Таблица 3

Эксперимент 2. Стратегия В

Информант	Эксперимент 2	
	Опыт 1	Опыт 2
9	І І ІІІ	І І ІІІ
10	І ІІ ІІІ	І ІІ ІІІ
11	І І ІІІ	І І/ІІ ІІІ
12	І І ІІ ІІІ	І І ІІ ІІІ

Рассмотрим опыт 1 в рамках стратегии А (табл. 2). Мы видим доминирующую стратегию маркирования, в которой объект под номером 2 во всех, кроме одного случая, маркируется демонстративом ІІ серии. Так же употребляется он и в отношении объекта под номером 3 во всех случаях, кроме одного, где ответ информанта не удалось зафиксировать. Применительно к аналогичной ситуации, рассматриваемой в португальском языке, А.А. Ростовцев-Попель пишет о необходимости показать контраст между ближним и сравнительно удаленным объектом [Ростовцев-Попель 2009, с. 27].

Касательно референта, находящегося на наибольшем удалении от говорящего, такой же необходимости различать в указании его и средний референт не возникает. В той же работе рассматривается ситуация, в которой невозможно употребить УМ III серии и при указании на объект, «находящийся во внутреннем пространстве коммуникации», т. е. находящийся между локуторами: А.А. Ростовцев-Попель признает, что языки, которые не допускают такого указания, более склонны к дистантному ориентированию, нежели те, в которых оно возможно [Ростовцев-Попель 2009, с. 27]. Примеров такого употребления в шугнанском нами не выявлено. К той же части таблицы, где употребление демонстративов II серии не встречается вовсе, мы вернемся позднее.

Теперь обратимся к стратегии В (табл. 3) для первого опыта. Наглядно в сравнении с данными, рассмотренными выше, употребление информантами демонстративов III серии при указании на референт 3, т. е. объект, ближайший к адресату. Так, можно наблюдать, как в первом случае одна часть информантов четко определяет референт 3 в область адресата (II серия), в то время как другая употребляет в его отношении демонстративы III серии. Употребление последних в шугнанском языке зафиксировано в отношении пространственно удаленных объектов, а в дискурсивном пространстве ассоциируется со сферой 3-го лица, т. е. не соотносимой с локуторами [Юсуфбеков 1998, с. 26]. Таким образом, информанты, употребившие в данном контексте УМ III серии, склонны игнорировать позицию адресата, отдавая предпочтение параметру удаленности референта 3.

Теперь посмотрим, как отвечали информанты во втором опыте. Если для стратегии А изменение позиции адресата повлекло изменения в указании на референты (принципиален переход от II серии к III в отношении референта 3), то в стратегии В этого не происходит (в двух случаях возможно несколько вариантов УМ, их мы рассмотрим позднее). Следовательно, можно сказать, что стратегия В решает проблему появления референта 3 тем, что игнорирует позицию адресата. Ведь все те же информанты употребляли в ходе первого эксперимента демонстративы II серии, значит, увеличение числа референтов изменило подход к указанию в сторону более дистантно-ориентированного. Исходя из анализа Ростовцева-Попеля, положение адресата в дистантно-ориентированной системе не является опорной точкой при наличии трех и более референтов [Ростовцев-Попель 2009, с. 29]. Во втором опыте позиции локуторов совпадают, а использование указательных местоимений становится чуть более упорядоченным: абсолютно доминируют УМ I и III серии в указании соответственно на референты 1 и 3.

В указании на референт 2 как в стратегии А, так и в стратегии В используются все три типа маркирования демонстративов (I, II, III), однако принципы их употребления в разных стратегиях разные. Так, в рамках стратегии В, по-видимому, доминирует дистантная ориентация и УМ II серии используется для указания на объект средней удаленности от дейктического центра. В иных случаях для построения дистантной оппозиции употребляются демонстративы только I и III серий – тогда все референты маркируются либо как I III III, либо как I I III. В ответах этих информантов при появлении третьего референта II серия выходит из употребления, и система работает как двухчастная. Важно подчеркнуть тот факт, что II серия УМ не полностью отсутствует в идиолектах этих информантов, поскольку в первом эксперименте II серию употребляли 100% участников эксперимента.

За исключением одного случая (информант 4) в стратегии А используется УМ II или III серии для указания на референт 2. Исходя из сугубо дистантного определения шугнанских УМ, III серия употребляется в отношении далекого, II серия – относительно близкого референта (видимого в обоих случаях) [Юсуфбеков 1998, с. 40]. Эта дистантная неопределенность их разграничения, зависимость его от личного отношения говорящего были отмечены в работе [Беликов 1972]. Употребить как II, так и III серию можно в одной и той же ситуации:

- (3) a. *Yam* *sitdor* *žiniĵ*, ***yid*** *tozā*
 D.I.N:SG с землей снег D.II.N:SG чистый
 ‘Этот снег грязный, тот – чистый’
- b. *Yam* *sitdor* *žiniĵ*, ***yu*** *tozā*
 D.I.N:SG с землей снег D.III.N:SG чистый
 ‘Этот снег грязный, тот – чистый’ [Беликов 1972, с. 74–75].

Объяснить применение разных стратегий в употреблении демонстративов можно через признание идиолектной оппозиции лично- и дистантно-ориентированных дейктических систем. Из рассмотренных А.А. Ростовцевым-Попелем языков мы вновь берем как образец португальский: когда во втором опыте теряет значение позиция адресата, в этом языке выходят из употребления УМ II серии и система становится двухчастной [Ростовцев-Попель 2009, с. 28–29]. Такой же вариант маркирования предлагает и стратегия А во втором опыте (большинство случаев). В иных случаях, где система сохраняет употребление демонстративов II серии, доминирует определение относительно дейктического центра, и

последние отсылают не к сфере адресата, а, соответственно, как это происходит и в стратегии В, указывают на объект, находящийся на среднем удалении от дейктического центра. Таким образом, полученные в результате эксперимента данные подтверждают первоначальное разделение на две группы.

Рассмотрим тот случай в рамках стратегии А, где для указания на ближайшие к говорящему два объекта используются демонстративы I серии (обозначены в двух опытах в табл. 2 как I I II и I I III – информант 4). Так, использование дейктика II серии в первом опыте (III серии во втором) для обозначения референта 3 уже не позволяет назвать эту систему дистантно-ориентированной: информант учитывает позицию адресата. Возможно, так выглядит несколько нетипичная для шугнанского модель лично-ориентированной системы, где из-за вытеснения II серии I серия частично заняла ее «нишу» в дискурсе. Также пограничными можно назвать два случая в табл. 3. Первый из них (информант 11) обозначен как I II III в первом опыте и I I/II III во втором. В первом опыте соблюдается выбор демонстративов, типичный для стратегии В, однако, когда положение адресата меняется во втором опыте, появляется вариативность, где при выборе УМ II серии говорящий придерживается стратегии В, но при выборе УМ I серии реагирует на перемещение адресата. Систему, где выбор был совершен в пользу I серии справедливо считать лично-ориентированной. Последним нерассмотренным отдельным случаем является информант 8 в табл. 2: II II II/III и II II III. Здесь информант допускает повтор в маркировании референта 3 из первого во второй опыт (III → III). Этот повтор совершенно не свойственен стратегии А. В том же месте допускается и типичный для лично-ориентированной стратегии переход II → III. Мы же относим этого информанта к стратегии А из-за выбора демонстративов в маркировании референта 1. Употребление II серии УМ в его отношении не типично ни для одной из стратегий и более того ни для одного из информантов в этом эксперименте. Однако выбор II серии говорит больше в пользу личной ориентации, чем дистантной. В дистантно-ориентированной системе употребление II серии объясняется выражением средней степени удаленности от дейктического центра. В данных стратегии В мы видим такие системы, индифферентные к позиции адресата, в них УМ существуют в парадигме ближний–средний–дальний или ближний–дальний, когда система редуцируется до двухчастной. Парадигма средний–дальний невозможна для двухчастных систем, ведь двухчастная система предполагает бинарную оппозицию близко–далеко. В пользу дистантной ориентации здесь можно говорить лишь в том случае, если информант 8 во всех от-

ветах употребляет II серию УМ в значении ближней степени удаленности. В действительности в речи информанта 8 отсутствуют УМ I серии во всех трех проведенных экспериментах. Примеров такого замещения в существующих описаниях шугнанского нами не обнаружено, однако полностью исключать этот вариант нельзя.

Иначе объяснить такое проявление II серии можно через вариативность в употреблении демонстративов I и II серии. Существующие описания позволяют предположить определенную свободу в выборе между этими сериями. В действительности, «если говорящий оценивает расстояние между собой и адресатом как “близкое” и наблюдаемый объект находится в поле их зрения, может быть употреблена как I, так и II серия» [Юсуфбеков 1998].

- (4) a. *dāδ* *tu* *korgar-en=en* *fuk-aθ* *yast-o?*
 D.II:N:PL 2SG рабочий-3PL=3PL все-ADV быть-Q
 ‘Эти твои работники все присутствуют?’
- b. *māδ* *tu* *korgar-en=en* *fuk-aθ* *yast-o?*
 D.II:N:PL 2SG рабочий-3PL=3PL все-ADV быть-Q
 ‘Эти твои работники все присутствуют?’ [Юсуфбеков 1998, с. 35].

Приведенные выше примеры мы взяли у Ш.П. Юсуфбекова, описанный им опыт очень схож с тем, что можно наблюдать во втором опыте второго эксперимента, а также и в отношении референта 2 для первого опыта эксперимента. Бригадир, обращаясь к звеньевому, находится вместе с ним в одном дискурсивном пространстве, а работники, о которых первый спрашивает второго, – в другом. Вышерассмотренные примеры говорят нам о существовании пограничных областей коммуникативного пространства, где допустимо употребление как I, так и II серии, как II, так и III серии демонстративов.

Теперь выдвинем предположение о двух стратегиях построения дейктической системы, наблюдаемых в этом эксперименте. Нельзя сказать, что их данные представляют собой безупречную оппозицию: можно наблюдать колебания от более дистантного к более личному пониманию пространства носителем. Однако между ними можно провести четкую границу, где одна система будет принадлежать стратегии А, а другая – стратегии В (как в примере с тремя УМ II серии, рассмотренным выше, стратегия определяется в зависимости от употребления одного ключевого дейктика). При этом выпадение из употребления УМ II серии и переход системы к двухчастной свойственны обеим стратегиям. В случае стратегии А это происходит из-за исчезновения точки опоры в лице адресата во втором опыте, в случае стратегии В – из-за изначального

непринятия во внимание положения адресата. Разделение данных эксперимента на стратегии А и В дает возможность постулировать лично-дистантную оппозицию в рамках дейксиса шугнанского языка. Таким образом, к стратегии А отнесены те идиолекты, которым свойственна личная ориентация, а к стратегии В те, которым свойственна дистантная. Стратегия А представляется нам более традиционной для шугнанского языка, исходя из вышеупомянутых памироведческих описаний.

Иначе можно было бы представить природу подобного разделения как диалектную, т. е. связать ее с областью распространения тех или иных языковых явлений. Так, например, М. Жиц Фукс в своем исследовании дейксиса в хорватском языке находит различия в употреблении демонстративов в зависимости от того, проживает носитель в столичном Загребе или в сельской местности [Žić Fuchs 1996, p. 55]. Такое разделение не представляется нам возможным, поскольку носителей шугнанского, предпочитающих ту или иную стратегию, не удастся распределить тем же образом в зависимости от происхождения, «образа жизни» или «физического окружения», как то обнаружила для хорватского М. Жиц Фукс [Žić Fuchs 1996, p. 60]. В табл. 4 представлено распределение ответов информантов и местности их происхождения и проживания. Курсивом отмечены ответы информантов в рамках стратегии В. Не претендуя на статистический анализ, отметим, что данные не позволяют представить какой-либо зависимости выбора стратегии от места. Информанты, происходящие из одного города или джамоата (сельской общины в Таджикистане) или проживающие в одном городе, прибегают к разным стратегиям употребления УМ.

Таблица 4

Результаты эксперимента 2
и места происхождения/проживания информанта

Информант	Эксперимент 2		Место происхождения информанта	Место проживания информанта
	Опыт 1	Опыт 2		
1	I П П	I П П П	Дашт (джамоат Мирсаид Миршакар)	Дашт
2	I П П	I П П П	Хорог	Хорог
3	I П П	I П П П	Кушк (Поршинеvский джамоат)	Хорог

Окончание табл. 4

Информант	Эксперимент 2		Место происхождения информанта	Место проживания информанта
	Опыт 1	Опыт 2		
4	І І ІІ	І І ІІІ	Вуж (Верский джамоат)	Москва и МО*
5	І ІІ –	І ІІІ ІІІ	–	Душанбе
6	І ІІ ІІ	І ІІІ ІІІ	Душанбе	Душанбе
7	І ІІ ІІ	І ІІІ ІІІ	Хорог	Душанбе
8	ІІ ІІ ІІ/ІІІ	ІІ ІІ ІІІ	Дарморахтский джамоат	Душанбе
9	І І ІІІ	І І ІІІ	Хорог	Хорог
10	І ІІ ІІІ	І ІІ ІІІ	Парзудж	Хорог
11	І І ІІ ІІІ	І І/І ІІ ІІІ	Поршинева	Москва и МО
12	І І ІІ ІІІ	І І ІІ ІІІ	Рошткалинский джамоат	Душанбе

* – Московская область

6. Эксперимент третий. Тест на невидимость

В основе третьего эксперимента были позиции адресата и говорящего, отличные от опыта 2 второго эксперимента только тем, что референты оказывались у них за спиной (см. рис. 3). Референты были уже «известны» участникам коммуникации из предыдущего эксперимента и становились невидимы для них лишь на этом этапе, что позволяет говорить об анафорическом контексте при их упоминании, как в мнемонических детских играх, где участники определенное время запоминают предметы, а после этого перечисляют их по памяти.

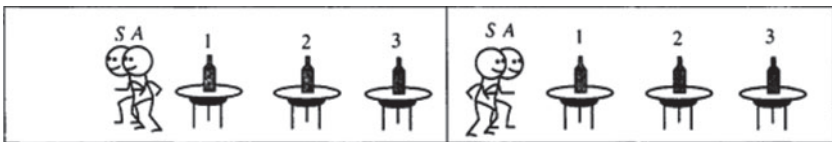

Рис. 3. Третий эксперимент
[Ростовцев-Попель 2009, с. 30]

В табл. 5 приведены результаты эксперимента. Для сравнения также указаны ответы информантов в последнем опыте второго эксперимента, когда локуторы стоят лицом к ряду объектов (он же на второй половине рис. 3). Курсивом выделены случаи, когда фактор невидимости приводит к «сдвигу» одного из элементов системы демонстративов. Жирным шрифтом выделены те случаи, где выбор местоимения не зависит от видимости/невидимости референта.

Таблица 5

Эксперимент 3

Информант	Эксперимент 3	Эксперимент 2
		Опыт 2
1	<i>III III III</i>	<i>I III III</i>
2	I II III	I II III
3	I II III	I II III
4	<i>I III III</i>	<i>II III</i>
5	<i>II III III</i>	<i>I III III</i>
6	<i>II/III III III</i>	<i>I III III</i>
7	<i>II III III</i>	<i>I III III</i>
8	<i>II III III</i>	<i>II II III</i>
9	I I III	I I III
10	I III III	I III III
11	<i>I II/III III</i>	<i>II/II III</i>
12	<i>II II II/III</i>	<i>I II III</i>

Сразу следует отметить, что мы не разделяем данные третьего эксперимента на отдельные стратегии употребления демонстративов. В том числе то разделение, что имело место в рамках предыдущего эксперимента, здесь не сохраняется. Однако представляется возможным выделить несколько групп УМ, имеющих общие подходы к реализации дискурса.

Первой такой группой можно назвать ту, в рамках которой употребление демонстративов не зависит от видимости/невидимости референтов (4 случая). В их число входят системы, тяготеющие как к личной, так и к дистантной ориентации.

Однако системы идиолектов, наиболее устремленные к личной ориентации, в эту группу не входят. Критерием выделения таковых

стало исчезновение из употребления II серии УМ при совпадении позиций говорящего и адресата во втором эксперименте (информанты 1, 4, 5, 6, 7). Мы знаем, что УМ III серии употребляются как исключения как из сферы адресата, так и из сферы говорящего и имеют семантику удаленности [Юсуфбеков 1998, с. 32, 42]. Таким же образом, по-видимому, исключаются референты из пространства речевого акта, оказываясь невидимыми. Для двух информантов из этой группы (информанты 1 и 6) существует способ маркирования, заключающийся в употреблении УМ III серии относительно всех референтов. Этот способ маркирования (*III III III*), засвидетельствованный в речи двух носителей, имеет типологическое сходство с дейктической системой португальского языка, отмечаемой А.А. Ростовцевым-Попелем в том же контексте [Ростовцев-Попель 2009, с. 30]. Речи информантов 4, 8 и 11 также свойственен сдвиг *I* → *III* или *II* → *III*, с той разницей, что он не приводит к маркированию всех референтов III серией УМ. На основании ответов этих пяти информантов выделим вторую группу, в которой стимул невидимости вызывает маркирование референтов при помощи III серии УМ.

Третью группу мы выделим из тех примеров, где реакцией на невидимость референтов стал сдвиг в сторону II серии (*I* → *II* и *III* → *II*). К ней можно отнести ответы информантов 5, 6, 7, 11, 12. Заметим, что идиолекты одних и тех же информантов (6, 11) допускают отнесенность как ко второй, так и к третьей группе. В свою очередь, у Ш.П. Юсуфбекова есть пример употребления УМ I и II серии в схожем контексте. Говорящий сидит спиной к окну и задает вопрос, его собеседник, напротив, наблюдает за происходящим снаружи:

- (5) a. *ar* *dam* *māš* *kiyoska=yen* *ku* *gazīt*
 снизу D.II:F:O:SG 1PL киоск=3PL EMP газета
vūγ̣-j-o *jid* *γal* *čust*
 приносить-PF-Q D.II:N:SG пока закрытый
 ‘Привезли ли в (э)тот (II серия) наш киоск газеты или он еще закрыт?’

- b. *yam=i* *yet* *čūγ̣-j-at,* *gazīt-en*
 D.II:N:SG=3SG открытый делать-PF-CONJ газета-PL
γal *gum̃n* *na-vūγ̣-j*
 пока видимо NEG-приносить-PF
 ‘Этот (I серия) [киоск] уже открыт, но газеты, видимо, еще не привезли’ [Юсуфбеков 1998, с. 39].

Здесь существуют два критерия в разграничении I и II серии: во-первых, это «видимость/невидимость определяемого объекта для говорящего и собеседника (т. е. видимое выступает как *близкое*, невидимое воспринимается как *далекое*)» [Юсуфбеков 1998, с. 39], во-вторых, упоминается субъективная точка зрения говорящего, вызванная его отличным от адресата местоположением. Поскольку же в третьем эксперименте позиции говорящего и адресата совпадают, внимание здесь следует сосредоточить на первом критерии.

В свою очередь, переход III → II, наблюдаемый в идиолекте информанта 12 в контексте третьего эксперимента с трудом поддается объяснению через дейктическое противопоставление, ведь II серия УМ в оппозиции II ~ III серий отвечает за условно более близкий объект, находящийся в пространстве, соотносимом с собеседником. Эти данные заставляют нас обратиться к определению II серии как общеуказательной. Тенденцию к утрате у II серии УМ значения указания на сферу собеседника и возникновение оппозиции II ~ III серий по наличию у II серии «значения подчеркнутого указания» и отсутствия такового у III серии отмечает Ш.П. Юсуфбеков [Юсуфбеков 1998, с. 41]. Наша уверенность в употреблении II серии УМ здесь в значении общеуказательной основывается на ряде причин. Во-первых, в эксперименте 3 данные информанта 12 дают нам систему, где все референты маркируются II серией. Это подтверждает отсутствие противопоставления из-за удаленности референтов друг от друга и от дейктического центра. Во-вторых, мы определили дейктик II серии как немаркированный компонент в шугнанской системе. Из этого следует, что употребление II серии информантом в таком контексте (II II II) недейктическое, оно не маркирует удаленность от дейктического центра, однако указывает на значение дейктика II серии как дейктика «по умолчанию».

С целью исключить, возможно, слишком навязчивую интерпретацию пространственного определения референтов в парадигме ближний–средний–дальний мы включили в систему четвертый референт и провели дополнительный эксперимент. В него были включены два опыта, необходимых для решения нашей задачи: первый – опыт второго эксперимента, но с четырьмя объектами вместо трех, второй – опыт третьего эксперимента с четырьмя объектами вместо трех соответственно (см. рис. 3). В табл. 6 представлены ответы информантов: в них абсолютно преобладает употребление II серии УМ. Только в одном случае информант 2 не указал на второй по удаленности референт с помощью II серии, однако допустил возможность такого указания. Этот эксперимент дает нам большее представление о II серии как общеуказательной. Возможно, когда количество референтов,

расположенных на приблизительно одинаковом удалении, становится больше трех, необходимость в дейктическом противопоставлении этих объектов резко отпадает.

Таблица 6

Дополнительный эксперимент

Информант		
	Опыт 1	Опыт 2
1	II III II	I/III III II
2	II III II	II III (II) II

Сделаем выводы по третьему эксперименту. Основное разделение по третьему эксперименту – наличие или отсутствие реакции на стимул невидимости вообще. Противопоставление лично- и дистантно-ориентированных систем в этом контексте не дает нам такого четкого разделения, как в предыдущем эксперименте, однако членение на отдельные меньшие группы в данных сохраняется. В первую группу мы выделили системы, где фактор невидимости информантами игнорировался. Во вторую и третью группы вошли идиолекты, в которых невидимость референтов стала стимулом для большего употребления III и II серии УМ соответственно. Мы видим, что шугнанский дейксис допускает определенные способы маркирования невидимых референтов, но нельзя сказать, что какой-то один из них доминирует.

Теперь, опираясь на вышеперечисленные примеры, обратим внимание на данные К. Мюллер. В [Mueller 2015] шугнанские УМ группируются по степени удаленности от говорящего: ближней, средней и дальней соответственно; это местоимения *mi/mam/mād*, *di/dam/dād* и *wi/wam/wād* [Mueller 2015, p. 57]. УМ *yam* и *yid* указаны как детерминативы с дейктическими функциями: *yam* указывает на ближнюю область рядом с говорящим, *yid* на ближнюю область в пространстве непосредственно перед говорящим [Mueller 2015, p. 59]. Однако еще по примерам (6), (7) [Беликов 1972, с. 74–77; Юсуфбеков 1998, с. 22] можно установить, что *yam* и *yid* употребляются как демонстративы и не требуют после себя именной группы, как это делают детерминативы. К демонстративам *yam* и *yid* относит в своей классификации и М. Аламшоев [Аламшоев 1994, с. 31]. На рассмотренном выше примере (5), а также на основании обозначенных выше контекстах употребления II серии УМ мы видим, что соотносение *yid* с сугубо ближней

областью в пространстве перед говорящим у [Mueller 2015, p. 59] не раскрывает всю вариативность употребления этого местоимения в шугнанском языке. Из выводов [Mueller 2015, p. 60, 75] также следует, что употребление местоимений *mi/mam/māḍ*, *di/dam/dāḍ* – I и II серии соответственно невозможно в контекстах невидимости. Из полученных нами данных эксперимента 3 можно выделить систему, которая действительно работает таким образом (идиолект информанта 1). Несомненно, способ маркирования невидимых референтов при помощи III серии существует. Однако, исходя из того же примера (5), а также совокупности данных, полученных нами в ходе эксперимента, мы можем опровергнуть эти выводы К. Мюллер.

- (6) *yu=yi bād daraw birēxi sūd, xu*
 3SG=3SG потом DYN пить:3SG становиться:NPST:3SG и
lūv-ǰ=i aǰab ba-maza na vad? dūnd-ik=ga
 говорить-PF=3SG EMP ALL-вкус NEG быть:PST:F столько-DIM=еще
rūyan ca vēd, yam sōf-aθ ba-maza
 масло COND быть:NPST:3SG D.I:N:SG совсем-ADV ALL-вкус
sūd
 становиться:NPST:3SG
 ‘И он потом начал пить и сказал: «[Разве] не удивительно вкусно? Еще немного масла было бы, это стало бы совсем вкусно»’ [Беликов 1972, с. 75].

- (7) *biyor-am cūnd tu ǰikūd na-vūd-ām tu.*
 вчера-1PL сколько 2SG искать.PST NEG-быть:PST-1PL 2SG
 ‘Вчера столько тебя искали, но не нашли’.
cūnd=and vud yid?
 сколько=LOC быть:PST D.I:N:SG
 ‘Во сколько было это?’ [Юсуфбеков 1998, с. 22].

7. Заключение

В ходе нашего исследования была установлена большая вариативность в построении дейктических систем в шугнанском языке. Это связано с разнонаправленными стратегиями, применявшимися носителями в ходе экспериментов. Первый эксперимент позволил нам установить немаркированный компонент в шугнанской системе – II серию УМ, при этом его данные были лишены даже единичных отклонений. Такое определение II серии УМ коррелирует с ее значением подчеркнутого указания.

Результаты второго эксперимента подтверждают существование личной и дистантной оппозиции в языке. Мы установили две стратегии употребления демонстративов в данном контексте, где принципом разделения является наличие или отсутствие реакции носителя на смену положения адресата в пространстве. Третий эксперимент позволил выявить способы маркирования невидимых объектов. Его данные представляются наиболее вариативными, вместе с этим разделение на группы в третьем эксперименте не соответствует разделению на две стратегии во втором эксперименте. Также мы склонны считать, что природу вариативности систем нельзя объяснить диалектным территориальным членением, так как приведенная нами география распространения явлений не дает нам на это никаких оснований. Дистантная ориентация в контексте трансформации системы в двухчастную, засвидетельствованная в проведенных нами экспериментах, не была отмечена ранее в описаниях шугнанского языка. В свою очередь, определение УМ только через парадигму ближний–средний–дальний в большинстве случаев не отражает настоящую семантику трехчастных систем, как это происходит и в шугнанском. Наконец, хотелось бы отметить, что многие из элементов данного исследования пока представляют собой наброски большой системы шугнанского дейксиса и требуют более глубокого и подробного изучения в отдельности.

Список сокращений и глоссы

I – первая серия,	D – демонстратив,
II – вторая серия,	DIM – диминутив,
III – третья серия,	DYN – динамический аспект,
УМ – указательные местоимения,	EMF – эмфаза,
A – адресат,	F – женский род,
S – говорящий,	IMP – императив,
3SG – третье лицо единственное число,	N – средний род,
ADV – адвербиализатор,	NEG – отрицание,
ALL – аллатив,	NPST – непрошедшее время,
I – первая серия,	O – косвенный падеж,
II – вторая серия,	PF – перфект,
III – третья серия,	PL – множественное число,
COND – условный аспект,	PST – прошедшее время,
CONJ – союз,	Q – вопросительная частица,
	SG – единственное число.

Благодарности

Публикация подготовлена в ходе проведения работы (проекта № 22-00-034) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Автор хотел бы выразить благодарность всем участникам Шугнанской экспедиции НИУ ВШЭ 2019 г., в первую очередь В.А. Плунонгану, Е.В. Рахилиной, Р.В. Ронько, А.А. Сергиенко, В.Д. Бутолину, а также Е.Е. Арманд за помощь в написании этой статьи, работникам Института памирских языков г. Хорога и РОО «НУР» г. Москвы и всем информантам, принявшим участие в экспериментах, легших в основу этой работы.

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant № 22-00-034).

The author would like to express his gratitude to all the participants of the Shugni expedition of the Higher School of Economics in 2019, first of all, V.A. Plungian, E.V. Rakhilina, R.V. Ronko, A.A. Sergienko, V.D. Butolin, as well as E.E. Armand for help in writing this article, to the employees of the Institute of Pamir Languages in Khorog and NUR centre in Moscow and to all informants who took part in the experiments that formed the basis of this work.

Литература

- Аламшоев 1994 – *Аламшоев М.М.* Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирских языков). Душанбе: Помир, 1994. 301 с.
- Апресян 1986 – *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семантика и информатика. 1986. № 28. С. 5–33.
- Беликов 1972 – *Беликов В.И.* К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке // Забонҳои помирӣ ва фольклор = Памирские языки и фольклор. I. Душанбе: Дониш, 1972. С. 74–77.
- Карамшоев 1963 – *Карамшоев Д.К.* Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Тип. изд-ва АН Таджикской ССР, 1963. 367 с.
- Плунонган 2011 – *Плунонган В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 669 с.
- Ростовцев-Попель 2009 – *Ростовцев-Попель А.А.* Типология демонстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 22–34.
- Эдельман 1976 – *Эдельман Д.И.* К истории язгулямских и шугнанско-рушанских указательных местоимений // Иранское языкознание: история, этимология,

- типология: (к 75-летию проф. В.И. Абаева) / Ред. В.С. Расторгуева. М., 1976. С. 85–96.
- Юсуфбеков 1998 – Юсуфбеков Ш.П. Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. М.: Азбуковник, 1998. 151 с.
- Anderson, Keenan 1985 – Anderson S.R., Keenan E.L. Deixis // Language typology and syntactic description / Ed. by T. Shopen. Vol. 3. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. P. 259–308.
- Bühler 2011 – Bühler K. Theory of language: the representational function of language / Transl. by D.F. Goodwin. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 2011. 518 p.
- Diessel 1999 – Diessel H. Demonstratives. Form, function, and grammaticalization. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1999. 205 p.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 – Edelman D.I., Dodykhudoeva L.R. Shughni // The Iranian languages / Ed. by G. Windfuhr. Abingdon; N. Y.: Routledge, 2009. P. 787–824.
- Mueller 2015 – Mueller K. Deixis in Shughni: Grammatical and semantic considerations. Grand Forks: Univ. of North Dakota, 2015. 125 p.
- Žic Fuchs 1996 – Žic Fuchs M. 'Here' and 'There' in Croatian // The construal of space and thought / Ed. by M. Pütz, R. Dirven. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1996. P. 49–62.

References

- Alamshoev, M.M. (1994), *Sistema mestoimenii shugnanskogo yazyka (v sravnenii s drugimi yazykami shugnano-rushanskoi gruppy pamiirskikh yazykov)* [Pronoun system in Shughni language (in comparison with other languages of the Shughni-Rushani group of the Pamir languages)], Pomir, Dushanbe, Tajikistan.
- Anderson, S.R. and Keenan, E.L. (1985), “Deixis” in Shopen, T. (ed.), *Language typology and syntactic description*, vol. 3, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 259–308.
- Apresyan, Yu.D. (1986), “Deixis in lexis and grammar and the naive model of the world”, *Semiotika i informatika*, no. 28, pp. 5–33.
- Belikov, V.I. (1972), “On the use of demonstrative pronouns in the Shughni language” *Zabonhoi pomiri va fol'klor = Pamirskie yazyki i fol'klor, I* [Pamir languages and folklore], Donish, Dushanbe, USSR, pp. 74–77.
- Bühler, K. (2011), *Theory of language: the representational function of language*, John Benjamins publishing company, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA.
- Diessel, H. (1999), *Demonstratives. Form, function, and grammaticalization*, John Benjamins publishing company, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA.
- Edel'man, D.I. (1976), “To the history of Yazghulami and Shughni-Rushani demonstratives”, in Rastorgueva, V.S. (ed.), *Iranskoje yazykoznanie: istoriya, etimologiya, tipologiya (k 75-letiyu prof. V.I. Abaeva)* [Iranian linguistics: history, etymology, typology], Nauka, Moscow, USSR.

- Edelman, D.I. and Dodykhudoeva, L.R. (2009), "Shughni", in Windfuhr, G. (ed.), *The Iranian languages*, Routledge, Abingdon, Canada, New York, USA, pp. 787–824.
- Karamshoev, D.K. (1963), *Badzhuvskii dialekt shugnanskogo yazyka* [Badzhuvi dialect of the Shughni language], Tipografiya izdatel'stva AN Tadzhijskoi SSR, Dushanbe, USSR.
- Mueller, K. (2015), *Deixis in Shughni: Grammatical and semantic considerations*, University of North Dakota, Grand Forks, USA.
- Plungyan, V.A. (2011), *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world], RSUH, Moscow, Russia.
- Rostovtsev-Popel', A.A. (2009), "Typology of demonstratives: the middle deictics", *Voprosy yazykoznaviya*, no. 2, pp. 22–34.
- Yusufbekov, Sh.P. (1998) *Deiktichnost' v yazykakh shugnano-rushanskoi grupy: semantiko-pragmaticheskie aspekty* [Deixis in Shughni-Rushani languages: semantic and pragmatic aspects], Azbukovnik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Артем О. Бадеев, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 115054, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 1; badeev.artem@live.com

Information about the author

Artyom O. Badeev, HSE University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia, 115054; badeev.artem@live.com

УДК 811.221.3

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-48-66

Посессивные конструкции с местоимениями в шугнанском языке

Роман В. Ронько

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН,

Москва, Россия, romanronko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются правила выбора посессивных конструкций с местоимениями в шугнанском языке. В шугнанском языке посессивность может выражаться с помощью личных и указательных местоимений, местоимений с локативным послелогом *-and* и конструкций, которые включают в себя и стандартное местоимение, и местоимение, маркированное локативным показателем. В работе постулируется два синтаксических типа посессора, а также исследуются функциональные различия между этими типами конструкций, анализируются типы семантических отношений между посессором и обладаемым в исследуемых конструкциях.

Ключевые слова: посессивность, внешний посессор, предикативная посессивность, личный локатив, неотчуждаемость, шугнанский язык

Для цитирования: Ронько Р.В. Посессивные конструкции с местоимениями в шугнанском языке // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 48–66. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-48-66

Possessive constructions with pronouns in Shughni

Roman V. Ron'ko

HSE University, Moscow, Russia;

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy

of Sciences, Moscow, Russia, romanronko@gmail.com

Abstract. The paper describes possessive constructions with pronouns in Shughni. In this language, possessor can be expressed by personal and demonstrative pronouns, pronouns with the locative postposition *and*, and construc-

© Ронько Р.В., 2022

tions including both a standard pronoun and a pronoun marked with a locative marker. I compare these construction types, analyze types of semantic relations between the possessor and the possessee. Besides that, two syntactic types of possessive constructions are distinguished and their syntactic features are described.

Keywords: possession, external possessor, predicative possession, personal locative, Shughni

For citation: Ron'ko, R.V. (2022), "Possessive constructions with pronouns in Shughni", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 48–66, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-48-66

1. Введение

Наша работа посвящена выбору конструкции с разными типами посессоров в шугнанском языке. Вариативность конструкций, выражающих эту грамматическую категорию, может быть обусловлена разными семантическими и синтаксическими факторами [Кибрик и др. 2006; Aikhenvald 2019; Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001; Lander 2004; König, Haspelmath 1997]. Так, для выражения посессивности важно, содержится ли рассматриваемое значение в предикате (английская конструкция с глаголом *have* или русская *y+GEN есть*) или в именной группе, в одной ли составляющей находятся посессор и обладаемое или в разных. На выбор конструкции может влиять семантический тип отношения между посессором и обладаемым: родственные отношения, отношение часть–целое, отношение легального обладания и др. На выбор конструкции также способны влиять информационная структура предложения и порядок слов.

В фокусе внимания нашей работы находятся конструкции с притяжательными местоимениями. Существует три конструкции с местоимениями со значением принадлежности: конструкция с личным местоимением в косвенном падеже (1a), конструкция с притяжательным местоимением, маркированным локативным послелогом *-and*¹ (1b) и конструкция с двумя местоимениями, одно из которых маркировано локативным послелогом (1c).

¹ В данной работе мы вслед за иранистической традицией будем называть *-and* локативным послелогом, однако морфологический статус этой единицы не совсем ясен. Подробное обсуждение этой проблемы представлено в следующей работе: *Sarkisov I.V. Morphosyntax of Noun Groups in Shughni*, student thesis. M: HSE Univ., 2018.

- (1) a. ***mu*** *stol*
 1SG.OBL стол
- b. ***mu-nd*** *stol*
 1SG.OBL-LOC стол
- c. ***mu-nd*** ***mu*** *stol*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL стол
 ‘Мой стол’. (Сконструированные примеры)

В нашей статье мы постараемся установить механизм выбора той или иной конструкции в зависимости от разных факторов.

Материалы для данной работы были получены несколькими способами. Во-первых, был использован словарь шугнанского языка (Карамшоев 1988). Данный словарь содержит 30 000 слов, которые в качестве иллюстративного материала снабжены фрагментами текстов, записанных автором словаря во время полевой работы. Работая с этим словарем, мы использовали корпусный подход. Были извлечены контексты с местоимениями в посессивном значении, которые впоследствии подверглись количественной обработке. Не извлекались примеры, которые содержат пометы, обозначающие диалектную принадлежность². Кроме того, мы использовали материал текстов, записанных в экспедициях НИУ ВШЭ на Памир 2018–2021 гг. в городе Хорог и в ближайших кишлаках, а также данные, собранные методом элицитации.

Статья устроена следующим образом: в разделе 2 представлены парадигмы местоимений шугнанского языка и описаны некоторые их морфологические особенности. В разделе 3 рассматриваются синтаксические типы посессивных конструкций. В разделе 4 анализируется влияние на выбор конструкции семантического типа отношения между посессором и обладаемым.

2. Морфология личных местоимений

В шугнанском языке в роли личного посессора выступают личные и указательные местоимения в косвенном падеже. Сведения о системе местоимений шугнанского языка содержатся в значительном количестве работ, см., например [Аламшоев 1994; Карамшоев 1963; Эдельман 2000; Эдельман, Юсуфбеков 2000; Юсуфбеков

²Имеются в виду пометы, обозначающие принадлежность к «баджувскому диалекту» и «шахдаринскому говору».

1998; Edelman, Dodykhudoeva 2009]. Парадигма личных местоимений 1-го и 2-го лица представлена в табл. 1.

Таблица 1

Личные местоимения шугнанского языка
(первое и второе лицо)

	1SG	2SG	1PL	2PL
NOM	<i>(w)uz</i>	<i>tu</i>	<i>māš</i>	<i>tama/tamā</i>
OBL	<i>mu</i>			

Формы именительного и косвенного падежей местоимений различаются только у местоимения 'я' и у местоимений 3-го лица, в роли которых выступают указательные местоимения, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Указательные местоимения

		«У говорящего»		«У слушающего»		«Дальняя дистанция»	
		M	F	M	F	M	F
SG	NOM	<i>yam</i>		<i>yid</i>		<i>yu</i>	<i>yā</i>
	OBL	<i>mi</i>	<i>maṃ</i>	<i>di</i>	<i>daṃ</i>	<i>Wi</i>	<i>Wam/wem</i>
PL	NOM	<i>māḍ</i>		<i>dāḍ</i>		<i>Wāḍ</i>	
	OBL	<i>mev</i>		<i>dev</i>		<i>Wev</i>	

Указательные местоимения имеют три ряда в зависимости от степени удаленности указываемого объекта³. В каждом ряду различаются формы числа (единственное и множественное) и падежа (прямой и косвенный). Указательные местоимения в косвенном падеже различаются по родам.

³ Подробное описание системы указательных местоимений шугнанского языка см. в статье А.О. Бадеева «Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке» в настоящем номере; см. также [Аламшоев 1994].

Кроме личных и указательных местоимений, в роли посессора может выступать также рефлексивное местоимение *xu*.

Местоимения, выражающие посессивность, способны не только выразить ее самостоятельно, но и присоединять к форме косвенного падежа локативный послелог *-and*. В табл. 3 представлены все встретившиеся в нашем материале посессивные формы, включающие в свой состав местоимения. Формы, заканчивающиеся на гласную, присоединяют показатель *-nd*, а формы, которые заканчиваются на согласную, способны присоединить два варианта данного показателя – *-and* и *-ind*. Согласно нашим данным, показатель *-ind* характерен для шахдаринского говора шугнанского языка, однако некоторые материалы словаря (Карамшоев 1988) противоречат этому утверждению.

Таблица 3

Посессивные формы

Глосса	Местоимение	Местоимение <i>-(a)nd</i>
1SG	<i>mu</i>	<i>mu-nd</i>
2SG	<i>tu</i>	<i>tu-nd</i>
1PL	<i>māš</i>	<i>māš-and/māš-ind</i>
2PL	<i>tama</i>	<i>tama-nd</i>
3SG.M	<i>wi</i>	<i>wi-nd</i>
3SG.M	<i>di</i>	<i>di-nd</i>
3SG.F	<i>wem</i>	<i>wem-ind/wem-and</i>
3PL	<i>wev</i>	<i>wev-ind/wev-and</i>
REFL	<i>xu</i>	<i>xu-nd</i>

Формы местоимений *wāð-and/ind* (3PL.OBL), *mev-and/ind* (3PL.OBL), *dev-and/ind* (3PL.OBL), *tam-and/ind* (3SG.OBL), *dam-and/ind* (3SG.OBL) в посессивном значении используются редко и не встречаются в материале словаря (Карамшоев 1988), в работах по шугнанскому языку [Аламшоев 1994; Карамшоев 1963; Эдельман 2000; Эдельман, Юсуфбеков 2000; Юсуфбеков 1998; Edelman, Dodykhudoeva 2009], в текстах [Зарубин 1960], а также в текстах памирских экспедиций НИУ ВШЭ 2018–2021 гг., однако являются возможными и были получены путем элицитации.

Кроме указанных способов выражения посессивности, в шугнанском языке есть конструкция, в которой участвуют два место-

имения: притяжательное местоимение (совпадающее с местоимением в форме косвенного падежа) и местоимение с показателем *-and*, как в примере (2):

- (2) *tu-nd* *tu* *toli* *lap* *gandā*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL плохая очень судьба
 ‘У меня плохая судьба’ (Карамшоев 1988, с. 125).

В этом примере после местоимения с показателем локатива-посессива сразу идет местоимение без этого показателя. Здесь необходимо пояснить, что первую позицию в этой конструкции могут занимать не только местоимения с локативно-посессивным показателем, но и существительные с этим показателем.

3. Синтаксические типы посессивных конструкций

3.1. *Конструкции с внешним посессором.* В языках мира существуют два разных синтаксических типа посессоров – внутренний и внешний. Внутренним посессором называется конструкция, в которой посессор находится в той же фразовой составляющей (именной группе), что и вершина. Внешний посессор отличается от внутреннего тем, что он находится в отдельной от обладаемого составляющей. Конструкции с внешним посессором, в отличие от конструкций с внутренним посессором, есть не во всех языках мира [König, Haspelmath 1997, p. 591], так что вопрос о наличии внешнего посессора в том или ином языке является отдельной задачей. Примером конструкции со внешним посессором в русском языке является предложение (3).

- (3) *Всяя оторвал ему ногу*

В шугнанском языке в примерах с притяжательными местоимениями, маркированными локативными показателями, обладаемое может быть отделено от посессора с помощью наречий.

- (4) *wi-nd* *biyor* *rižīn* *podawūn* *sa-t*
 3SG.M.OBL-LOC вчера дочь умеющая ходить стать.F-PST
 ‘У него вчера дочь пошла (научилась ходить)’. (элицитация)

Предложения с местоимением без локативного показателя, которое отделено от обладаемого наречием, запрещаются информантами при элицитации, ср. (5).

- (5) **wi* *biyor* *rizīn* *podawūn* *sa-t*
 3SG.M.OBL вчера дочь умеющая ходить статья.F-PST
 ожидается: ‘У него вчера дочь пошла (научилась ходить)’. (элицитация)

Вместо таких предложений информантами предлагаются предложения типа (6) с контактным расположением посессора и обладаемого.

- (6) *wi* *rizīn* *biyor* *podawūn* *sa-t*
 3SG.M.OBL дочь вчера умеющая ходить статья.F-PST
 ‘Его дочь вчера пошла (научилась ходить)’. (элицитация)

В примере (7) тем же наречием *biyor* ‘вчера’ местоимение с локативным показателем отделяется от цепочки, состоящей из местоимения без локативного показателя и обладаемого. Мы объясняем приведенные факты тем, что притяжательное местоимение без локативного показателя составляет одну именную группу с вершиной (является внутренним посессором), в отличие от местоимения с локативным показателем.

- (7) *wi-nd* *biyor* *wi* *rizīn* *podawūn* *sa-t*
 3SG.M.OBL-LOC вчера 3SG.M.OBL дочь умеющая ходить статья.F-PST
 ‘У него вчера (его) дочь пошла (научилась ходить)’. (элицитация)

3.2. Конструкции с личным локативом. Некоторые конструкции с внешним посессором имеют ограниченную функциональность. Так, в шугнанском языке именная группа с местоимением в локативе может быть глагольным зависимым, как в примерах (8–9).

- (8) *wev-and* *δud* *sū-d*
 3PL.OBL-LOC дым идти-PST
 ‘У них дымится’ (Карамшов 1988, с. 507).

В данных конструкциях невозможно использование местоимений без локативного показателя, см. пример (9):

- (9) **wev* *δud* *sū-d*
 3PL.OBL дым идти-PST
 ожидается: ‘У них дымится’. (элицитация)

В примерах такого типа выражено значение «личного локатива» в терминах [Daniel 2003]. Личным локативом называются грамматические конструкции, которые используются для обозначения

места, ассоциируемого с местом проживания человека. Выражения данного значения посредством посессивных конструкций распространены в языках мира⁴.

3.3. *Предикативная посессивность*. Другой тип конструкций с внешним посессором может выражать так называемую предикативную посессивность. Предикативная посессивность – тип посессивности, в котором данные отношения составляют предикативное ядро высказывания [Stassen 2001, Stassen 2013], см. примеры из русского и английского языков:

(10) *I have a cat.*

(11) *У меня есть кошка.*

В шугнанском языке предикативная посессивность выражается конструкцией с бытийным глаголом *yast*. Отсутствие обладания выражается с помощью отрицательного слова *nist*. Основная местоименная конструкция, которая используется при выражении предикативной посессивности, – это конструкция с местоимением, маркированным локативно-посессивным показателем (12а). Конструкции с местоимениями без локативно-посессивного маркера в данном случае использоваться не могут (12с), а конструкции с локативным показателем и дополнительным местоимением, выражающие предикативную посессивность, могут использоваться в контекстах с особой информационной структурой (12б), ср. пример (12).

- (12) а. *mu-nd stol yast*
 1SG.OBL-LOC стол быть.NPST
 ‘У меня есть стол.’
- б. *?mu-nd mu stol yast*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL стол быть.NPST
 <Контекст: Вам нужен стол? Нет у меня есть свой.
 Я подарю тебе стол, а твой возьму. Нет,> у меня есть стол.
- с. **mu stol yast*
 1SG.OBL стол быть.NPST
 ожидается ‘У меня есть стол’. (*элицитация*)

То же самое мы можем наблюдать при выражении отрицания обладания:

⁴ *Жигульская В.Р.* Типология личных локативов: выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2015.

- (13) a. *mu-nd* *stol* *nist*
 1SG.OBL-LOC стол NEG
 ‘У меня нет стола’. (элицитация)
- b. *?mu-nd* *mu* *stol* *nist*
 1SG.OBL-LOC 1SG стол NEG
 ‘У меня нет стола’. (элицитация)
- c. **mu* *stol* *nist*
 1SG.OBL стол NEG
 ‘У меня нет стола’. (элицитация)

В словаре Карамшоева встретилось четыре примера (примеры 14–17), в которых конструкция, включающая в себя и местоимение с локативным показателем, и местоимение без него, выражает предикативную посессивность.

- (14) *mu-nd* *mu* *vōrj-and* *bašānd* *uramā* *va-d*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL конь-LOC хороший попона БЫТЬ.F-PST
 ‘У моего коня была красивая попона’ (Карамшоев 1988, с. 120).
- (15) *mu-nd* *mu* *qād* *pāct* *vu-d*
 1SG.OBL-LOC 1SG.OBL рост низкий БЫТЬ-PST
 ‘У меня был низкий рост’ (Карамшоев 1991, с. 131).
- (16) *tu-nd* *tu* *gandagi* *ik=id* *vu-d*
 2SG-LOC 2SG упущение EMPH=DEM.II.SG БЫТЬ-PST
didi, *mu* *xēz=at* *na-ya-t*
 что 1SG.OBL направление=2SG NEG-приходить-PST
 ‘Твое упущение было (букв. у тебя было упущение) в том, что ты не приходил ко мне’ (Карамшоев 1988, с. 125).
- (17) *wi-nd* *wi* *dōnix* *bašānd* *vu-d*
 3SG.M.OBL-LOC 3SG.M.OBL знания хорошие БЫТЬ-PST
 ‘У него были хорошие знания’ (Карамшоев 1988: 175).

Как видно, конструкции предикативной посессивности выражаются тем же средством, что и конструкции с внешним посессором, т. е. местоимениями с маркером локатива.

Таким образом, местоимения (и, соответственно, имена вообще, см. пример 18) с локативным показателем участвуют в образовании конструкций с предикативной посессивностью и конструкций с личным локативом, которые мы будем считать подтипом внешнего посессора.

- (18) *Ahmed Parviz-and wi ric*
 Ахмед Парвиз-LOC 3SG.M.OBL сын
 ‘Ахмед – сын Парвиза’ (буквально ‘Ахмед, у Парвиза его сын’, *элицитация*).

4. Функциональное распределение посессивных конструкций с местоимениями

4.1. *Отчуждаемая vs. неотчуждаемая принадлежность*. В данном разделе мы рассмотрим разные типы посессивных отношений и попытаемся понять, как они влияют на выбор конструкции. Среди посессивных отношений в типологической литературе принято различать отчуждаемые и неотчуждаемые отношения между посессором и обладаемым. Отчуждаемым типом отношений считается, например, «законное обладание» (“legal ownership”, согласно определению [Aikhenvald 2019]). Неотчуждаемыми считаются такие классы отношений, как часть-целое (к примеру, части тела или части растения: *цветок одуванчика*), родственные отношения (сын, брат) и неотъемлемые человеческие свойства (например характер). Среди отношений часть-целое явным образом выделяются типы отношений, которые (предположительно) ведут себя типологически по-разному. Так, имеет смысл различать отношение между частями тела и человеком, которому они принадлежат, частями дома и самим домом. Различия между данными типами отношений подробно обсуждаются в разных работах, см., например [Aikhenvald 2019; Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001]. Некоторые из обсуждаемых типов отношений, а именно части тела и термины родства, очевидно, являются гораздо более частотными, чем части дома или части растений. Частотность является важным фактором грамматикализации тех или иных конструкций, и гипотеза о более высокой степени грамматикализации посессивных отношений «часть тела – человек» или родственных отношений в связи с частотностью контекстов, где эти отношения фигурируют, выглядит правдоподобной (см., например [Haspelmath 2008]).

Типы отношений и отчуждаемость также являются важным параметром для определения синтаксического типа посессора. В исследовании [König, Haspelmath 1997, p. 572–573] приводится иерархия типов посессивных отношений, в которой для конструкции с внешним посессором наиболее характерны неотчуждаемые отношения, а именно части тела:

- (19) *часть тела < одежда < другие контекстно уникальные предметы*

Далее мы попарно сравним разные группы объектов и попытаемся выявить статистическую значимость различий с помощью двустороннего варианта точного критерия Фишера. В связи с тем, что в табл. 4 у нас есть девять попарных сравнений, вероятность ошибки увеличивается в девять раз, поэтому мы будем вынуждены применить поправку Бонферрони, которая предлагает умножить полученное значение вероятности (*p-value*) на количество сравнений, т. е. в нашем случае на девять [Lehmann, Romano 2005, p. 350].

4.2. *Конструкции с локативным суффиксом vs. конструкции со стандартным личным посессором.* Конструкции со внутренним личным посессором вообще являются наиболее частотными в нашем материале. Статистически значимые различия между маркированием отношений законного обладания (над предметами) и родственными отношениями в исследуемых типах конструкций не обнаружены, что следует из табл. 5.

Таблица 5

Родственные отношения и обладание предметами в конструкциях с местоимениями и конструкциях с местоимениями, маркированными локативными послелогоами

	Родственники	Предметы
Местоимение с локативом	31 (15%)	27 (22%)
Притяжательное местоимение	173 (85%)	92 (78%)

Части тела маркируются конструкцией, в которой местоимение с локативом сочетается с внутренним личным посессором исключительно редко. Владение предметами и родственные отношения маркируются данными конструкциями чаще, однако эти различия являются статистически незначимыми (двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони $p = 0.8964$. Результат статистически незначимый $p > 0.05$). Статистически значимыми являются только различия между маркированием частей тела и обладания предметами (см. табл. 6–7).

Таблица 6⁵

Обладание частями тела и обладание предметами
в конструкциях с местоимениями и конструкциях с местоимениями,
маркированными локативными послелогоми

	Часть тела	Предмет
Местоимение с локативом	4 (5%)	27 (22%)
Притяжательное местоимение	68 (95%)	92 (78%)

Таблица 7⁶

Обладание частями тела и родственные отношения
в конструкциях с местоимениями и конструкциях с местоимениями,
маркированными локативными послелогоми

	Часть тела	Родственники
Местоимение с локативом	4 (5%)	31 (15%)
Притяжательное местоимение	68 (95%)	173 (85%)

Для всех типов отношений конструкция со стандартным личным посессором – самый частотный способ выражения.

4.3. Конструкции с локативным суффиксом vs. конструкции с локативным суффиксом и местоимением. В табл. 8 мы пытаемся сравнить распределение данных конструкций с двумя типами отношений: владение предметами и родственные отношения.

Таблица 8

Родственные отношения и обладание предметами
в конструкциях с местоимениями,
маркированными локативными послелогоми,
и конструкциях с двумя местоимениями

	Предмет	Родственники
Местоимение с локативом	27 (87%)	31 (82%)
Притяжательное местоимение + местоимение с локативом	4 (13%)	7 (18%)

⁵ Двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони, $p = 0,018$. Результат статистически значимый $p < 0,05$.

⁶ Двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони, $p = 0,3493$. Результат статистически незначимый $p > 0,05$.

Интересно, что статистически значимых различий между употреблением посессивных конструкций для маркирования законного обладания и родственных отношений также не наблюдается (двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони, $p = 3,0393$. Результат статистически незначимый $p > 0,05$), несмотря на то что это безусловно разные типы посессивных отношений, и родственные отношения в некоторых языках могут квалифицироваться как неотчуждаемые, и мы могли бы ожидать здесь различий. Таким образом, в шугнанском языке посессивные конструкции, которые выражают обладание неодушевленными предметами, и родственные отношения чаще маркируются конструкцией с локативно-посессивным показателем.

В табл. 9 мы сравниваем распределение данных конструкций между родственными отношениями и частями тела.

Таблица 9

Родственные отношения и обладание частями тела
в конструкциях с местоимениями,
маркированными локативными послелогами,
и в конструкциях с двумя местоимениями

	Часть тела	Родственники
Местоимение с локативом	4 (15%)	31(82%)
Притяжательное местоимение + местоимение с локативом	23 (85%)	7 (18%)

В отличие от конструкций, выражающих родственные связи, обладание частями тела чаще маркируется конструкциями с локативом и местоимением. Различия здесь статистически значимые (двусторонний вариант точного критерия Фишера с поправкой Бонферрони, $p = 0,00009$. Результат статистически незначимый $p > 0,05$).

Конструкция с локативом и местоимением (*mund tu*) в первую очередь предпочитает кодировать части тела, но иногда может кодировать уникальные родственные отношения и совсем изредка владение какими-то уникальными предметами или предметами одежды (см. пример 20).

- (20) *wem-ind-ēn* *wi* *cifc-ēn* *parḏō-d*
 3SG.F.OBL-LOC-3PL 3SG.M.OBL бусы-PL продавать-PST
 'её бусы продали' (Карамшоев 1988, с. 99).

Таким образом, из двух конструкций с внешним посессором конструкция *mund tu* в большей степени соответствует иерархии, приведенной в [König, Haspelmath 1997, p. 572–573]. Кажется, что конструкции типа *mund tu* агрегируют в себе «центральные» свойства внешнего посессора. Неотчуждаемые объекты, плотно прилегающие объекты (например одежда) или уникальные, специально выделенные объекты, которые являются обладаемым, выражаются конструкцией с внешним посессором [Кибрик и др. 2006].

5. Заключение

Среди рассмотренных конструкций принадлежности в шугнанском языке выделяются два синтаксических типа: конструкции с внутренним и с внешним посессором. В образовании конструкций с внешним посессором участвует локативный послелог *-and*, маркирующий обладателя. У конструкций с внешним посессором существуют отдельные функциональные подтипы, выражающие предикативную посессивность и личный локатив. Конструкции с местоимениями без локативного послелога являются внутренним посессором.

Нами были рассмотрены разные типы посессивных отношений и выявлены некоторые статистические закономерности распределения этих типов по разным синтаксическим конструкциям. Родственные отношения кодируются теми же конструкциями, что и отношения законного обладания предметами, в отличие от отношений между человеком и частями его тела. Самые частотные конструкции – конструкции с внутренним личным посессором – могут маркировать все типы отношений. Конструкции с показателем *-and* и местоимением чаще всего маркируют обладание частями тела, реже родственные отношения и законное обладание предметами. Конструкции с локативным показателем почти не используются при именах, обозначающих части тела.

Список сокращений и глосс

1 – первое лицо,	F – женский род,
2 – второе лицо,	LAT – латив,
3 – третье лицо,	LOC – локатив,
ADD – аддитив,	M – мужской род,
D1 – дистанция «у говорящего»,	NEG – отрицание,
INF – инфинитив,	NOM – номинатив,

NPST – непрошедшее время,
OVL – косвенный падеж,
PF – перфект,
PL – множественное число,

PST – прошедшее время,
PTCL – частица,
REFL – рефлексив,
SG – единственное число,
SUB – локализация суб.

Благодарности

Публикация подготовлена в результате проведения исследования (проекта № 22-00-034) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Я благодарю коллектив шугнанской экспедиции, с которым неоднократно обсуждал материал, приведенный в работе, Юрия Александровича Ландера и Марию Александровну Холодильову, а также анонимных рецензентов, чьи соображения очень помогли в работе над текстом статьи.

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant № 22-00-034).

I thank the Shughni expedition team, Yuri Alexandrovich Lander and Maria Alexandrovna Kholodilova, as well as anonymous reviewers, whose ideas were very helpful.

Источники

Карамшоев 1988 – *Карамшоев Д.* Шугнанско-русский словарь. М.: «Восточная литература» РАН, 1988. Т. 1; 1991. Т. 2; 1999. Т. 3.

Литература

Аламшоев 1994 – *Аламшоев М.М.* Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирских языков). Душанбе: Помир, 1994. 248 с.

Зарубин 1960 – *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л.: Академия наук СССР, 1960. 388 с.

Карамшоев 1963 – *Карамшоев Д.* Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963. 366 с.

- Кибрик и др. 2006 – *Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н.* Русские possessивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16–45.
- Эдельман 2000 – *Эдельман Д.И.* Шугнано-рушанская группа // Языки мира: Иранские языки. III: Восточноиранские языки. М.: Индрик, 2000. С. 208–225.
- Эдельман, Юсуфбеков 2000 – *Эдельман Д.И., Юсуфбеков Ш.П.* Шугнанский язык // Языки мира: Иранские языки. III: Восточноиранские языки. М.: Индрик, 2000. С. 225–242.
- Юсуфбеков 1998 – *Юсуфбеков Ш.П.* Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. М.: Азбуковник, 1998. 151 с.
- Aikhenvald 2019 – *Aikhenvald A.Yu.* Expressing ‘possession’: motivations, meanings, and forms // Possession in languages of Europe and North and Central Asia / Ed. by L. Johanson, L.F. Mazzitelli, I. Nevskaya. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2019. P. 7–25. (Studies in Language Companion Series, 206)
- Dahl, Коптјевскаја-Тамм 2001 – *Dahl Ö., Коптјевскаја-Тамм М.* Kinship in grammar. To appear // Dimensions of Possession / Ed. by M. Herslund, I. Baron, F. Soerensen. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 201–225.
- Daniel 2003 – *Daniel M.* Towards a typology of personal locatives. Problem setting // Paper presented at the Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology. Cagliari, September 2003. URL: http://web.tiscali.it/summerschool/scientific_program.htm (дата обращения 15.10.2021).
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 – *Edelman D.I., Dodykhudoeva L.R.* Shughni // The Iranian Languages / Ed. by G. Windfuhr. L., N.Y.: Routledge, 2009. P. 787–825.
- Haspelmath 2008 – *Haspelmath M.* Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries // Cognitive Linguistics. 2008. No. 19 (1). P. 1–33.
- König, Haspelmath 1997 – *König E., Haspelmath M.* Les constructions à possesseur externe dans les langues d’Europe // Actance et valance dans les langues de l’Europe / Ed. by J. Feuillet. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. P. 525–606.
- Lander 2004 – *Lander Yu.A.* Dealing with relevant possessors // Possessives and beyond: semantics and syntax / Ed. by Ji-Yung Kim, Yu.A. Lander, B.H. Partee. Amherst: GLSA Publ., 2004. P. 309–336. (Univ. of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics, 29)
- Lehmann, Romano 2005 – *Lehmann E.L., Romano J.P.* Testing statistical hypotheses. 3rd ed. N. Y.: Springer, 2005. 600 p.
- Stassen 2001 – *Stassen L.* Predicative Possession // Language typology and language universals: an international handbook / Ed. by M. Haspelmath, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2001. P. 954–960.
- Stassen 2013 – *Stassen L.* Predicative Possession // The World Atlas of Language Structures Online / Ed. by M.S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/117> (дата обращения 04.02.2022).

References

- Aikhenvald, A.Yu. (2019), “Expressing ‘possession’: motivations, meanings, and forms”, in Johanson, L., Mazzitelli, L.F. and Nevskaya, I. (ed.), *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. John Benjamins Publishing, Amsterdam, Netherlands, pp. 7–25. (Studies in Language Companion Series, 206)
- Alamshoyev, M.M. (1994), *Sistema mestoimenii shugnanskogo yazyka (v sravnenii s drugimi yazykami shugnano-rushanskoi grupy pamirskikh yazykov)* [Pronouns in Shughni (compare with other languages of Shughni-Rushani group of Pamir languages)], Pomir, Dushanbe, Tajikistan.
- Dahl, Ö. and Koptjevskaja-Tamm, M. (2001), “Kinship in grammar”, to appear, in Herslund, M., Baron, I. and Soerensen F. (ed.), *Dimensions of possession*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, pp. 201–225.
- Daniel, M. (2003), “Towards a typology of personal locatives. Problem setting”, in *Paper presented at the Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology*, Cagliari, September 2003, available at: http://web.tiscali.it/summer-school/scientific_program.htm (Accessed 15 Oct. 2021).
- Edel'man, D.I. (2000), “Shughni-Rushani group”, in *Yazyki mira: Iranskiye yazyki. III. Vostochnoiranskiye yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 208–225.
- Edelman, D.I. and Dodykhudoeva, L.R. (2009), “Shughni”, in Windfuhr, G. (ed.), *The Iranian Languages*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 787–825.
- Edel'man, D.I. and Yusufbekov, Sh.P. (2000), “Shughni language”, in *Yazyki mira: Iranskiye yazyki. III. Vostochnoiranskiye yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 225–242.
- Haspelmath, M. (2008), “Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries”, *Cognitive Linguistics*, vol. 19, no. 1, pp. 1–33.
- Karamshoyev, D. (1963), *Badzhuvskiy dialekt sh-chgnanskogo yazyka* [Badjuv dialect of Shughni language], Akademiya nauk Tadzhikskoy SSR, Dushanbe, Tajikistan.
- Kibrik, A.E, Brykina, M.M., Leont'ev, A.P. and Hitrov, A.N. (2006), “Russian possessive constructions. Corpus case study”, *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 1, pp. 16–45.
- König, E. and Haspelmath, M. (1997), “Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe”, in Feuillet J. (ed.), *Actance et valance dans les langues de l'Europe*, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany, pp. 525–606.
- Lander, Yu.A. (2004), “Dealing with relevant possessors”, in Ji-Yung Kim, Lander, Yu.A. and Partee B.H. (ed.), *Possessives and beyond: semantics and syntax*, GLSA Publications, Amherst, Mass., USA, pp. 309–336. (University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics, 29)
- Lehmann, E.L. and Romano, J.P. (2005), *Testing statistical hypotheses*, Springer, New York, USA.
- Stassen, L. (2001), “Predicative Possession”, in Haspelmath, M., Oesterreicher, W. and Raible, W. (ed.), *Language typology and language universals: an international handbook*, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA, pp. 954–960.

- Stassen, L. (2013), "Predicative Possession", in Dryer, M.S. and Haspelmath, M. (ed.), *The World Atlas of Language Structures Online*, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, available at: <http://wals.info/chapter/117>, Accessed 4 Feb. 2022).
- Yusufbekov, Sh.P. (1998), *Deyktichnost' v yazykakh shughno-rushanskoj gruppy: semantiko-pragmaticheskiye aspekty* [Deixis in Shughni-Rushani languages: aspects of semantics and pragmatics], Azbukovnik, Moscow, Russia.
- Zarubin, I.I. (1960), *Shugnanskie teksty i slovar'* [Shughni texts and dictionary], Akademiya nauk SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Роман В. Ронько, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; romanronko@gmail.com

Information about the author

Roman V. Ron'ko, Cand. of Sci. (Philology), HSE University, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka St., Moscow, Russia, 119019; romanronko@gmail.com

Синтаксические и семантические свойства клитики *i* в шугнанском языке

Дарья Г. Чистякова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия, dashachis19@gmail.com

Аннотация. В статье на материале корпусного исследования и элицированных примеров описывается факультативный энклитический показатель 3-го лица единственного числа *i* в шугнанском языке (памирские языки, восточноиранская группа иранских языков), появляющийся при переходных глаголах в прошедших временах. В большинстве случаев этот показатель занимает ваккернагелевскую позицию после первой полной составляющей, однако может занимать и более дальнюю от начала клаузы позицию в зависимости от действия ритмико-синтаксических барьеров. В статье описаны два барьера, влияющие на позицию энклитики. Первый тип барьера (подлежащее в первой позиции) обусловлен синтаксическими факторами, действует только на показатель 3Sg *i* и постепенно исчезает в современном языке. Второй тип барьера (обстоятельство в первой позиции) зависит от коммуникативной ситуации и соблюдается факультативно как в текстах первой половины XX в., так и в современном языке. Также описываются взаимодействие барьеров при одновременном появлении и частотность барьеров как в современном языке, так и в текстах 1915–1949 гг.

Ключевые слова: энклитики, ритмико-синтаксические барьеры, шугнанский язык, памирские языки, ваккернагелевская позиция

Для цитирования: Чистякова Д.Г. Синтаксические и семантические свойства клитики *i* в шугнанском языке // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 67–91. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-67-91

Syntactic and semantic features of the clitic *i* in Shughni

Daria G. Chistiakova

HSE University, Moscow, Russia, dashachis19@gmail.com

Abstract. This article describes the optional 3rd person singular enclitic *i* in Shughni (the Pamir subgroup of the Eastern branch of the Iranian languages), which appears with transitive verbs in the past tenses. The research is based on a corpus study as well as elicited examples. Generally, the enclitic *i* occupies the Wackernagel position after the first constituent, but can shift due to the operation of rhythmic-syntactic barriers. Two barriers that affect the position of the enclitic are described. The first type of barrier (the subject in the first position) is caused by syntactic factors, it affects only on the enclitic 3Sg *i* and is gradually disappearing in the modern language. The second type of barrier (the adverbial in the first position) depends on the communicative situation and is observed optionally both in the texts of the first half of the 20th century and in the modern language. This study also describes the interaction of barriers, if they appear simultaneously, and frequency of barriers both in the modern language and in the texts of 1915–49.

Keywords: enclitics, rhythmic-syntactic barriers, Shughni, Pamir languages, Wackernagel position

For citation: Chistiakova, D.G. (2022), “Syntactic and semantic features of the clitic *i* in Shughni”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 67–91, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-67-91

1. Введение

Настоящая статья посвящена позиции подвижного показателя 3-го лица единственного числа в шугнанском языке. Лицо и число глагола в шугнанском языке в прошедших временах выражается при помощи подвижных аналитических показателей, которые являются ваккернагелевскими энклитиками и занимают вторую позицию после первой полной составляющей. Единственное исключение составляет показатель 3-го лица единственного числа, чья позиция в предложении может варьироваться от второй до четвертой.

Шугнанский язык не имеет своей письменной традиции, в данной работе мы обращаемся к транскрипции, используемой И.И. Зарубиным в текстах, записанных им в 1915–1927 гг. Базовый порядок слов в шугнанском языке SOV.

В существующих описаниях шугнанского языка говорится, что отделяемые показатели лица и числа в прошедших временах примыкают энклитически к «первому ударному члену (или блоку) предложения» [Эдельман, Юсуфбеков 2000, с. 237], в другой работе [Edelman, Dodykhudoeva 2009, р. 799] уточняется, что энклитики, как правило, присоединяются к первой составляющей клаузы. Иными словами, энклитика присоединяется не после первого ударного слова (строгий закон Ваккернагеля), а после первой полной составляющей (нестрогий закон Ваккернагеля). Ранее в восточноиранской группе языков клитики второй позиции, следующие нестрогому закону Ваккернагеля, были зафиксированы, например, для пушту [Tegey 1977, р. 82] и осетинского языков [Абаев 1959, с. 157].

Уточняя правило выбора позиции, следует сказать, что в шугнанском языке энклитики не могут разрывать именные группы, но могут присоединяться к первой (именной) составляющей конструкций с легкими глаголами. Чтобы было удобнее ориентироваться в примерах, все составляющие, предшествующие энклитике, оформлены квадратными скобками.

(1) [inʃũm]=i čũd
вещи=3SG делать.PST
'Все подготовил' [Зарубин 1960, с. 20].

(2) [salũm]=i čũd
приветствие=3SG делать.PST
'Он поздоровался' [Зарубин 1960, с. 54].

В шугнанском языке нет ограничений на часть речи опорного слова для клитики: она может присоединяться к именам, местоимениям, наречиям, глаголам и послелогам, замыкающим именную группу.

Если опорное слово оканчивается на гласный, перед энклитикой появляется протетический согласный [j]:

(3) [wi yidõrã]=yi zõxĩ xu-rd
он.OBL кувшин=3SG брать.PST REFL-LAT
'Тот кувшин взял себе' [Зарубин 1960, с. 72].

(4) [tamõšõ]=yẽn čũd
наблюдение=3PL делать.PST
'Посмотрели' [Зарубин 1960, с. 59–60].

Д.К. Карамшоев выделяет в шугнанском языке баджувский диалект и шахдаринский говор (см.: Карамшоев 1988, с. 5). В грамматике баджувского диалекта [Карамшоев 1963, с. 152] отмечается различие в распределении между показателем 3-го лица единственного числа *i* и другими аналитическими показателями лица и числа. В баджувском диалекте показатель 3Sg не может присоединяться к первой составляющей, если она выражена подлежащим¹. Показатель 3Sg обладает большей подвижностью и присоединяется к дополнению или к сказуемому, в то время как остальные показатели чаще присоединяются к первой составляющей, чаще всего выраженной подлежащим (так как базовый порядок слов SOV). Можно сказать, что в баджувском диалекте действует правило барьера, запрещающее показателю 3Sg присоединяться к подлежащему.

Пример стандартной позиции лично-числового показателя:

- (5) [wuz]=**um** *wi* *ba-dil* *na-čud*
я=**1SG** он.OBL ALL-сердце не-делать.PST
'А я не сделал по-его' [Зарубин 1960, с. 76].

- (6) [*wi cem-en*]=**en** *xud* *ba* *xud=aδ* *biδovd*
он.OBL глаз-PL=**3PL** сам ALL сам=ADV закрываться.PST
'Его глаза сами по себе закрылись' [Бахтибеков, 1979, с. 38].

Пример с перемещением клитики:

- (7) [*yā rūpc*] [*lūd*]=*i*
она лиса сказать.PST=**3SG**
'Лисица сказала' [Зарубин 1960, с. 78].

Рассмотрим некоторые термины, необходимые для дальнейшего рассуждения. В работе [Zwicky 1977, р. 6] выделяются два типа клитик: простые и специальные. Под простыми клитиками понимаются сокращенные безударные формы слов, которые возникают при определенных условиях, или «сокращенные морфологические компоненты» [Николаева 2008, с. 132]. Специальные клитики также не имеют собственного ударения, но их поведение в предложении определяется характерными лишь для них дистрибутивными правилами и синтаксическими принципами размещения. С точки зрения данной классификации, изучаемая нами энклитика

¹ «Показатель *-i* не может присоединиться к первому члену-подлежащему, в то время как остальные показатели всегда присоединяются к нему» [Карамшоев 1963, с. 152].

3-го лица единственного числа *i* относится к специальным, и ее поведение должно описываться определенными правилами, которые мы попробуем охарактеризовать.

В нашей работе мы будем обращаться к понятию ритмико-синтаксических барьеров – составляющих, которые могут влиять на расположение клитик. Анализ с использованием ритмико-синтаксических барьеров применял А.А. Зализняк при описании системы энклитик в древнерусском языке [Зализняк 2008]. В своем исследовании А.А. Зализняк утверждал, что, согласно закону Ваккернагеля, клитика всегда занимает вторую позицию, однако существуют также дополнительные ограничения, в результате действия которых «начальная часть клаузы может быть как бы отчленена» [Зализняк 2008, с. 48], и отсчет составляющих начинается после нее. Эти частные правила, модифицирующие закон Ваккернагеля, устанавливают новую точку «условного начала», которую Зализняк называет ритмико-синтаксическим барьером. Под барьером понимается «синтаксическая вершина или полная группа, добавление которой в состав предложения меняет позиции отдельной клитики или цепочки клитик» [Циммерлинг 2013, с. 387].

Выделяют обязательные, полуообязательные и факультативные барьеры. Обязательный барьер реализуется всегда и определяется четкими правилами. Факультативный барьер связан скорее с коммуникативной ситуацией, он может появляться или отсутствовать в зависимости от намерения говорящего выделить что-либо в речи; существуют семантические и синтаксические факторы, повышающие вероятность возникновения факультативного барьера, но нет формальных правил, детерминирующих его появление. Понятие полуообязательного барьера неактуально в данной статье, поэтому оно не рассматривается [Зализняк 2008, с. 54].

В ходе нашего исследования были выявлены и описаны два барьера. Для удобства было решено ввести в оформление дополнительные обозначения: если составляющая является барьером, она отмечена подписью *barrier* с номером барьера. В примере ниже первая полная составляющая [*yu ēšûn*] является барьером I.

- (8) *barrier*^I[*yu ēšûn*] [*duō*]=*yi* *čûd*
 он ишан молитва=**3sg** делать.PST
 ‘Ишан прочитал молитву’ [Зарубин 1960, с. 62].

Далее в тексте статьи будут описаны данные, на основе которых было проведено исследование, в третьем разделе мы перечислим позиции, которые может занимать подвижный показатель 3-го лица единственного числа, а в четвертом и пятом разделах мы

обратимся к описанию двух барьеров, влияющих на расположение энклитики. В шестом разделе мы рассмотрим, как данные барьеры могут влиять на другие энклитики и какие есть закономерности в появлении барьеров в зависимости от времени записи текста.

2. Материал исследования

Основными материалами для исследования послужили данные, собранные методом элицитации в г. Хорог и в близлежащих кишлаках в ходе экспедиций на Памир в 2018–2019 гг. Другими источниками данных послужили тексты, записанные в 1915–1917 и 1927 гг. И.И. Зарубиным [Зарубин 1960] и собранные в 1948–1949 гг. В.С. Соколовой (цит. по [Пахалина 1969]). Также использовались данные словарей (см.: Карамшоев 1988, 1991, 1999) и [Зарубин 1960], грамматика баджувского диалекта шугнанского языка [Карамшоев 1963], существующие очерки шугнанского языка и описания памирских языков [Эдельман, Юсуфбеков 2000], [Edelman, Dodykhudoeva 2009], [Пахалина 1969], [Бахтибеков 1979].

Всего для элицитации были опрошены девять информантов, семь женщин и двое мужчин, возраст информантов варьируется от 18 до 50 лет.

Анкеты семи информантов были собраны в 2019 г. во время экспедиции на Памир, у каждого из них были собраны две анкеты, одна из которых представляла собой связный текст, а вторая состояла из набора предложений. Запись одного текста была сделана в Душанбе в феврале 2020 г. с двумя информантами, расшифровка проводилась с носителями шугнанского в Москве.

На данный момент рассмотрено 539 примеров, из которых 228 были собраны путем элицитации во время экспедиций 2018 и 2019 гг. и в 2020 г. Еще 311 примеров взяты из текстов, записанных в 1915–1917 гг. [Зарубин 1960] (289 примеров), и в 1948–1949 гг. [Соколова 1953] (22 примера). Таким образом, можно говорить о двух синхронных «срезах» языка, между которыми прошло почти сто лет.

3. Позиция показателя 3Sg

И в текстах, записанных в начале XX в., и в современных записях были примеры, демонстрирующие, что позиция показателя 3Sg *i* может отличаться от позиций всех остальных лично-числовых клитик.

Во-первых, употребление всех лично-числовых показателей, кроме показателя 3Sg *i*, является строго обязательным. Напротив,

подвижный показатель 3Sg *i* используется нерегулярно, он факкультативно появляется при переходных глаголах и опускается при непереходных. Это почти единственный маркер переходности глаголов, который, однако, ведет себя непосредовательно: он может присоединяться к таким вроде бы непереходным глаголам, как 'чихнуть' (*yu = yi piršt 'он = 3sg чихнул'*) или 'смеяться' (*yu yidā = yi šinč 'этот парень = 3sg засмеялся'*) [Эдельман, Юсуфбеков 2000, с. 236], и опускаться при переходных глаголах.

Во-вторых, при употреблении показателя 3Sg часто нарушается закон Ваккернагеля, и энклитика *i* вместо ожидаемой позиции после первой составляющей может занимать позицию после второй или даже третьей составляющей.

В элицитированных примерах в 47 случаях (20,5%) энклитика отсутствовала, один пример был исключен как неоднозначный, а в 12 примерах (6,7%) энклитика была смещена вправо.

Таблица 1

Позиция энклитики в XX и XXI вв.

Время записи	Энклитика на 1-й составляющей (вторая позиция)	Энклитика не на 1-й составляющей
1915–1917, 1948–1949 гг.	202 (65%)	109 (35%)
2019–2020 гг.	168 (93,3%)	12 (6,7%)

В приведенной таблице сравниваются данные из текстов, записанных И.И. Зарубиным в первой половине XX в. (верхняя строка), и данные, собранные при помощи элицитации в 2019–2020 гг. (нижняя строка). Видно, что и в старых текстах, и в новых энклитика чаще занимает вторую позицию. Количество примеров, где энклитика по какой-либо причине смещается дополнительно вправо, в старых текстах значительно выше, чем в современных элицитированных примерах: в старых текстах примеры с перемещением клитики составляют 35% от общего количества примеров с энклитикой, в новых – 6,7%. По критерию Хи-квадрат данные статистически значимы.

Рассмотрим примеры с разными типами расположения энклитик.

В примерах (9–11) все лично-числовые показатели занимают стандартную вторую позицию после первой полной составляющей:

- (9) [wuz]=**um** def yum-and ača na-wīnt
 я=**1SG** они.OBL там-LOC совсем NEG-видеть.PST
 ‘Я их там совсем не видел’ [Бахтибеков, 1979, с. 38].
- (10) [ca waxt]=**ām** māš rūbā vaδ-ǰ
 какой время=**1PL** мы лиса быть-PF
 ‘А когда мы были лисицей?’ [Зарубин 1960, с. 64].
- (11) [xu moθ]=**i** viruxǰ
 REFL посох=**3SG** сломать.PST
 ‘Свой посох разломал’ [Зарубин 1960, с. 81].

Именные группы могут быть развернутыми, например, первые составляющие в примерах (12), (13): “труп своей матери”, “руки своих тестя и тещи”. Энклитика не разрывает их, но по правилу занимает позицию после первой полной составляющей.

- (12) [xu nān murða]=**yi** markab-ti sawōr čūd
 REFL мать труп=**3SG** осел-SUP.ES верхом делать.PST
 ‘Труп своей матери посадил на осла’ [Пахалина 1969, с. 51].
- (13) [xu xīx=at xisur δus-tūr]=**i** bā čūd
 REFL тестя=и теща рука-LOC=**3SG** поцелуй делать.PST
 ‘Своим тестю и теще руки поцеловал’ [Зарубин 1960, с. 73].

В примерах (14–16) энклитика 3Sg *i* занимает позицию после двух полных составляющих:

- (14) [yu yīdā] [wi xadār rizīn]=**i** zōxǰ
 он парень он.OBL старший.F дочь=**3SG** брат.PST
 ‘Парень взял его старшую дочь’ [Пахалина 1969, с. 51].
- (15) [bād] [δōrg]=**i** xub lap tilāpt
 потом дерево=**3SG** достаточно много просить.PST
 ‘Когда он достаточно выпросит дерева’ [Зарубин 1960, с. 20].
- (16) atā [yēsō] [dawūm]=**i** čūd
 и Иисус начало=**3SG** делать.PST
 ‘И Иисус начал: <...>’ Лк. 15:11 [Dodixudoev 2001, p. 54].

В примере (17) энклитика занимает позицию после трех полных составляющих:

- (17) [yā] [daḍ] [wi kōlā]=yi vūd
 она тогда он.OBL материя=3sg нести.PST
 ‘Тогда она вынесла материю’ [Зарубин 1960, с. 66].

Очевидно, на расположение энклитики влияют дополнительные факторы. Наша гипотеза заключается в том, что все клитики, включая показатель 3-го лица единственного числа *i*, являются ваккернагелевскими, однако в шугнанском языке существуют определенные барьеры, провоцирующие смещение энклитики 3-го лица единственного числа *i* вправо. Видимо, в течение XX в. изменился характер этих барьеров, а вследствие этого изменилась и позиция энклитики.

4. Барьер I. Первая составляющая, выраженная подлежащим

4.1. *Тексты и элицитация.* Анализируя тексты, собранные И.И. Зарубиным в 1915–1917 и 1927 гг. и В.С. Соколовой в 1948–1949 гг., мы заметили, что использование энклитики *i* во всех найденных в них примерах соответствует ограничению, описанному Д.К. Карамшоевым для баджувского диалекта: возникает правило барьера, запрещающее энклитике *i* присоединяться к первой составляющей, если она выражена подлежащим. Это правило барьера² соблюдается в в работе [Пахалина 1969] и в семи разных текстах, записанных с семью носителями [Зарубин 1960].

- (18) ^{barrier1} [mu tāt] [wam xītur miōr]=i
 мой отец она.OBL верблюд кольцо=3sg
 pi xi xēz tīzd
 вверх REFL APUD тянуть.PST
 ‘Мой отец потянул к себе верблюжье кольцо’ [Зарубин 1960, с. 11].

В примере (18) по закону Ваккернагеля энклитика должна была бы присоединиться к первой составляющей ‘мой отец’, но вместо этого показатель оказывается после второй полной составляющей ‘кольцо этого верблюда’. Точно такое же смещение вправо на одну составляющую наблюдается ниже в примерах (19–21):

²Далее в примерах мы будем использовать помету barrier1 для указания на этот барьер.

- (19) ^{barrier}l[*yu*] [*lap-aθ tillo*]=*yi* *vuyž*
 он много-ADV золото=**3SG** нести-PF
 ‘Он принес много золота’ (см.: Карамшов 1988, с. 298).
- (20) ^{barrier}l[*wi rizīn*] [*pēxšt*]=*i*
 он.OBL дочь спросить.PST=**3SG**
 ‘Его дочь спросила’ [Зарубин 1960, с. 76].
- (21) ^{barrier}l[*yu*] [*lūd*]=*i*
 он сказать.PST=**3SG**
 ‘Он сказал: <...>’ [Пахалина 1969, с. 51].
- (22) ^{barrier}l[*yu=mis*] [*ik=disga yi jūdōr*]=*i* *kuxč=at*
 он=тоже ЕМРН=другой один баран=**3SG** убить.PST=ADD
 ‘Он тоже уже зарезал скотину’ [Зарубин 1960, с. 69].

Несмотря на то что в приведенных примерах энклитика присоединяется в основном к прямому дополнению, это не является строгим правилом: в качестве опорного слова могут выступать косвенные дополнения (23), обстоятельства (24), сказуемое (20–21).

- (23) ^{barrier}l[*Xudowand*] [*di odam-ard*]=*i* *dākčū-ž tusbi-yen*
 Господь он.OBL человек-LAT=**3SG** дать-PF чётки-PL
 ‘Творец дал тому человеку чётки’ [Шакармамадов 2005].
- (24) [*daδ*]=*i* *wi potxōbačā yēv anjūvd*
 затем=**3SG** он.OBL принц рот взять.PST
 ‘...тогда принцу рот закрыла’ [Шакармамадов 2005].

Описанный выше барьер влияет только на показатель 3-го лица единственного числа, остальные показатели свободно присоединяются к подлежащему. В примерах (25), (26) видно, что, хотя в обеих клаузах первая составляющая выражена подлежащим, энклитика *i* присоединяется после второй составляющей, а энклитики *um* (показатель 1Sg) и *en* (показатель 3Pl) – после первой:

- (25) ^{barrier}l[*yu*] [*lūd*]=*i* *wuz=um wi pēxšt*
 он сказать.PST=**3SG** я=**1SG** он.OBL спросить.PST
 ‘Он сказал: “я его спросил <...>” [Зарубин 1960, с. 76].
- (26) [*čōr-at yīn*]=*en* *naxōyud tar važ*
 муж-ADD жена=**3PL** выйти.PST наружу
 ‘Муж и жена вышли наружу’ [Зарубин 1960, с. 60].

4.2. *Случаи с нарушением барьера I.* В отличие от текстов первой половины XX в., в элицитированных примерах энклитика в 93% случаев присоединяется к первой составляющей вне зависимости от того, каким членом предложения она выражена. В примерах (27–29) первая составляющая – это подлежащее, однако правило барьера не работает:

(27) [wi kud]=i Mukbilšo pic pirent
он.OVL собака=3sg Мукбилшо сын кусать.PST
'Его собака укусила сына Мукбилшо' (элицитация 2019).

(28) [Maxhub]=i mi qanfet-en xūd
Махбуб=3sg я.OVL конфета-PL есть.PST
'Махбуб съел мои конфеты' (элицитация 2019).

(29) [Ahmed]=i Saida žīwǰ čūd
Ахмед=3sg Саида полюбить.PST
'Ахмед полюбил Саиду' (элицитация 2019).

При этом в речи некоторых носителей в точно таком же контексте барьер возникает:

(30) ^{barrier!}[Ahmed] Saida=yi žīwǰ čūd
Ахмед Саида=3sg полюбить.PST
'Ахмед полюбил Саиду' (элицитация 2019).

Однако такая вариативность была редкой и непоследовательной, в другом контексте тот же самый носитель мог поместить клитику сразу после подлежащего.

Таким образом, в текстах 1915–1948 гг. во всех найденных примерах строго соблюдается правило барьера I, запрещающее использование клитики после группы подлежащего. В современных текстах и элицитированных примерах барьер I возникает в 4,7% случаев от общего числа примеров, где первая составляющая – подлежащее. Можно сказать, что в современном языке этот барьер постепенно исчезает и в большинстве случаев (93,3%) энклитика стремится располагаться после первой составляющей вне зависимости от того, выражена она подлежащим или другим членом предложения (еще 2% перемещений связаны с другим барьером).

4.3. *Барьер I: эксперимент.* Мы решили дополнительно проверить, насколько часто возникает барьер в современном языке по сравнению с записями 1915–1917 и 1948–1949 гг. Для этого в ходе экспедиции в Таджикистан с двумя шугнанскими носителями был заново записан текст «Сказка о трех братьях». Впервые данный

текст был записан В.С. Соколовой в 1948 г. в Сталинабаде (современный Душанбе) в четырех вариантах: шугнанском, рушанском, бартангском и сарыкольском (цит. по [Пахалина 1969]).

Разумеется, записанный текст не идентичен версии 1948 г., часть предложений были построены иначе и не требовали наличия энклитики. Однако часть совпавших примеров подтвердила наши предположения: в современном языке правило барьера постоянно нарушается. Сравним примеры (31) и (32), первый из которых записан в 1948 г., а второй – в 2020 г.

В примерах ниже клауза начинается с обращения. В шугнанском языке обращение является обязательным барьером для всех энклитик, но в нашей статье мы не рассматриваем этот барьер подробнее. В примере (31) правило барьера соблюдается, и энклитика занимает позицию после третьей составляющей (после двух барьеров), а в примере (32) энклитика присоединяется к подлежащему, следовательно, правило барьера I не работает.

(31) [ē virōd] ^{barrierI}[tu xītur] [mu šīg]=i xūd
 эй брат ты.OVL верблюд я.OVL теленок=3SG съесть.PST
 ‘Эй, брат, твой верблюд съел моего теленка’ [Пахалина 1969, с. 50].

(32) [ē virōd] [tu xītur]=i mu šīg buc xūd
 эй брат ты.OVL верблюд=3SG я.OVL теленок съесть.PST
 ‘Эй, брат, твой верблюд съел моего теленка’ (элицитация 2020).

Сравним еще несколько примеров, где в тексте 1948 г. записи энклитика располагается на второй составляющей, а в современной элицитации – на первой:

(33) ^{barrierI}[yu čōrik] [markāb]=i δōd qīmb
 он человек осел=3SG ударять.PST камень
 ‘Тот человек ударил осла камнем’ [Пахалина, 1969, с. 51].

(34) [yu čōrik]=i wi markāb žīr qati δōd-ǰ
 он человек=3SG он.OVL осел камень INS ударять-PF
 ‘Тот человек осла камнем ударил’ (элицитация 2020).

(35) ^{barrierI}[yu] [lūd]=i
 он сказать.PST=3SG
 ‘Он сказал: <...>’ [Пахалина 1969, с. 51].

(36) [yu]=yi lūv-ǰ
 он=3SG говорить-PF
 ‘Он сказал: <...>’ (элицитация 2020).

Если сравнить данные только этих двух текстов 1948 и 2020 гг. записи, то мы получим табл. 2, где есть 11 примеров с барьером I в старом тексте и ни одного в новом. Общее количество примеров с использованием энклитики различается, поэтому приведен также процент, который составляет указанное число примеров с барьером от всех примеров с энклитикой в данном тексте.

Таблица 2³

«Сказка о трех братьях» в двух записях

Год записи текста	1-я составляющая не подлежащее. Клитика на 1-й составляющей	1-я составляющая – подлежащее		Всего примеров
		Барьер I не соблюдается, клитика на 1-й составляющей	Барьер I соблюдается, клитика смещается	
1948	9 (45%)	0	11 (55%)	20
2020	7 (43%)	9 (57%)	0	16

Можно видеть, что в тексте 1948 г. записи в половине случаев возникал барьер и энклитика присоединялась ко второй составляющей, если первая была выражена подлежащим, однако ни одного подобного случая нет в тексте 2020 г. записи. Таким образом подтверждается гипотеза о том, что в современном языке барьер стал факультативным.

5. Барьер II. Обстоятельство, относящееся ко всей клаузе

5.1. *Описание барьера.* Помимо барьера, связанного с позицией подлежащего, как в примерах из текстов, так и в элицированных примерах возникает также барьер другого характера. Правило, запрещающее клитике присоединяться к подлежащему, мы условно назвали барьером I, а правило барьера, которое рассматривается ниже, барьером II. Барьер II возникает, если первая составляющая – это обстоятельство, относящееся по

³По критерию Фишера данные статистически значимы. Каждый столбец сравнивался с каждым, полученные значения были: $p = 0,0077$ для столбцов 1 и 2, $p = 0,0215$ для столбцов 1 и 3, $p = 0,000005$ для столбцов 2 и 3.

смыслу ко всей клаузе, причем в отличие от барьера I он был и остается факультативным. Данный тип барьера, видимо, можно считать характерным для разных языков: так, приводя пример факультативного барьера в древнерусском языке, А.А. Зализняк называет «начальное слово или словосочетание, относящееся по смыслу ко всей остальной части фразы в целом» [Зализняк 2008, с. 56], которое также соотносится по смыслу с предыдущей фразой. Обстоятельства-барьеры, которые будут рассмотрены нами ниже, соответствуют этому описанию, так как они связывают предложение с предыдущим контекстом и задают временные рамки для всей клаузы. Так как примеров со смещением энклитики вследствие появления барьера-обстоятельства было найдено мало⁴, в статье приведено только описание барьера без статистических данных.

Посмотрим на пример (37), где в обеих клаузах, начинающихся с обстоятельства, энклитика пропускает первую составляющую и занимает позицию после второй составляющей⁵:

- (37) *barrier2*[*bād*] [*pōŷzā*]=*i* *wam* *zōxī=xu*,
 потом начисто=**3sg** она.OBL брать.PST=ADD
barrier2[*daδ*] [*xīrn*]=*i* *wam* *maskā* *čūd*
 затем гладкий=**3sg** она.OBL масло делать.PST
 ‘Начисто его выбирает, потом выравнивает это масло’ [Зарубин 1960, с. 45].

Так же, как и барьер I, этот барьер в основном действует на клитику 3-го лица единственного числа, те же самые обстоятельства становятся опорными словами в сочетании с другими личностно-числовыми показателями, ср. примеры (38–40):

- (38) [*vō*]=*yām* *rawūn sat*
 опять=**1pl** отправляться в путь.PST
 ‘Опять пустились в путь’ [Зарубин 1960, с. 10].
- (39) [*daδ*]=*ēn* *tōyd* *tar* *xu* *čid-ēn*
 тогда=**3pl** идти.PST в REFL дом-PL
 ‘Потом разошлись по домам’ [Зарубин 1960, с. 67].

⁴ 12 случаев с перемещением энклитики из 28 контекстов, где барьер II теоретически мог возникнуть; ср. 187 контекстов и 85 примеров со смещением клитики для барьера I.

⁵ Далее для обозначения второго барьера в примерах мы будем использовать нотацию *barrier2*.

- (40) [sōya-δēd-ard]=**ām** ar Dī-Rixūn firīpt
 сумерки-LAT=**1PL** SUB Нижний Рушан достигать.PST
 ‘Перед вечером мы добрались до Нижнего Рушана’ [Зарубин 1960, с. 11].

Однако надо отметить, что было найдено несколько примеров, где барьер II влияет также на позицию показателя 3-го лица множественного числа *ēn*, ср. пример (41):

- (41) ^{barrier2}[daδ] [jīdō]=**ēn** sat
 потом отдельный=**3PL** статья.PST
 ‘Потом они разделились’ [Зарубин 1960, с. 75].

Примеров с передвижением *ēn* всего 4 на 351 случай употребления (1,1%), но сама возможность подобного перемещения показывает разницу между барьером I, который обусловлен синтаксическими правилами и не затрагивает никакие энклитики, кроме *i*, и барьером II, который зависит скорее от коммуникативной ситуации и факультативно может действовать на разные энклитики.

Однако поведение энклитики *i* и в этом случае непоследовательно: рассмотрим примеры (42–44), где вышеописанные *daδ* и *vō* становятся опорными словами для клитики, вместо того чтобы выступать в роли барьера:

- (42) [vō]=**yi** yōd pi niwēnc xēz
 опять=**3SG** нести вверх невеста APUD
 ‘Потом понес к невесте’ [Зарубин 1960, с. 72].

- (43) [daδ]=**i** wam xās zōxī
 потом=**3SG** она.OBL вода брать.PST
 ‘Потом он взял воду’ [Зарубин 1960, с. 72].

- (44) [daδ]=**i** čēd zōxī
 потом=**3SG** нож взять.PST
 ‘Потом взял нож’ [Зарубин 1960, с. 72].

Как и в случае с барьером I, первая составляющая-обстоятельство может быть выражена именной группой:

- (45) ^{barrier2}[yi mēθ] [δōd]=**i** wi-rd juwōb
 один день дать.PST=**3SG** он.OBL-LAT ответ
 ‘Однажды (имам) дал ему ответ’ [Зарубин 1960, с. 80].

При анализе данных примеров острее всего встает проблема омонимии, так как у некоторых обстоятельств есть формы-алломорфы, которые сложно отличить от тех же форм с энклитикой *i*. Например, при элицитации были получены три разных варианта перевода одного предложения:

‘В пять часов кто-то постучал в дверь’ (элицитация 2019).

- (46) [soat=*i* panj-and] [ar-čāy ca] divi-ti tuq tuq δod
 час=EZ пять-LOC кто-то дверь-SUP.ES стучать.PST
- (47) ^{barrier2}[soat=*i* panj-and] [ar-čāy ca]=*yi* divi-ti
 час=EZ пять-LOC кто-то=3SG дверь-SUP.ES
 tuq tuq δod
 стучать.PST
- (48) [soat=*i* panj-and]=*i* ar-čāy ca divi-ti tuq tuq δod
 час=EZ пять-LOC=? кто-то дверь-SUP.ES стучать.PST

Если в примере (46) энклитика пропущена, а в примере (47) помещается на вторую составляющую, то относительно примера (48) было получено два комментария от носителей (такой вариант предложения был дан дважды): по одной версии, = *i* (*panj-and* = *i*) это лично-числовая энклитика, по другой – просто одна из форм послелога *-and*. Видимо, мы не можем с уверенностью говорить здесь об однозначной интерпретации⁶.

Если в тексте появляются два барьера одновременно, энклитика присоединяется к третьей составляющей, пропуская и подлежащее (по правилу барьера I), и обстоятельство (по правилу барьера II)⁷. Порядок составляющих-барьеров в клаузе не имеет значения: в примере (49) сначала появляется барьер II, а потом барьер I, в примерах (50–51) на первом месте оказывается барьер I, а барьер II на втором. Клитика во всех трех случаях занимает третью позицию.

- (49) ^{barrier2}[*dad*] ^{barrier1}[*wi* *wazir*] [*di*]=*yi* *xūd*
 тогда он.OBL визирь это=3SG слышать.PST
 ‘Тогда его визир услышал это’ [Зарубин 1960, с. 79].

⁶ Данный пример не учитывался в основном подсчете как неоднозначный.

⁷ Таким образом оба барьера являются кумулятивными. Кумулятивный барьер, возникая в предложении, не влияет на уже существующий барьер и просто смещает клитику дополнительно вправо. Привативный же барьер отменяет действие первого барьера, возвращая исходный порядок слов в клаузе [Циммерлинг 2013, с. 117].

- (50) ^{barrier1}[*yu*] ^{barrier2}[*vō*] [*lūd*]=*i*
 он опять сказать.PST=**3SG**
 ‘Опять тот сказал: <...>’ [Зарубин 1960, с. 75].
- (51) ^{barrier1}[*yā*] ^{barrier2}[*dad*] [*wi* *kōlā*]=*yi* *vūd*
 она тогда он.OBL материя=**3SG** нести.PST
 ‘Тогда она вынесла материю’ [Зарубин 1960, с. 66].

5.2. *Барьер II: цепочка энклитик.* Барьер II, в отличие от барьера I, может также влиять на позиции других энклитик, ниже мы рассмотрим примеры с другой энклитикой, которая тоже может смещаться под действием барьера II.

Модальная частица *ǰō* (‘вероятно’, ‘очевидно’, ‘по-видимому’, ‘кажется’) внутри клаузы обычно располагается по закону Ваккер-нагеля после первой полной составляющей. Если в предложении возникают лично-числовые энклитики (в том числе энклитика *i*), занимающие вторую позицию, то сперва присоединяются лично-числовые энклитики, а потом частица *ǰō* (примеры (52), (53)).

- (52) [*yu*]=*yi*=*ǰō* *maš* *qišloq*=*qati* *nobalad*
 он=**3SG**=**PRES** 1PL.OBL кишлак=**COM** незнакомый
 ‘Он, оказывается, не знаком с нашим кишлаком’ (см.: Карамшоев 1991, с. 320).

Если же первая составляющая – это обстоятельство, частица *ǰō* смещается вправо, занимая позицию после второй составляющей, в данном случае, после подлежащего *tu* с примыкающей к нему локальной энклитикой *mis*.

- (53) ^{barrier2}[*pirwos*]=*at* *tu*=*mis*=*ǰō* *ari* *vad*
 прошлый.год=**2SG** 2SG=**тоже**=**PRES** здесь быть.F.PST
 ‘В прошлом году, оказывается, и ты здесь была?’ (см.: Карамшоев 1991, с. 378).

При этом правило барьера I на частицу *ǰō* не распространяется. Как можно видеть из примеров (52–53), *ǰō* может присоединяться к подлежащему, занимая вторую позицию. А.А. Зализняк называет подобные случаи «разделением энклитик» – когда на разные типы энклитик барьер действует по-разному [Зализняк 2008, с. 54].

При этом барьер II соблюдается не всегда, и в примере ниже можно увидеть, что и лично-числовая энклитика 2PL, и частица *ǰō* сохраняют ваккернагелевскую позицию после первой составляющей, несмотря на то что она выражена обстоятельством:

- (54) [nur]=*et=xǒ* *lap* *zanāt* *čūd*
 сегодня=**2PL=PRES** много тренировка делать.PST
 ‘Сегодня вы, оказывается, долго тренировались’ (см.: Карамшов 1988, с. 537).

Можно сделать вывод о том, что обстоятельства в первой позиции играют роль факультативных барьеров. Факультативный барьер «представляет собой просодическое выражение некоторого выделения того или иного звена фразы <...>. Такое выделение всегда предполагает соответствующую интенцию говорящего, а ее, разумеется, может и не быть» [Зализняк 2008, с. 55]. Интенция связана со смысловым подчеркиванием, и если в некоторых случаях возникновение барьера можно предсказать, то в относительно нейтральных контекстах выбор местоположения клитики зависит только от конкретного носителя. Кроме того, сфера действия факультативного барьера не ограничивается энклитикой *i*, он также может влиять на позиции других клитик, что недопустимо для барьера I.

6. Распределение барьеров

Таким образом, в шугнанском языке есть как минимум два барьера, которые модифицируют положение клитики в клаузе. Ниже приведена таблица, где подсчитаны все случаи перемещения энклитики вследствие появления барьеров. В элицитированных примерах в 47 случаях энклитика была опущена, эти примеры не учитываются в таблице ниже.

В первом столбце указано время записи текстов, данные расположены в хронологическом порядке. Во втором столбце приводится число примеров с энклитикой в предложениях, где нет барьеров и где энклитика занимает каноническую ваккернагелевскую позицию. Этот столбец нужен, чтобы исключить из рассмотрения примеры, где нет даже теоретической вероятности перемещения клитики.

В третьем и четвертом столбцах рассмотрены примеры, где возникает барьер I. В третьем столбце можно увидеть количество примеров, где правило барьера нарушается и энклитика занимает вторую позицию, как если бы барьера не было (ни одного случая в текстах XX в., 56,7% примеров в элицитированных текстах), в четвертом столбце – примеры, где барьер I соблюдается и энклитика смещается (обратная ситуация: 24,7% в текстах 1915–1917 гг., 31,3% в текстах 1948–1949 гг., но 2,7% в текстах 2019–2020 гг.).

Таблица 3

Распределение клитики *i* в рассмотренных примерах

Время записи	Нет барьеров, клитика во 2-й позиции	1-я составляющая – подлежащее		1-я составляющая – обстоятельство		Два барьера	Барьер III?	Итого
		Барьер I нарушается	Барьер I соблюдается	Барьер II нарушается	Барьер II соблюдается			
1915–1917, 1927 гг.	161 (62,1%)	0	64 (24,7%)	11 (4,2%)	7 (2,7%)	14 (5,4%)	2 (0,7%)	259
1948–1949 гг.	29 (55,8%)	0	16 (31,3%)	1 (2%)	0	5 (9,8%)	1 (1,9%)	52
2019–2020 гг.	61 (33,9%)	102 (56,7%)	5 (2,7%)	4 (2,2%)	5 (2,7%)	2 (1,1%)	1 (0,5%)	180

Таким же образом распределены примеры в пятом и шестом столбцах для предложений с барьером II. В пятом столбце указано количество примеров с энклитикой во второй позиции, нарушающей правило барьера: 4,2% в 1915–1917 гг., 2% в 1948–1949 гг., 2,2% в 2019–2020 гг., можно видеть, что примеров с нарушением барьера II примерно равное количество во все годы. В шестом столбце – количество примеров, где барьер II соблюдается и энклитика смещается вправо: 2,7% в текстах 1915–1917 гг., нет примеров в текстах Пахалиной 1948–1949 гг., 2,7% в элицитации 2019–2020 гг.

В отдельном столбце приведены примеры, где появляются и соблюдаются одновременно два барьера: 5,4% в 1915–1917 гг., 9,8% в 1948–1949 гг., 1,1% в 2019–2020 гг. Стоит отметить, что в текстах Пахалиной, несмотря на отсутствие примеров с одиночным барьером II, правило барьера тем не менее действует, но во всех найденных примерах лишь в сочетании с барьером I.

Также в отдельный столбец под названием «Барьер III?» вынесены несколько примеров, в которых энклитика смещается вправо, но это передвижение невозможно объяснить при помощи уже описанных барьеров. В примере ниже опорным словом для клитики становится третья составляющая (глагол-сказуемое), хотя по правилам она должна была присоединиться ко второй составляющей, прямому дополнению:

- (55) ^{barrier1}[yu] [wi] [zōxʲ]=i xu
 он он.OBL взять.PST=3SG ADD
 'Тот его взял и <...>' [Зарубин 1960, с. 37].

Таким образом, чтобы оценить общее количество примеров с энклитикой во второй позиции, можно сложить данные из первого столбца и из столбцов с данными о нарушении барьеров. Видно, что общая доля примеров с энклитикой во второй позиции для текстов 1915–1917 гг. равна 66,3% (62,1% + 4,2%), для текстов 1948–1949 гг. – 57,8% (55,8% + 2%), а для элицированных примеров 2019–2020 гг. – 92,8% (33,9% + 56,7% + 2,2%). Количество примеров с энклитикой на первой составляющей в современных текстах значительно выше за счет того, что чаще нарушаются ритико-синтаксические барьеры.

При этом стоит отметить разницу между барьером I, который не нарушался ни разу в старых текстах, но практически не соблюдается в элицированных примерах, и барьером II, который и в текстах XX в., и в современном языке нарушается и соблюдается с сопоставимой частотностью.

Можно предположить, что барьер I, запрещающий клитике *i* присоединяться к подлежащему, строго соблюдался в первой половине XX в. (энклитика смещается во всех 311 рассмотренных примерах) и стал факультативным в современном языке (возникает в 2,7% случаев из 180 примеров). В свою очередь, барьер II, помещающий условное начало клаузы справа от обстоятельств, был и остается факультативным барьером, использование которого связано в первую очередь с коммуникативной ситуацией. Процент появления барьера II в текстах XX в. не отличается от данных последних лет: 2,7% в старых текстах, 2,7% в новых. Барьер I влияет только на положение клитики 3-го лица единственного числа, остальные клитики, согласно закону Ваккернагеля и в соответствии с существующими описаниями, занимают позицию после первой полной составляющей. Барьер II может иногда возникать в том числе для показателя 3-го лица множественного числа *ēn*.

7. Заключение

На основе рассмотренных примеров можно заключить, что все энклитические показатели лица и числа в шугнанском языке подчиняются закону Ваккернагеля и занимают позицию после первой полной составляющей (отсчет составляющих начинается после барьера). В языке есть как минимум два барьера, которые влияют на расположение энклитики 3-го лица единственного числа *i*. Вследствие возникновения барьеров условное начало клаузы смещается вправо, и энклитика присоединяется к первой составляющей после последнего барьера. В ходе работы были описаны два барьера и была подсчитана частота появления каждого из них в разных текстах.

Барьер I носит синтаксический характер, он запрещает энклитике *i* присоединяться к первой составляющей, если она выражается подлежащим. Во всех текстах, записанных в XX в. (в 1915–1917 и 1948–1949 гг.), этот барьер строго соблюдается. Однако в современном языке этот барьер постепенно утрачивается, основным правилом становится закон Ваккернагеля. Чем бы ни была выражена первая составляющая, энклитика стремится присоединиться к ней. Это видно в процентном соотношении: в старых текстах на все случаи появления энклитики приходится 24,7% примеров с передвижением, а в новых текстах этот процент составляет 2,7%.

Барьер II является коммуникативным, он сдвигает условное начало клаузы вправо, помещая его после вводных слов, наречий и обстоятельств времени, относящихся по смыслу ко всей клаузе (наиболее частотные примеры обстоятельств-барьеров в текстах:

dad ‘тогда’ и *bād* ‘потом’). Это факультативный барьер, появление которого зависит в первую очередь от коммуникативной ситуации, он легко нарушался раньше и нарушается сейчас (встречается в 2,7% случаев в старых текстах и ровно так же в 2,7% – в новых). Этот барьер затрагивает также позицию как минимум одной другой энклитической частицы *xō* ‘оказывается’ и как минимум одного энклитического показателя 3-го лица множественного числа *ēn*, смещая их вправо от базовой ваккернагелевской позиции.

Можно отметить, что барьер II типологически схож с коммуникативными барьерами, которые А.А. Зализняк выделяет для древнерусских энклитик [Зализняк, 2008, с. 98]. В качестве барьеров в древнерусском языке также выступали обстоятельства, которые часто выражались наречиями, смещение клитики, как и в рассмотренных шугнанских примерах, было факультативным.

В шугнанском языке в одном предложении может быть два барьера одновременно (в любом порядке), в результате чего энклитика будет занимать позицию после третьей составляющей. Также были обнаружены четыре примера, где энклитика смещается еще дальше вправо, но характер этого передвижения остается невыясненным, возможно, это следы других барьеров, которые пока не удалось описать.

Благодарности

Я бы хотела поблагодарить за помощь в работе над статьей моего научного руководителя Романа Витальевича Ронько, руководителей нашей памирской экспедиции Владимира Александровича Плунгяна и Екатерину Владимировну Рахилину, а также Степана Михайлова за его ценные советы, Александра Сергиенко, собравшего для меня часть данных, и анонимных рецензентов за комментарии к статье.

Публикация подготовлена в результате проведения исследования (проекта № 22-00-034) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Acknowledgments

I thank for the help in working on the article my supervisor Roman Ronko, without whom my work could not have been possible. I also thank Vladimir Plungyan and Ekaterina Rakhilina, the heads of our Pamir fieldwork, as well as Stepan Mikhailov for his valuable advice, and Alexander Sergienko, who col-

lected some data for me. Finally, I thank my anonymous reviewer for comments on an early version of this paper.

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant № 22-00-034).

Сокращения и глоссы

ADD	– аддитивная частица,	NEG	– отрицание,
ADV	– адвербиализатор,	OBL	– косвенный падеж,
ALL	– аллатив,	PF	– перфект,
APUD	– апудэссив,	PL	– множественное число,
EMPH	– эмфатическая частица,	PRES	– презумптив,
EZ	– изафет,	PST	– прошедшее время,
F	– женский род,	REFL	– рефлексив,
INS	– инструменталис,	SG	– единственное число,
LAT	– латив,	SUB	– сублатив,
LOC	– локатив,	SUP.ES	– суперэссив.
M	– мужской род,		

Источники

Карамшов 1988 – *Карамшов Д.К.* Шугнанско-русский словарь. М.: «Восточная литература» РАН, 1988. Т. 1. 576 с.; 1991. Т. 2. 616 с.; 1999. Т. 3. 569 с.

Литература

Абаев 1959 – *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное изд-во, 1959. 168 с.

Бахтибеков 1979 – *Бахтибеков Т.* Грамматикаи забони шугнонӣ. Душанбе: Дониш, 1979. 147 с.

Зализняк 2008 – *Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.

Зарубин 1960 – *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л.: Академия наук СССР, 1960. 385 с.

Карамшов 1963 – *Карамшов Д.К.* Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963. 367 с.

Николаева 2008 – *Николаева Т.М.* Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих» частиц). М.: Языки славянских культур, 2008. 375 с.

Пахалина 1969 – *Пахалина Т.Н.* Памирские языки. М.: Наука, 1969. 162 с.

- Соколова 1953 – *Соколова В.С.* Очерки по фонетике иранских языков. М.; Л.: Академия наук СССР, 1953. 245 с.
- Циммерлинг 2013 – *Циммерлинг А.В.* Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013. 544 с.
- Шакармамадов 2005 – *Шакармамадов Н.* Фолклори Помир. Чилди II. Душанбе: Институт исмаилитских исследований, 2005. 430 с.
- Эдельман, Юсуфбеков 2000 – *Эдельман Д.И., Юсуфбеков Ш.П.* Шугнанский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М.: Индрик, 2000. С. 225–242.
- Dodixudoev 2001 – *Dodixudoev R.H.* Luqo Injil. Instituti tarjuma Kitobi Muqadas, 2001. 90 p.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 – *Edelman D.I., Dodykhudoeva L.R.* Shughni // The Iranian languages / Ed. by G. Windfuhr. L.; N. Y.: Routledge, 2009. P. 787–825.
- Tegey 1977 – *Tegey H.* The grammar of clitics: evidence from Pashto and other languages. Ph.D. dissertation. Univ. of Illinois at Urbana-Champaign, 1977. 278 p.
- Zwicky 1977 – *Zwicky A.M.* On Clitics. Bloomington, IN: Indiana Univ. Linguistics Club, 1977. 40 p.

References

- Abaev, V.I. (1959) *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Grammatical essay of the Ossetian language], Severo-osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, Ordzhonikidze, USSR.
- Bahtibekov, T. (1979), *Grammatikai zaboni shuynoni* [Grammar of the Shughni language], Donish, Dushanbe, USSR.
- Cimmerling, A.V. (2013), *Sistemy porjadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskoy aspekte* [Word order systems of Slavic languages in typological aspect], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Dodixudoev, R.H. (2001), *Luqo Injil* [Gospel of Luke], Instituti tarjuma Kitobi Muqadas, Moscow, Russia.
- Edelman, D. (Joy) I. and Dodykhudoeva, L.R. (2009), “Shughni”, in Windfuhr, G. (ed.), *The Iranian languages*, Routledge, London, UK, New York, USA, pp. 787–825.
- Edel'man, D.I. and Yusufbekov, Sh.P. (2000), “Shughni language”, in *Yazyki mira: Iranskie yazyki*. III. *Vostochnoiranskie yazyki* [Languages of the world: Iranian languages. III. Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 225–242.
- Karamshoev, D.K. (1963), *Badzhuvskij dialekt shugnanskogo yazyka* [Bajuvi dialect of Shughni language], Akademiya nauk Tadzhikskoj SSR, Dushanbe, USSR.
- Nikolaeva, T.M. (2008), *Neparadigmaticheskaya lingvistika (Istoriya «bluzhdayushchih» chastic)* [Non-paradigmatic linguistics (The history of “wandering” particles)], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Pahalina, T.N. (1969), *Pamirskie yazyki* [Pamiri languages], Nauka, Moscow, Russia.

- Shakarmamadov, N. (2005), *Folklori Pomir. Childi II* [Pamir folklore. Vol. II], Institut Ismailitskih issledovaniy, Dushanbe, Tajikistan.
- Sokolova, V.S. (1953), *Ocherki po fonetike iranskih yazykov* [Essays on the phonetics of the Iranian languages], Akademiya nauk SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.
- Tegey, H. (1977), *The grammar of clitics: evidence from Pashto and other languages*. Ph.D. Thesis, University of Illinois at Urbana-Champaign, USA.
- Zaliznyak, A.A. (2008), *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics], Yazyki slavyan-skih kul'tur, Moscow, Russia.
- Zarubin, I.I. (1960), *Shugnanskie teksty i slovar'* [Shughni texts and dictionary], Akademiya nauk SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.
- Zwicky, A.M. (1977), *On Clitics*, Indiana University Linguistics Club, Bloomington, IN, USA.

Информация об авторе

Дарья Г. Чистякова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 115054, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 1; dashachis19@gmail.com

Information about the author

Daria G. Chistiakova, HSE University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia, 115054; dashachis19@gmail.com

Описательные и теоретические исследования

УДК 811`37

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-92-120

Когнитивный механизм семантического перехода

ПОДНЯТЬ → ОТМЕНИТЬ

в свете типологических данных

Мария В. Орлова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,

mriaorlova@gmail.com

Аннотация. В статье на материале 11 языков, принадлежащих трем языковым группам – греческой, германской и романской, – рассматривается ряд семантических переходов, формирующих единую цепочку значений, которую по крайним звеньям можно обозначить как *TO TAKE UP* → *TO ABOLISH* (поднять – отменить). Высказывается предположение о вероятной когнитивной основе семантического развития глаголов с исходным значением *TO TAKE UP*, которая представляется общей для значительного количества языков и поэтому имеет особую значимость для лексико-семантической типологии.

В структуре цепочки находит отражение общее представление о последовательном увеличении дистанции между перемещаемым объектом и его исходным местоположением, что служит основой для возникновения значений *TO TAKE OFF* (снять) и *TO TAKE AWAY* (унести). На последних шагах деривации идея удаления предмета из некоторого пространства достигает максимально полного воплощения в значениях *TO DESTROY* (уничтожить) и *TO ABOLISH* (отменить). Отмечается различие механизмов развития новых значений: три из четырех производных значений являются метонимическими, тогда как значение *TO ABOLISH* имеет метафорическую природу.

Ключевые слова: лексико-семантическая типология, семантические переходы, семантические параллели, полисемия, семантическая эволюция, концептуализация действительности

Для цитирования: Орлова М.В. Когнитивный механизм семантического перехода *ПОДНЯТЬ* → *ОТМЕНИТЬ* в свете типологических данных // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 92–120. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-92-120

© Орлова М.В., 2022

The cognitive mechanism of the semantic shift

TO TAKE UP → TO ABOLISH
in the light of typological data

Mariia V. Orlova

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, mriaorlova@gmail.com*

Abstract. Based on the data of 11 languages belonging to three language groups (Hellenic, Germanic, and Romance) the article considers a range of semantic shifts forming a chain of meanings which, based on its outermost links, may be referred to as TO TAKE UP → TO ABOLISH. The article analyzes the cognitive basis of the semantic development of verbs initially denoting the action TO TAKE UP, a pattern assumed to be common for several languages and thus of particular significance for lexical and semantic typology.

The structure of the chain reflects the idea of the distance between the relocated object and its original location gradually becoming greater, on the basis of which the meanings TO TAKE OFF and TO TAKE AWAY are acquired. The final links of the chain (the meanings TO DESTROY and TO ABOLISH) represent the ultimate realization of removal. The mechanism of meaning acquisition is assumed to differ between the shifts in the chain since three of the four derivative meanings are metonymical, while the meaning TO ABOLISH is of metaphorical nature.

Keywords: semantic typology, semantic shifts, semantic parallels, polysemy, semantic evolution, conceptualization

For citation: Orlova, M.V. (2022), "The cognitive mechanism of the semantic shift TO TAKE UP → TO ABOLISH in the light of typological data", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 92–120, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-92-120

1. Введение

В связи с развитием лексическо-семантической типологии перспективным представляется исследование сходных процессов в лексике языков мира, принадлежащих различным языковым группам и семьям. Среди таких явлений особенного внимания заслуживают семантические переходы, понимаемые как «наличие некоей концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах "одного слова в широком смысле"» [Зализняк 2013а, с. 411], в диахронии (как феномен семантической эволюции) или в синхронии (как полисемия).

На сегодняшний день существует целый ряд работ, посвященных системному и типологическому изучению полисемии – см., например [Гак 1998; Падучева 2000; Viberg 2002; Кустова 2004; Riemer 2005; François 2008; Koch 2008; Juvonen, Kortievskaaya-Tamm 2016; List et al. 2018; Zaluzniak 2018]. В исследовании семантических изменений ключевую роль играет широко применяемое в этимологии понятие семантической параллели, т. е. независимой реализации сходных семантических переходов в разных словах разных языков, в том числе неродственных. Сопоставительное исследование таких переходов представляется крайне актуальной задачей в связи с их очевидной когнитивной природой: в работах по лексико-семантической типологии, как правило, подчеркивается, что «изменения в способе номинации представляются подчиняющимися определенным когнитивным универсалиям, которые порождают сходные результаты в неродственных языках»¹ (перевод мой. – М. О.) [Koch 2000, p. 80]; см. также [Koch 2008, p. 108; Зализняк 2013а, с. 415] и др.

Этими соображениями обусловлен интерес современной лингвистики к сопоставительному исследованию полисемии в языках мира: изучение переходов, образующих семантические параллели, дает возможность выявить «естественные тенденции изменения значения в данной семантической области»² (перевод мой. – М. О.) [Wilkins 1996, p. 282], проследить и описать регулярно повторяющиеся процессы семантического развития. Результаты такого исследования, в свою очередь, позволяют охарактеризовать некоторые внутренне присущие человеческому сознанию пути и модели осмысления действительности.

В лексикографической традиции принято выделять два типа полисемии. В случае радиальной полисемии «все значения слова мотивированы одним и тем же – центральным – значением» [Апресян 1995, с. 182], в то время как явление цепочечной полисемии предполагает, что «каждое новое значение слова мотивировано другим – ближайшим к нему – значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов» [Апресян 1995, с. 182].

Как отмечает Е.В. Падучева, «в множестве лексем полисемичного <...> слова, как правило, можно найти корневую лексему – такую, что все остальные являются ее прямыми или

¹Пер. с фр. “les changements de désignation semblent sujets à certains universaux cognitifs qui produisent des résultats polygénétiques semblables”.

²Пер. с англ. “the natural tendencies of semantic change in a given semantic domain”.

опосредованными дериватами» [Падучева 2004, с. 149]. Такая взаимосвязь между значениями лексической единицы позволяет представить ее семантику как единую структуру, благодаря чему многозначное слово может рассматриваться как «семантическая парадигма», т. е. «парадигма лексем, связанных одна с другой продуктивными типами семантической деривации» [Падучева 2004, с. 410].

В связи с изложенными выше соображениями важной задачей представляется сбор и систематизация информации о конкретных реализациях семантических переходов в языках мира, что, в свою очередь, позволит формулировать гипотезы о когнитивных механизмах эволюции значения слова. С этой целью группой исследователей под руководством А.А. Зализняк с 2002 г. ведется работа по составлению Каталога семантических переходов в языках мира в форме компьютерной базы данных “Database of Semantic Shifts” (далее DatSemShift), в которой фиксируются данные о семантических переходах, представленных на синхронном или диахроническом уровне в конкретных лексемах – реализациях данного перехода ([Зализняк 2001; Зализняк 2013а; Zalizniak et al. 2012; Zalizniak 2018]; база данных доступна по адресу: www.datsemshift.ru).

Существенно также, что Каталог позволяет исследовать не только отдельно взятые переходы, но и случаи взаимосвязи между ними. Извлечение цепочек переходов из базы данных DatSemShift становится возможным благодаря функции автоматизированного поиска по параметрам SOURCE и TARGET, для которых в этом случае задаются одинаковые значения, поскольку одно и то же значение для одного перехода является исходным, а для другого – производным [Zalizniak 2018, p. 773].

В статье будет рассматриваться одна из таких цепочек переходов, а именно «многоступенчатый» переход TO TAKE UP → TO ABOLISH. В следующем разделе будет предложена гипотеза относительно концептуальной основы семантического развития глаголов с первым значением TO TAKE UP и представлена схема их цепочечной полисемии в ее идеальной реализации, т. е. с полным набором звеньев. В разделе 3 на примере конкретных языков и лексем будут рассмотрены варианты этой цепочки, различающиеся как по количеству составляющих ее переходов, так и по когнитивным механизмам формирования новых значений. В заключение будут подведены итоги проверки исходной гипотезы на языковом материале, а также упомянуты сходные случаи полисемии в языках других семей и групп.

2. Этапы семантической деривации в цепочке переходов TO TAKE UP → TO ABOLISH³

Одну из характерных цепочек переходов, позволяющих говорить о единой семантической структуре многозначного слова, в ряде языков можно наблюдать на примере глаголов, первым значением которых является ‘переместить куда-л. вверх, в более высокое положение’, ср. прямое (пространственное) значение англ. *to lift* и *to take up* или рус. *поднять*. Эти глаголы можно соотнести с группой «глаголов удаления», которые могут быть противопоставлены «глаголам прибытия» как имеющие «обязательную семантическую валентность начальной точки» [Майсак, Рахилина 1999, с. 53]. Следует отметить, что в цитируемой работе рассматриваются глаголы движения в узком смысле, не включающем глаголы перемещения объекта, однако общность семантики этих двух тематических классов, как кажется, позволяет использовать схожие методы и общую терминологию при анализе их функционирования.

Согласно нашей исходной гипотезе, семантическое развитие глаголов со значением TO TAKE UP базируется на идее **удаления предмета X из пространства Y** таким образом, что дистанция между X и Y увеличивается с каждым последующим звеном цепочки, т. е. на каждом шаге деривации. Путь семантического развития соответствующих лексем можно представить в виде схемы:

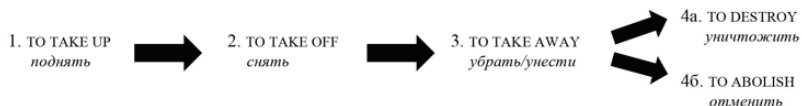

Рис. 1. Схема цепочки переходов TO TAKE UP – TO ABOLISH

Производным от базового значения перемещения объекта вверх по вертикали – TO TAKE UP – становится значение (2) TO TAKE OFF (= ‘убрать, удалить то, что находится на поверхности чего-л.’). Будучи употребленным в этом втором значении, полисемичный глагол по-прежнему называет ситуацию, включающую в себя пере-

³Исследуемые значения обозначаются в статье условными англоязычными ярлыками в соответствии с принципом нотации, принятым в DatSemShift.

мещение предмета по вертикальной линии (как правило, сначала вверх, затем вниз), однако на первый план выходит семантика удаления предмета с поверхности, на которой он пребывал до этого.

Иными словами, используя глагол в значении *TO TAKE UP*, говорящий в первую очередь характеризует сам вектор движения – снизу вверх, – тогда как при употреблении лексемы в значении *TO TAKE OFF* фокус смещается на начальную точку: наиболее актуальной представляется информация о том, где изначально находился и более не находится предмет X. Тесная связь между двумя значениями, составляющими первый переход в рассматриваемой цепочке, нередко отражается в лексикографическом представлении соответствующих глаголов: в словарных статьях регулярно встречаются единые, синкретичные толкования значений *TO TAKE UP* и *TO TAKE OFF*⁴, иллюстрируемые примерами, которые были бы переведены на русский язык с помощью двух разных глаголов – ср. *The lumber was lifted by crane* ‘Лес **подняли** на подъемном кране’ и *He lifted the lid on the pot of soup* ‘Он **снял** крышку с кастрюли с супом’⁵. В русском языке также обнаруживается контекст нейтрализации различия между лексемами *поднять* и *снять*, в котором одна денотативная ситуация может быть описана с помощью любого из двух глаголов: ср. *И ничто не спасло бы Чикобаву, если бы Сталин не снял трубку и не оставил его жить* (Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25 [1968] // Новый мир, 1990); *Поздно ночью раздался телефонный звонок. Я поднял трубку. Из тишины выплыл спокойный голос моего брата...* (Сергей Довлатов. Наши [1983])⁶.

На втором шаге деривации, при переходе к значению (3) *TO TAKE AWAY* (= ‘поднять/взять, убрать, унести откуда-л., куда-л.’), семантический компонент движения по вертикали утрачивается, в то время как идея удаления предмета из исходного пространства сохраняется и получает дальнейшее развитие. Задействованное в ситуации пространство Y, из которого удаляется объект, как бы расширяется и приобретает объем по сравнению с «плоским» исходным пространством – поверхностью, которая мыслилась как исходная точка движения для ситуаций, называемых глаголом в значениях

⁴См., например, толкования *lift*: Longman dictionary of contemporary English. P. 933; и *enlever*: Trésor de la langue Française informatisé. ATILF / CNRS – Université de Lorraine. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (дата обращения 04.02.2022).

⁵Примеры см.: Longman dictionary of contemporary English / Ed. by D. Summers. 4th ed. White Plains, N.Y.: Longman, 2003. P. 933.

⁶Примеры см.: Национальный корпус русского языка. 2003–2021. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 04.02.2022).

TO TAKE UP и TO TAKE OFF. Иными словами, если при употреблении глаголов в значении (1) или (2) в фокусе внимания говорящего оказывается только тот участок поверхности, которым Y соприкасался с располагавшимся на нем X, то при переходе к третьему звену цепочки Y приобретает характеристики трехмерного пространства, внутри которого изначально находится X. В некоторых контекстах употребления глаголов в значении (3) актуализируется также смысловой компонент причины действия – идея ненужности предмета X в пространстве Y, которая побуждает Агенса перенести X из Y в другое место (в русском языке это значение выражает глагол *убрать*).

На третьем шаге деривации, при переходе к четвертому звену цепочки переходов, идея «удаления» предмета достигает предельно полного воплощения: X перестает существовать не только в некотором ограниченном пространстве, но и в мире вообще. Такое переосмысление ситуации может иметь две реализации – конкретную (на схеме значение (4а)) и абстрактную (на схеме значение (4б)). В случае реализации значения (4а) **TO DESTROY X** представляет собой материальный предмет и речь идет о его устранении, разрушении, уничтожении; в редких случаях X может также являться лицом, и тогда соответствующей ситуацией становится его убийство. Можно говорить о том, что пространство Y еще более расширяется по сравнению с предыдущими звеньями цепи переходов и становится равным миру. Вследствие этого лексемы, употребленные в значении (4а), часто не имеют валентности начальной точки перемещения (ср. фр. *produit qui enlève les taches* ‘средство для удаления пятен’) – см. также примеры из древнегреческого языка в параграфе 3.1.

В то же время обнаруживаются и другого рода контексты, когда для говорящего важно указать, в какой конкретно точке пространства находился X, прежде чем быть уничтоженным, поскольку само устранение X вызвано нежелательностью его нахождения именно в этом месте. Это явление иллюстрируют контексты «очищения» материального предмета – ср. фр. *enlever les saletés du sabot* ‘убрать грязь с башмака’, *enlever les taches sur le tapis* ‘удалить пятна с ковра’, *enlever la rouille sur les casseroles* ‘удалить ржавчину с кастрюль’⁷: с одной стороны, X (тот или иной вид грязи) не переносится в другое пространство, а перестает существовать где-либо в принципе; с другой – его следовало удалить именно из Y (из предмета, на поверхности или внутри которого он находился). Представ-

⁷Примеры взяты из корпуса интернет-текстов frTenTen: Corpus of the French Web. SketchEngine. URL: <https://www.sketchengine.eu/frtnten-french-corpus/> (дата обращения 04.02.2022).

ляется, что в таких случаях можно говорить о частично сближающемся с предыдущим, третьим звеном цепочки значений контексте «сильного удаления», противопоставленного контекстам «слабого удаления»: с одной стороны, ситуация не концептуализируется в языке как тотальное уничтожение предмета (о чем свидетельствует материал толковых словарей, помещающих контексты «слабого» и «сильного» удаления в качестве иллюстративных примеров к одному значению глагола), с другой – в действительности денотативная ситуация подразумевает именно полное устранение X, а не его перемещение⁸. Подробнее эта проблема будет рассмотрена на материале французского языка в параграфе 3.3.

Другая реализация последнего шага деривации, переход к значению (4б) **TO ABOLISH**, сопровождается сменой таксономического класса Пациенса (о понятии таксономического класса см. [Падучева 2004, с. 80–89]), что актуализирует особое, метафорическое значение глагольной лексемы. Если в качестве Пациенса выступает имя какого-либо постановления или решения (закона, указа, приговора, договоренности и т. д.), то глагол называет уже не физическое устранение предмета, а отмену действия соответствующего документа. Как показывает наше исследование (см. раздел 3), основанное на семантике удаления значение **TO ABOLISH** является достаточно частотным в языках мира, причем характерно, что оно регулярно возникает также у глаголов, в семантической структуре которых не представлено ни предыдущее звено цепочки переходов (3), ни «конкретное» значение (4а), так что они не способны выражать идею уничтожения материального объекта (ряд таких лексем будет приведен в параграфах 3.2 и 3.3). В этой схеме семантического развития «абстрактное» значение (4б) возникает на базе значения (2), и таким образом на последнем шаге деривации про-

⁸В связи с такого рода контекстами представляется правомерным упомянуть также особое значение русской приставки *под-*, формулируемое в [Плунгян 2001], как значение «удаления с поверхности» с семантическим эффектом «полного удаления» (ср. *подтереть* = ‘стереть целиком с горизонтальной поверхности’, *подлизать* = ‘слизать целиком с горизонтальной поверхности’). Семантический компонент полного («сильного») удаления, соответствующий звену (4) в предлагаемой схеме, накладывается на основное значение глаголов «пути объекта от (нижней) поверхности к субъекту-посессору» (звено [1]), в чистом виде реализуемое лексемами *поднять* и *подобрать*. Таким образом, русские префиксальные глаголы, семантика которых связана с идеей перемещения вертикально вверх, также способны называть ситуацию устранения объекта, хотя к самому глаголу *поднять* это замечание не относится.

цесс семантического развития происходит одновременно на двух уровнях: за счет идеи максимального увеличения дистанции между X и Y (полное устранение X) и в результате смены таксономического класса X, т. е. Пациенса.

Такая гипотетическая реконструкция развития значений исходной лексемы, по нашему мнению, отражает общие закономерности семантической эволюции слов естественного языка. Известно, что концептуальное поле пространства, представленное в лексике в том числе глаголами движения и перемещения, является крайне продуктивным в качестве базы для семантических переходов, источника семантического расширения. Это обусловлено принадлежностью пространственных категорий к первичному, непосредственному опыту носителя языка, благодаря чему «пространственные употребления многозначных единиц, отсылающих к явлениям действительности, более доступным непосредственному взаимодействию, чем временные или понятийные употребления, являются первичными, и на их основе развиваются все остальные»⁹ (перевод мой. – М. О.) [Pauly 2012, p. 95]. Представление о пространственных категориях как о средстве концептуализации явлений более сложного характера, связанных в том числе с нематериальными объектами, находит отражение в работах когнитивного направления в понятии топологической схемы (англ. *image schema* – термин введен М. Джонсоном) [Ченки 1997, с. 346–348; Рахилина 2010, с. 377; Розина 2005, с. 46].

В то же время взаимоотношение между двумя значениями, связанными семантическим переходом, отнюдь не всегда является однозначным, поскольку «оба направления (“от конкретного к абстрактному” и “от абстрактного к конкретному”) могут своеобразно перекрещиваться в развитии семантики одного и того же слова» [Шмелев 2008, с. 217–218]. Так, возможность обратного направления развития значений демонстрирует Э. Бенвенист, анализируя в статье «Семантические проблемы реконструкции» отношения семантической производности между значениями ‘верность, преданность’ и ‘дерево, дуб’ в ряде индоевропейских языков [Бенвенист 1974, с. 340–343]. Один сложный случай такого рода обнаруживается и при анализе конкретных реализаций рассматриваемого перехода и будет охарактеризован ниже.

Семантическое развитие обозначений базовых видов действий (к числу которых, безусловно, относятся и основные способы пере-

⁹Пер. с фр. “les emplois spatiaux des unités polysémiques, qui renvoient à des réalités plus directement saisissables que les emplois temporels ou notionnels, constituent les emplois premiers à partir desquels les autres se déploient”.

мещения объекта, в том числе *TO TAKE UP*) регулярно происходит за счет взаимодействия исходной лексемы с новыми актантами, которые изначально не мыслились как участники называемой глаголом ситуации. Это явление описывается Г.И. Кустовой в рамках следующей схемы: «...одновременно происходят два протivонаправленных семантических процесса: с одной стороны, круг актантов расширяется, глагол “вбирает” все большее количество новых объектов <...> но, с другой стороны, происходит “приспособление” глагола к новым типам объектов, семантическое согласование с их признаками, что приводит к более или менее заметному сдвигу значения и формированию новых, производных значений» [Кустова 2000, с. 87]. Исходная, доступная непосредственному наблюдению и связанная с первичным опытом человека прототипическая ситуация становится источником для производных значений, иногда весьма разнородных, но имеющих в своей основе обусловленную топологической схемой единую идею, которая, все более переосмысляясь при переходе от конкретного к абстрактному, принимает крайне обобщенный характер. Видоизменение сочетаемостных ограничений, характеризующих глагольную лексему, и, как следствие, увеличение числа возможных контекстов ее употребления влечет за собой приобретение ею более отвлеченных значений.

Особенно частотным в семантической структуре глагольной лексики представляется развитие новых значений за счет изменения типа объекта-Пациенса [Waltereit 1999; Кустова 2004, с. 25–27; Падучева 2004, с. 84; Розина 2005, с. 167]. Для цепочки переходов *TO TAKE UP* → *TO ABOLISH* смена таксономического класса актанта в первую очередь характеризует переход к значению (4б): в этом случае объектная валентность заполняется существительным со значением того или иного постановления или решения.

Первые два шага деривации, т. е. переход от первого звена цепочки значений ко второму и от второго к третьему, а также «конкретная» реализация последнего шага (переход к значению [4а]) лежат в сфере конкретной лексики и могут быть описаны с помощью понятия метонимии – одного из наиболее регулярных механизмов развития новых значений слова. Являясь в той или иной степени смежными с прямым значением, производные значения такого рода сохраняют с ними тесную связь на денотативном уровне (ср. [Кустова 2004, с. 198]), и при их появлении таксономический класс Пациенса не изменяется.

В связи с проблемой когнитивной связи между значением (4а) и предыдущим звеном цепочки переходов, послужившим базой для его возникновения, – (3) или (2) в разных языках – интерес представляет работа [Stolova 2015], в которой анализируются

основные тенденции, характерные для семантических переходов в романских языках в сопоставлении с языком-предком. Особенный интерес представляют замечания автора относительно когнитивной близости понятий движения и существования: в частности, в связи с латинскими глаголами *abire*, *abscedere*, *exire* она отмечает, что «идея прекращения некоторого состояния, положения или стадии <...> могла бы быть выражена посредством глаголов движения как подвид метафоры изменение – это движение, известный как ПРЕКРАЩЕНИЕ СОСТОЯНИЯ – ЭТО ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ИЗ ПРОСТРАНСТВА»¹⁰ (перевод мой. – М. О.) [Stolova 2015, p. 103], а также упоминает о том, что «исчезновение или прекращение существования может <...> выражаться с помощью глаголов движения»¹¹ (перевод мой. – М. О.) [Stolova 2015, p. 112]. Представляется, что эти тенденции характерны не только для романских языков, поскольку обусловлены общими когнитивными механизмами концептуализации мира. Связь между идеями движения (в данном случае движения вертикально вниз, а не вверх) и начала/прекращения существования постулируется и в работе [Розина 1999, с. 168].

В то же время «абстрактная» реализация (4б) последнего деривационного шага в рассматриваемой цепочке качественно отличается от предыдущих по механизму образования нового значения (в данном случае метафорическому, а не метонимическому) и по классу одного из участников описываемой ситуации – Пациенса. При этом частота реализации именно этого звена цепочки значений крайне высока, что позволяет говорить о регулярности этой метафоры как средства концептуализации ситуации отмены официального постановления.

3. Семантический переход *TO TAKE UP* → *TO ABOLISH* в трех группах индоевропейских языков

В данном разделе цепочка переходов, которую мы обозначили как *TO TAKE UP* → *TO ABOLISH*, будет описана на материале трех языковых групп, входящих в индоевропейскую семью: греческой, германской и романской. В зависимости от конкретного языка она

¹⁰ Пер. с англ. “stopping being in a specific state, condition, or stage could also be expressed with motion verbs as part of a sub-metaphor of CHANGE IS MOTION known as STOPPING BEING IN A STATE IS LEAVING A LOCATION”.

¹¹ Пер. с англ. “disappearing or stopping to exist can <...> be rendered by motion verbs”.

может быть представлена разным количеством реальных переходов, что в принципе характерно для «многоступенчатых» моделей деривации, которые редко обнаруживают все возможные звенья цепочки значений во всех языках, реализующих ту или иную модель полисемии [Evans 1992, p. 476], а также противопоставление полных и дефектных семантических парадигм в [Падучева 2004]). Соответствующие модификации исходной схемы с учетом пропущенных в том или ином языке срединных звеньев цепочки будут продемонстрированы ниже.

3.1. *Древнегреческий язык.* В древнегреческом языке представлены как минимум два глагола с исходным значением TO TAKE UP, в семантической структуре которых реализуются разные ступени этого перехода. Так, у глагола *αἶρω* в словаре¹² выделяются значения ‘поднять’ (to take up, raise, lift up); ‘поднять и унести, убрать’ (to lift and take away, to remove) и ‘убрать, положить конец чему-л.’ (to remove, put an end to), а также (значение отмечено как позднее) ‘убить’ (to take off, kill). В словаре¹³ приводится ряд примеров употребления *αἶρω*, иллюстрирующих реализации различных этапов деривации базового значения в текстах античных авторов: (3) *ἀρθείσης τῆς τραπέζης* Plut. ‘когда стол был унесен’; (4a) *εἰ θενεῖς τὸν ἄνδρα τοῦτον, αὐτὸς ἀρθήσῃ τάχα* Arph. ‘если ударишь его, сам будешь немедленно уничтожен’; (4б) *συνθήκας ἄρασθαι* Diog.L. ‘отменять (расторгать) договоры’. Развитие значений этого глагола представляется последовательным, и механизм семантической деривации достаточно четко прослеживается: один и тот же глагол называет сначала удаление X с расположенной ниже поверхности Y, затем еще большее увеличение дистанции между X и трехмерным пространством Y, так что они более не могут находиться в поле зрения одного наблюдателя (через промежуточный шаг, включающий в себя синкретичное обозначение поднятия и переноса), и далее реализует идею полного устранения, уничтожения объекта или лица X.

Схожая семантическая структура характеризует приставочный глагол *ἀναίρῶ* (образованный при помощи префикса *ἀνα-* ‘вверх’ от глагола *αἶρέω* ‘брать’). Его исходное значение, согласно словарю Лиддела-Скотта, TO TAKE UP. Далее, как и у глагола *αἶρω*, у рассматриваемой лексемы развивается значение, объединяющее в себе представление о перемещении объекта вертикально вверх и о его

¹² Liddell H.G., Scott R. Greek-English lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1940. P. 240.

¹³ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1. С. 55.

удалении в сторону от изначального пространства: ‘поднять и унести’ (to take up and carry off, bear away), например, в сочетании с дополнением τὰς σκηνάς Xen. ‘палатки’¹⁴.

Наконец, опять же сходно с развитием семантики глагола αἶρω, глагол ἀναίρειω начинает выражать идею полного устранения Пациенса, что реализуется в значениях ‘убрать, покончить с чем-л., уничтожить, убить (о людях)’ (to take away, make away with, destroy, of men, to kill) и ‘упразднить, аннулировать, отменить (о вещах)’ (of things, to abolish, annul, cancel). В словаре И.Х. Дворецкого также отмечаются соответствующие значения: как конкретное TO DESTROY или TO KILL (с заполнением валентности Пациенса лексемами πύργους Xen. ‘башни’; πόλεις Dem. ‘города’; πολλούς Aesch., Her. ‘многих (людей)’), так и абстрактное TO ABOLISH (например, συνθήκας Isocr. ‘договор’; νόμους Aeschin. ‘закон’)¹⁵.

Следует отметить, что в греческом языке представлена «идеальная», максимально полная реализация описанной выше цепочки переходов: в семантической структуре глаголов αἶρω и ἀναίρειω представлены все фигурирующие на рис. 1 звенья и даже периферийное употребление в рамках значения (4а) – TO KILL. В других индоевропейских языках, как можно будет увидеть ниже, реализуются не все описанные переходы, а только некоторая их часть.

3.2. *Германские языки.* Семантическую параллель к рассмотренным на материале древнегреческого языка переходам можно обнаружить в германских языках. Так, в английском языке анализируемый переход представлен глаголом *to lift*, в семантике которого наблюдается полисемия TO TAKE UP → TO TAKE OFF → TO ABOLISH: *The lumber was lifted by crane* ‘Лес подняли на подъемном кране’, *She lifted her hand* ‘Она подняла руку’ – *He lifted the lid on the pot of soup* ‘Он снял крышку с кастрюли с супом’ – *to lift a restriction* ‘снять запрет’, *to lift an embargo* ‘снять эмбарго’, *to lift sanctions* ‘отменить санкции’¹⁶.

Другой английский глагол перемещения по вертикали – *to raise* – демонстрирует еще более узкую полисемию в рамках рассматриваемой цепочки: см. (1) *Raise your hand if you know the right answer* ‘Поднимите руку, если знаете правильный ответ’ и (4б) *raise a siege* ‘снять блокаду’, *raise an embargo* ‘снять эмбарго’¹⁷. В последнем случае представляется правомерным говорить скорее

¹⁴ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. 1958. Т. 1. С. 117.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Longman dictionary of contemporary English / Ed. by D. Summers. 4th ed. White Plains, N. Y.: Longman, 2003. P. 933.

¹⁷ Ibid. P. 1353.

о лексической, чем о семантической сочетаемости глагола, однако сам факт наличия значения *TO ABOLISH* у глагола *to raise* очевиден.

Таким образом, в английском языке цепочка значений, представленная на рис. 1, сокращается за счет пропуска звена (3) или обоих срединных звеньев – (2) и (3) – и конкретного значения на последнем этапе деривации (4а). Характерный для германских языков редуцированный вариант цепочки можно представить с помощью следующей модификации исходной схемы:

Рис. 2. Схема цепочки переходов *TO TAKE UP* – *TO ABOLISH* в германских языках

Очевидно, что смена класса Пациенса и метафоризация конкретного значения происходят не на третьем, а на втором или даже на первом шаге деривации: можно предположить, что в этом случае отмена постановления концептуализируется не как удаление предмета из надделенного объемом пространства, а как снятие его с той поверхности, на которой он ранее находился, или поднятие с нее. Таким образом, ситуация отмены как «снятия» или «поднятия» понимается как обратная ситуации принятия-«наложения» (ср. рус. *наложить/снять санкции*, *наложить/снять запрет*) какого бы то ни было ограничивающего постановления или указа.

Так, в парадигме значений полисемичного немецкого глагола *aufheben* обнаруживаются первое и последнее звенья рассматриваемой цепочки: *einen Stein aufheben* ‘поднять камень’, *die Hand aufheben* ‘поднять руку’; *ein Verbot aufheben* ‘отменить запрет’, *die Verlobung aufheben* ‘расторгнуть помолвку’¹⁸.

Присущая этому глаголу модель полисемии характерна также для целого ряда германских когнатов. Так, нидерландский глагол *opheffen* демонстрирует аналогичную реализацию рассматриваемой цепочки: см. *iets van de grond opheffen* ‘поднять что-л. с земли’, *de handen opheffen* ‘поднять руку’; *een wet opheffen* ‘отменить действие закона’, *straf opheffen* ‘отменить наказание’¹⁹.

¹⁸ Duden Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. G. Drosdowski. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1983. P. 113–114.

¹⁹ Van Dale Groot woordenboek der Nederlandse taal / Hrsg. C.A. Den Boon, D. Geeraerts. Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1961. P. 1397.

Схожим образом этот переход реализуется и в северогерманских языках, где, возможно, имело место калькирование немецкой модели семантической деривации. В пользу гипотезы о влиянии немецкой лексики на формирование значения скандинавских глаголов говорит и материал словарных статей: так, связь с немецким *aufheben* отмечается в словарях всех рассматриваемых северогерманских языков²⁰. В норвежском языке данный переход ярче всего представлен единственным значением достаточно частотного моносемичного (и, соответственно, не способного выражать какое-либо другое из рассматриваемых значений) глагола *oppheve* – префиксального деривата глагола *heve* TO TAKE UP. Значение TO ABOLISH у глагола *oppheve* может быть проиллюстрировано следующими примерами: *oppheve en lov* ‘отменить действие закона’, *oppheve en kontrakt* ‘разорвать контракт’, *stotteordningen skal oppheves* ‘меры по поддержке нужно отменить’²¹. То же значение реализуется в северогерманских когнатах: дат. *ophæve (ophæve forbuddet* ‘снять запрет’, *ophæve sanktionerne* ‘отменить санкции’)²² и шв. *upphäva (upphäva beslutet* ‘отменить решение’, *upphäva domen* ‘отменить приговор’)²³.

Существенно, однако, что тип реализации перехода TO TAKE UP → TO ABOLISH, представленный этими тремя глаголами, отличается от того, который наблюдается в немецком языке: скандинавские приставочные глаголы реализуют обсуждаемый семантический переход в форме морфологической деривации²⁴ типа *heve* → *oppheve*, *hæve* →

²⁰ Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <https://www.ordbok.uib.no> (дата обращения 04.02.2022); Den Danske Orbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://www.ordnet.dk/ddo/forside> (дата обращения 04.02.2022). Svenska Akademiens Ordböcker. Svenska Akademien; URL: <https://svenska.se> (дата обращения 04.02.2022).

²¹ Все норвежские примеры здесь и далее взяты из словаря: Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <https://www.ordbok.uib.no> (дата обращения 04.02.2022).

²² Все датские примеры здесь и далее взяты из словаря: Den Danske Orbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://www.ordnet.dk/ddo/forside> (дата обращения 04.02.2022).

²³ Все шведские примеры здесь и далее взяты из словаря: Svenska Akademiens Ordböcker. Svenska Akademien. URL: <https://svenska.se> (дата обращения 04.02.2022).

²⁴ О типе реализации семантического перехода «морфологическая деривация» см. [Зализняк 2013б, с. 33–34].

ophæve, *håva* → *upphåva*²⁵, поскольку все они, в отличие от нем. *aufheben* и нидерл. *opheffen*, не функционируют как глаголы физического перемещения. В то же время прозрачная внутренняя форма скандинавских глаголов, в которых приставка со значением 'вверх' дублирует значение корня, представленного в непроизводных лексемах со значением пространственного перемещения, позволяет усмотреть в этом случае тот же механизм деривации, который лежит в основе реализации перехода TO TAKE UP → TO ABOLISH в немецком языке.

При этом непроизводные глаголы норв. *heve*, дат. *hæve*, шв. *håva*, от которых образованы рассмотренные выше префиксальные дериваты, сами являются реализациями этого перехода в форме синхронной полисемии: см. норв. *heve armen* 'поднять руку', *heve glasset* 'поднять стакан' → *heve forlovelsen* 'разорвать помолвку', *heve en kontrakt* 'разорвать контракт'; дат. *hæve et glas* 'поднять стакан' → *hæve forlovelsen* 'разорвать помолвку'; шв. *hon håvde upp packningen på axlarna* 'она подняла сумку на плечи' → *håva ett avtal* 'разорвать договор', *håva ett köp* 'отменить покупку'. Здесь уже нельзя говорить о кальке, поскольку в немецком и нидерландском языках рассматриваемый семантический переход представлен полисемией только соответствующих префиксальных глаголов. Как представляется, два типа реализации этого перехода в северогерманских языках – морфологическая деривация, основанная на калькировании, и полисемия в семантической структуре одной лексемы – взаимно подкрепляют друг друга и демонстрируют когнитивную значимость рассматриваемого случая семантической деривации.

3.3. *Романские языки.* Особенный интерес с точки зрения полисемии глаголов с исходным значением TO TAKE UP представляют романские языки, в которых обнаруживаются реализации различных переходов, составляющих исследуемую цепочку. Так, во французском языке некоторые из рассматриваемых значений обнаруживаются в семантике непроизводного глагола *lever* и его префиксального деривата *enlever*.

Ориентируясь на примеры, приведенные в статье, посвященной глаголу *lever* в словаре TLFi, можно выделить в парадигме его значений три звена из рассматриваемой цепочки: (1) TO TAKE UP (*lever un fardeau* 'поднять груз', *lever les rames* 'поднять весла',

²⁵ Роль нижненемецкого влияния в образовании этих префиксальных дериватов отмечается, например, в статье, посвященной глаголу *oppheve*: Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <https://www.ordbok.uib.no> (дата обращения 04.02.2022).

lever l'étendard 'поднять знамя') – (2) TO TAKE OFF (*lever le couvercle de la soupière* 'снять крышку с супницы', *lever le masque* 'снять маску') – (4б) TO ABOLISH (*lever le décret* 'отменить указ', *lever l'interdit* 'отменить запрет', *lever la sentence* 'отменить приговор')²⁶. Таким образом, эта реализация исследуемого перехода по своей структуре сближается с моделями семантического развития, обнаруженными в германских языках, и, вероятно, имеет своей основой тот же способ концептуализации денотативной ситуации.

Исследуемая цепочка переходов реализовалась в глаголе *lever* уже на раннем этапе истории языка, что отражено в статье, посвященной этой лексеме в Словаре среднефранцузского языка (DMF)²⁷. Так, в ней наряду с базовым значением TO TAKE UP (ср. *lever estendart* 'поднять знамя') отмечается значение TO TAKE AWAY (*enlever, ôter, retirer* qqc.), иллюстрируемое примером из романа А. де ла Саля «Маленький Жан из Сантре» XV в.: *sans plus attendre ne lever aucune chose dessus les tables* 'больше ничего не дожидаясь и ничего не убирая со стола'.

Другое звено рассматриваемой цепочки, реализующееся в парадигме лексем среднефранцузского *lever*, – 'прекратить что-л., положить чему-л. конец' (*faire cesser* qqc., *mettre fin à* qqc.). Это значение, судя по всему, соответствует последнему шагу деривации (4б) TO ABOLISH, поскольку валентность Пациенса в приводимых в этом словаре иллюстративных примерах заполняется обозначением того или иного постановления о конфискации или займе, ср. пример из «Истории муниципального права» XV в.: *nous leverons nostre dicte main mise* 'мы отменим нашу конфискацию'.

Однако в современном французском языке не прямые значения глагола *lever* реализуются реже, чем у его префиксального деривата *enlever*. Исторически первому значению глагола *enlever* соответствует семантический ярлык (1) TO TAKE UP (ср. *Le ballon enlève la nacelle* 'Воздушный шар поднимает гондолу', *les palans enlèvent les fardeaux* 'тали поднимают грузы', *enlever un enfant dans ses bras* 'поднять ребенка на руках'). Однако в современном языке эта лексема чаще употребляется в значении (2) TO TAKE OFF (ср. *enlever le couvercle d'une casserole* 'снять крышку с кастрюли', *enlever son chapeau* 'снять шляпу'). Кроме того, глагол *enlever* способен выра-

²⁶ Все примеры из современного французского языка взяты из словаря: Trésor de la langue Française informatisé. ATILF / CNRS – Université de Lorraine. URL <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (дата обращения 04.02.2022).

²⁷ Dictionnaire du Moyen Français (DMF). ATILF/Équipe "Moyen français et français préclassique". URL <http://www.atilf.fr/blmf> (дата обращения 04.02.2022).

жать значение (3) TO TAKE AWAY, ср. **enlever un échafaudage** ‘убирать строительные леса’, **enlever la poussière avec un balai** ‘убирать пыль веником’, **enlever le couvert** ‘убрать посуду’, **enlever l’appendice** ‘удалить аппендикс’, (4a) TO DESTROY, ср. **enlever un nom d’une liste** ‘убрать имя из списка’, **produit qui enlève les taches** ‘средство для удаления пятен’.

Несмотря на то что в статье, посвященной лексеме *enlever* в словаре TLFi, сочетания, приведенные выше как реализации значений (3) и (4a), указаны в качестве примеров к одному значению, называемые ими денотативные ситуации все же явно различны. Среди приведенных примеров можно выделить группу контекстов «слабого удаления», когда объект действия переносится из одного пространства в другое (*un échafaudage, le couvert*), и ряд контекстов «сильного удаления», когда предмет, над которым производится действие, перестает существовать в принципе (*un nom, les taches*), – см. об этом выше, в разделе 2. Как представляется, наличие в конструкции актанта начальной точки перемещения (например, **enlever le nom d’une liste**) свидетельствует о том, что описываемая ситуация концептуализируется в языке не как полное уничтожение предмета, а как его устранение из того пространства, где он первоначально находился. Незаполненность этой валентности (ср. *produit qui enlève les taches*) с высокой степенью вероятности свидетельствует о семантике уничтожения, т. е. о реализации последнего звена рассматриваемой цепочки.

Глагол *enlever* был способен выражать некоторые из перечисленных выше значений уже в среднефранцузском языке. Так, в словаре DMF приводятся такие его значения, как ‘унести что-л. (откуда-либо); отделить, снять что-л.’ (*emporter qqc. (de qq. part); détacher, enlever qqc.*) и ‘унести что-то с собой, вступить во владение чем-л.’ (*emporter qqc. avec soi, entrer en possession de qqc.*). Употребление *enlever* в значении (3) иллюстрируется примером из официального документа XV в.: *lesdiz Guerin et Quenault avoient cuilly et enlevé presque tout ledit blé* ‘вышеназванные Герен и Кено собрали и унесли почти всю указанную пшеницу’.

Вполне естественно, что реализацию значений (1), (2), (3) и (4б) можно наблюдать и в когнатах французского *lever* в других романских языках: итальянский *levare* (ср. **levare le mani** ‘поднять руки’; **levare il cappello** ‘снять шляпу’; **levare un dente** ‘удалить зуб’; **levare una tassa** – ‘отменить налог’)²⁸, испанский *levantar* (**levantar el brazo** ‘поднять руку’; **levantar un cadáver** ‘унести труп’; **levantar la**

²⁸ Dizionario italiano, con sinonimi e contrari. Milano: Garzanti, 1998. P. 1210.

excomuni6n ‘отменить отлучение от церкви’) ²⁹. В словаре среднеиспанского языка ³⁰ отмечается также значение (3) ‘снять или унести вещь оттуда, где она находилась’, которое было присуще этому глаголу в XIV–XV вв. В этимологическом словаре итальянского языка ³¹ фиксируется значение (4а) ‘убить’, которое реализовалось в сочетаниях *levare di terra* ‘удалить с земли’ (пример XIV в.) или *levare dal mondo* ‘удалить из мира’ (пример начала XIX в.).

В современных испанском и итальянском языках эти звенья цепочки, судя по всему, не представлены. Кроме того, существенное различие между реализациями этого перехода во французском и в других романских языках заключается в том, что во французском языке он представлен в семантической структуре двух лексем – непроизводного глагола *lever* и его префиксального деривата *enlever*, – тогда как в итальянском и испанском все значения сосуществуют в одном, бесприставочном, глаголе, не имеющем приставочных производных.

Отдельно следует отметить второй случай реализации анализируемой цепочки в итальянском языке – глагол *togliere*, в котором с большей или меньшей степенью узуальности и частотности представлены все значения, составляющие цепочку, кроме (1) *TO TAKE UP*, см. (2) *togliere un tegame dal fornello* ‘снять сковороду с плиты’, (3) *togliersi un dente* ‘удалить (себе) зуб’, (4а) *togliere* ‘убить’ и *togliere un ostacolo* ‘устранить препятствие’, (4б) *togliere un incarico* ‘отменить поручение’ (Dizionario italiano... Р. 2346). Как и в случае с английскими глаголами *to lift* и *to raise*, существование в языке двух непроизводных друг от друга глаголов, в семантике которых реализуется несколько звеньев цепочки переходов, свидетельствует о ее высокой продуктивности и важности для концептуализации мира человеком.

3.4. *Латинский язык*. Материал словарных статей ³² позволяет заключить, что совмещение в семантической парадигме одного

²⁹ Diccionario general ilustrado de la lengua española / Ed. R.M. Pidal, S.G. Gaya, M.A. Ezquerro. Bibliograf S.A., 1987. P. 657.

³⁰ Alonso M. Diccionario medieval español. Salamanca: Universidad Pontificia de Salamanca, 1986. P. 1305.

³¹ Cortelazzo M., Zolli P. Dizionario etimologico della lingua italiana. Bologna: Zanichelli Editore, 1983. P. 868.

³² См., например: Lewis Ch.T., Short Ch. A Latin dictionary founded on Andrews' edition of Freund's Latin Dictionary. Oxford: Oxford Univ. Press, 1956. P. 1055; Glare P.G.W. Oxford Latin dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 1021.

слова идеи перемещения вверх (1) и значения, близкого к (4б), наблюдается и в самом латинском языке – в глаголе *levo*, от которого произошли все вышеназванные романские лексемы, за исключением глагола *togliere*. Однако следует отметить, что путь семантической эволюции *levo* демонстрирует схему развития значений, отличную от той, которая предлагалась выше, – в первую очередь потому, что значение физического перемещения не является для него исходным. Этот глагол представляет собой дериват от прилагательного *levis* ‘легкий’, и соответственно его первое значение (существенно, что оно также указывается первым в словарях) – то RELIEVE (‘облегчить, смягчить, ослабить’): ср. *molestias levare* ‘облегчить душевные муки’³³. Значения TO TAKE OFF и производное от него TO TAKE UP (ср. *furca levat ille bicorni sordida terga suis nigro pendentia tigno* Ovid. Met. ‘он снял двузубой вилкой копченое мясо, которое висело на черной балке’; *levavit ad caelum palmas* Stat. Theb. ‘он воздел руки к небу’), в свою очередь, должны рассматриваться как производные от TO RELIEVE. В частности, такая точка зрения изложена в историческом словаре французского языка³⁴, где в качестве первого значения лат. *levo* указывается ‘сделать легким’ (*rendre léger*), а далее развитие его значений описывается согласно следующей схеме: ‘to relieve’ (*soulager*) → ‘похитить’ (*dérober*) → ‘поднять, возвысить’ (*soulever, élever*).

Кроме того, у глагола *levo* отмечается также подзначение, которое в рамках предложенной выше схемы сближается с TO ABOLISH³⁵: ср. *suspicionem levare* ‘снять подозрение’ (иными словами, «отменить» его, «уничтожить» в смысле [4б]). Сходная идея выражается и в приводимых в словаре сочетаниях *morbum levare* ‘излечить от болезни’, *inopiam multum levare* ‘избавить от нужды’, также называющих устранение исходной ситуации³⁶. Несмотря на то что приведенные примеры невозможно квалифицировать как случаи употребления глагола в значении (4б) хотя бы в связи с принципиальным различием в таксономическом классе Пациенса, нельзя все же не отметить некоторую близость между последним

³³ Все примеры из латинского языка взяты из словаря: *Lewis Ch.T., Short Ch. A Latin dictionary founded on Andrews' edition of Freund's Latin Dictionary*. P. 1055.

³⁴ *Dictionnaire historique de la langue française* / Ed. par A. Rey. P.: Le Robert, 2011. P. 1195.

³⁵ Примеры см.: *Lewis Ch.T., Short Ch. A Latin dictionary founded on Andrews' edition of Freund's Latin Dictionary*. P. 1055.

³⁶ Характерно, что такое значение свойственно и современному итальянскому *levare*, см. *levarsi la fame, la sete* ‘утолить голод, жажду’.

звеном исследуемой цепочки переходов и значением *TO DELIVER FROM*. Действительно, в соответствующих контекстах речь идет о том, что некоторое положение вещей (подозрения в чей-либо адрес, болезнь, нужда) устраняется, перестает существовать – в определенном смысле так же, как прекращается действие официального документа в значении (46).

Характерно при этом, что в словарях наряду с вышеперечисленными сочетаниями приводится также ряд примеров, в которых актант, называющий исходное положение вещей, имеет форму не аккузатива (т. е. прямого объекта), а аблатива, тогда как в позиции прямого объекта оказывается другой участник ситуации – тот, чье положение облегчается (ср. *metu levare aliquem* ‘избавить кого-л. от страха’, *miseriis levare aliquem* ‘избавить кого-л. от бед’). Синтаксическое оформление этих сочетаний свидетельствует о том, что значение *TO DELIVER FROM* изначально находит выражение в конструкции, в которой подчеркивается идея облегчения положения *Y* – одного из трех основных участников ситуации, того «пространства» или предмета, с которого, если переосмыслить ситуацию в терминах пространственного перемещения, субъект *Z* «снимает», «убирает» предмет *X* (в тех языках, где значение (46) мотивировано одним из значений [1]–[3]). Связь с исходным значением *levo* как производного от *levis* в этом случае оказывается прозрачной: действительно, именно положение *Y* в такой ситуации становится более легким.

Одновременно с этим связь между значением *TO DELIVER FROM* и значениями (1) и (2) в семантической парадигме латинской лексики явно отличается от представленных на схеме взаимоотношений между значениями (1) и (2), с одной стороны, и (46) – с другой. Очевидно, что в семантической структуре латинского глагола значения (1) и (2) сами являются производными от *TO RELIEVE* (в соответствии со схемой *TO RELIEVE* → *TO TAKE OFF* → *TO TAKE UP*, где (1) и (2) меняются местами) и уже не могут рассматриваться как основа для развития значения (46). Эту модель семантического развития можно проиллюстрировать с помощью следующей схемы:

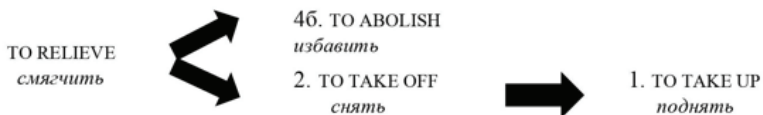

Рис. 3. Развитие значений лат. глагола *levo*

Таким образом, несмотря на набор семантических валентностей, тождественный тому, который можно наблюдать у однокоренных глаголов в современных романских языках, в латинской лексеме изначально реализуется другая диатеза. Различие в распределении ролей между участниками отражает различные способы концептуализации ситуации «отмены» как конечной точки того или иного пути семантического развития слова: так, в истории лат. *levo* реализуется модель переноса фокуса с «облегчаемого» объекта Y на удаляемый объект X, который впоследствии концептуализируется как нежелательная ситуация. Позже, однако, диатеза изменяется, и в синтаксической функции прямого объекта начинает выступать имя устраняемой ситуации (как в сочетаниях *suspicionem, morbum, inopiam levare*). Это позволяет сблизить употребление латинской лексемы с функционированием произошедших от нее романских глаголов, несмотря на то что модель развития соответствующих значений в современных языках была, по всей видимости, принципиально иной.

Итак, соотношение между значениями, представленными в рассматриваемой цепочке переходов, является различным в современных романских языках и в языке-предке. В семантической парадигме латинского глагола *levo*, имеющего первичное значение 'сделать легким', независимо друг от друга развиваются и сосуществуют в рамках радиальной полисемии (а не цепочечной – как в предложенной выше схеме) производные значения, с одной стороны, (1) TO TAKE UP и (2) TO TAKE OFF (см. иллюстрирующие эти значения примеры выше) – и, с другой, TO DELIVER FROM, близкое к (4б) TO ABOLISH, между которыми не наблюдаются отношения деривации вида (1) → (2) → (4б). В романских языках исходное значение корня не сохраняется (основы соответствующих прилагательных оформлены иначе: фр. *léger*, исп. *ligero*, ит. *leggero*), а бывшее производное (1) становится основным и исходным по отношению к (4б). Это подтверждается также фактом существования в других языках перехода TO TAKE UP → TO ABOLISH, представленного неродственными *levo* лексемами (см. выше, в разделах 1 и 2, и ниже, в разделе 4).

4. Заключение

Таким образом, рассмотренный языковой материал в целом подтверждает исходную гипотезу о когнитивном механизме цепочки переходов TO TAKE UP → TO ABOLISH как о последовательном движении от конкретного значения перемещения вверх к более абстрактному значению отмены действия документа, постановле-

ния или решения. Семантическое развитие слова в ряде языков проходит несколько промежуточных стадий в области конкретных значений, где дистанция между исходной поверхностью, на которой находился удаляемый объект, и самим объектом постепенно увеличивается. В то же время в других языках представлены не все переходы, составляющие цепочку, а только один или два из них: (1) → (4б) или (1) → (2) → (4б).

Отдельного внимания заслуживают также данные латинского и романских языков, которые внесли существенные коррективы в изначальную гипотезу. Языковой материал позволяет заключить, что предложенная схема семантической деривации реализуется в лексемах современных романских языков, но не в латинском глаголе *levo*, от которого они все происходят. Латинская лексема также способна выражать значения (1), (2) и (4б), однако соотношение между ними представляется иным: они не формируют единую цепочку, являясь семантическими дериватами от одного исходного значения и, следовательно, элементами радиальной структуры.

В заключение следует упомянуть также лексемы других языков, в которых многозначность развивается в соответствии с рассмотренными моделями семантического развития. Так, в русском языке обнаруживается цепочка переходов TO TAKE OFF → TO TAKE AWAY → TO ABOLISH (ср. *снять*: **снять пальто с вешалки** → **снять скатерть со стола**, **снять урожай** → **снять судимость**, **снять выговор**)³⁷, в ирландском – TO TAKE UP → TO TAKE AWAY (ср. *tóg: cloch a thógáil* ‘поднять камень’, *ciseán a thógáil* ‘поднять корзину’ – *tóg na gréibhlí sin* ‘убери эти безделушки’, *an bord a thógáil* ‘убрать со стола)³⁸.

Интересно отметить также аналогичное явление в турецком языке. Так, турецкий глагол *kaldırmak* имеет исходное значение (1) TO TAKE UP (*başını kaldırmak* ‘поднимать голову’) и переносные (3) TO TAKE AWAY ‘уводить, увозить, уносить’; ‘отправлять’ (*çadır kaldırmak* ‘разобрать палатку’, *ekinleri kaldırmak* ‘убрать посевы’); (4б) TO ABOLISH ‘уничтожать, устранять, отменять’; ‘ликвидировать’; ‘смещать’ (*ablukayı kaldırmak* ‘снять блокаду’; *askerî üsleri kaldırmak* ‘ликвидировать военные базы’)³⁹. Страдательный безличный

³⁷ Словарь русского языка / Ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1998. Т. 3. С. 167–168.

³⁸ O’Dónaill N. Foclóir Gaeilge-Bearla. Baile Atha Cliath: An Gum, 1992. P. 1245–1246.

³⁹ Большой турецко-русский словарь / Ред. А.Н. Баскаков и др. М.: Живой язык, 2006. С. 499–500.

глагол *kaldırılmak*, производный от него, имеет значение ‘быть отмененным, упраздненным’ (*izinler kaldırıldı* ‘отпуска отменены’)⁴⁰. У турецкого глагола *çıkarmak* развитие значений, судя по расположению материала в словарной статье, происходило следующим образом: ‘выводить, вынимать, вытаскивать, выхватывать’ → ‘снимать (одежду)’ → ‘снимать, выводить, устранять, удалять’ (например, *elbiseden lekeyi çıkarmak* ‘выводить пятна с одежды’)⁴¹. Вполне вероятно, что реализации этого перехода могут быть обнаружены также и в других языках.

Приложение 1

Таблица распределения значений, составляющих цепочку переходов ‘TO TAKE UP’ → ‘TO ABOLISH’, в рассмотренных языках

Язык	Лексема	(1)	(2)	(3)	(4a)	(4b)
греческий	αἶρω	+	+	+	+	+
греческий	ἀναρῶ	+	+	+	+	+
английский	to lift	+	+			+
английский	to raise	+				+
немецкий	aufheben	+				+
нидерландский	opheffen	+				+
норвежский	oppeve					+
норвежский	heve	+				+
датский	ophæve					+
датский	hæve	+				+
шведский	upphäva					+
шведский	häva	+				+
французский	lever	+	+	(+) ⁴²		+
французский	enlever	+	+	+	+	
испанский	levantar	+				+
итальянский	levare	+	+	+		+

⁴⁰ Там же. С. 499.

⁴¹ Там же. С. 191.

⁴² Зафиксировано в среднефранцузском языке.

Окончание табл.

Язык	Лексема	(1)	(2)	(3)	(4a)	(4б)
итальянский	togliere		+	+	+	+
латинский	levo	+	+			+
русский	снять		+	+		+
ирландский	tóg	+		+		
турецкий	kaldırmak	+		+		+
турецкий	çıkarmak		+	+		

Литература

- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
- Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
- Гак 1998 – *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 763 с.
- Зализняк 2001 – *Зализняк А.А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
- Зализняк 2013а – *Зализняк А.А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.
- Зализняк 2013б – *Зализняк А.А.* Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 635 с.
- Кустова 2000 – *Кустова Г.И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
- Кустова 2004 – *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- Майсак, Рахилина 1999 – *Майсак Т.А., Рахилина Е.В.* Семантика и статистика: глагол идти на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка: Языки динамического мира / Ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 53–66.
- Падучева 2000 – *Падучева Е.В.* О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковник. 2000. С. 395–417.
- Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.

- Плунгян 2001 – *Плунгян В.А.* Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 95–124.
- Рахилина 2010 – *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010. 446 с.
- Розина 1999 – *Розина Р.И.* Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Сб. в честь Г.О. Винокура / Ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова. М.: Научный мир, 1999. С. 161–172.
- Розина 2005 – *Розина Р.И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М.: Азбуковник, 2005. 301 с.
- Ченки 1997 – *Ченки А.* Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной когнитивной лингвистики / Ред. И.А. Секерин. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 340–369.
- Шмелев 2008 – *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 278 с.
- Evans 1992 – *Evans N.* Multiple semiotic systems, hyperpolysemy, and the reconstruction of semantic change in Australian languages // Diachrony within synchrony: language history and cognition; papers from the International Symposium at the University of Duisburg 26–28 March 1990 / Ed. by G. Kellerman, M.D. Morrissey. Frankfurt a/M., 1992. P. 475–508.
- François 2008 – *François A.* Semantic maps and the typology of colexification: intertwining polysemous networks across languages // From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations / Ed. by M. Vanhove. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 163–216.
- Juvonen, Koptievskaya-Tamm 2016 – The lexical typology of semantic shifts / Ed. by P. Juvonen, M. Koptievskaya-Tamm. Berlin; N. Y.: Mouton De Gruyter, 2016. 600 p.
- Koch 2000 – *Koch P.* Pour une approche cognitive du changement sémantique lexical: aspect onomasiologique // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Nouvelle série, T. 9. Théories contemporaines du changement sémantique. Leuven: Peeters, 2000. P. 75–95.
- Koch 2008 – *Koch P.* Cognitive onomasiology and lexical change: Around the eye // From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations / Ed. by M. Vanhove. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 107–138.
- List et al. 2018 – *List J.-M., Anderson C., Greenhill S.J., Mayer Th., Tresoldi T. and Forkel R.* CLICS2: an improved database of cross-linguistic colexifications assembling lexical data with help of cross-linguistic data formats // Linguistic typology. 2018. Vol. 22. P. 277–306.
- Pauly 2012 – *Pauly É.* La polysémie. P.: L'Harmattan, 2012. 417 p.
- Riemer 2005 – *Riemer N.* The semantics of polysemy. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2005. 503 p.
- Stolova 2015 – *Stolova N.I.* Cognitive linguistics and lexical change. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015. 261 p.

- Viberg 2002 – *Viberg Å.* Polysemy and disambiguation cues across languages. The case of Swedish få and English get // *Lexis in contrast* / Ed. by B. Altenberg, S. Granger. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 119–150.
- Waltereit 1999 – *Waltereit R.* Grammatical constraints on metonymy: on the role of the direct object // *Metonymy in language and thought* / Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 233–255.
- Wilkins 1996 – *Wilkins D.* Natural tendencies of semantic change and the search for cognates // *The comparative method reviewed: regularity and irregularity in language change* / Ed. by M. Durie, M. Ross. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1996. P. 579–655.
- Zalizniak 2018 – *Zalizniak A.A.* The catalogue of semantic shifts: 20 years later // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22. No. 4. P. 770–786.
- Zalizniak et al. 2012 – *Zalizniak A.A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M.* The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *New directions in lexical typology. A special issue of linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 633–669.

References

- Apresyan, Yu.D. (1995), *Izbrannyye trudy, t. 1: Leksicheskaya semantika* [Selected works, vol. 1, Lexical semantics], Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, Moscow, Russia.
- Benveniste, É. (1974), *Obshchaya lingvistika* [General linguistics], Progress, Moscow, Russia.
- Cienki, A. (1997), “Semantika v kognitivnoi lingvistike” [Semantics in cognitive linguistics], in Sekerin, I.A. (ed.), *Fundamental'nyye napravleniya sovremennoi kognitivnoi lingvistiki*, Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia, pp. 340–369.
- Evans, N. (1992), “Multiple semiotic systems, hyperpolysemy, and the reconstruction of semantic change in Australian languages”, *Diachrony within Synchrony: Language History and Cognition; papers from the International Symposium at the University of Duisburg 26–28 March 1990*, Frankfurt a/M., Germany, pp. 475–508.
- François, A. (2008), “Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages”, in Vanhove, M. (ed.), *From Polysemy to Semantic Change. Towards a typology of lexical semantic associations*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, pp. 163–216.
- Gak, V.G. (1998), *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language transformations], Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, Moscow, Russia.
- Juvonen, P. and Koptievskaya-Tamm, M. (ed.) (2016), *The lexical typology of semantic shifts*, Mouton De Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA.
- Koch, P. (2000), “Pour une approche cognitive du changement sémantique lexical: aspect onomasiologique”, in Société de linguistique de Paris (éd.), *Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Nouvelle série, t. 9, Théories contemporaines du changement sémantique*, Peeters, Leuven, Netherlands, pp. 75–95.

- Koch, P. (2008) "Cognitive onomasiology and lexical change: Around the eye", in Vanhove, M. (ed.), *From Polysemy to Semantic Change. Towards a typology of lexical semantic associations*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, pp. 107–138.
- List, J.-M., Anderson, C., Greenhill, S.J., Mayer Th., Tresoldi, T. and Forkel, R. (2018), "CLICS2: An Improved Database of Cross-Linguistic Colexifications Assembling Lexical Data with Help of Cross-Linguistic Data Formats", *Linguistic typology*, vol. 22, pp. 277–306.
- Kustova, G.I. (2000), "Cognitive models in semantic derivation and the system of derivative meanings", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 85–109.
- Kustova, G.I. (2004), *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of language extension], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Maysak, T.A. and Rakhilina, E.V. (1999), "Semantics and statistics: the verb идти compared to other verbs of movement", in Arutyunova, N.D. and Shatunovskii, I.B. (ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira* [The logical analysis of language. Languages of a dynamic world], Mezhdunarodnyi universitet prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna", Dubna, Russia, pp. 53–66.
- Paducheva, E.V. (2000), "On semantic derivation: the word as a paradigm of lexemes", *Russkii yazyk segodnya*, vol. 1, pp. 395–417.
- Paducheva, E.V. (2004), *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Pauly, É. (2012), *La polysémie*, L'Harmattan, Paris, France.
- Plungyan, V.A. (2001), "The prefix под- in the Russian language: for a description of a semantic network", *Moscow Journal of Linguistics*, vol. 5, no. 1, pp. 95–124.
- Rakhilina, E.V. (2010), *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [A cognitive analysis of object nouns: semantics and compatibility], Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik", Moscow, Russia.
- Riemer, N. (2005), *The semantics of polysemy*, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA.
- Rozina, R.I. (1999), "Conceptual structures and language rules of generation of meanings: verbs of downward movement", in Gindin, S.I. and Rozanova, N.N. (ed.), *Yazyk. Kul'tura. Gumanitarnoye znaniye. Sbornik v chest' G.O. Vinokura* [Language. Culture. Humanities. Papers in the honour of G.O. Vinokur], Nauchnyi mir, Moscow, Russia, pp. 161–172.
- Rozina, R.I. (2005), *Semanticheskoye razvitiye slova v russkom literaturnom yazyke i sovremennom slenge: glagol* [Semantic development of the word in the Russian literary language and in modern slang: the verb], Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik", Moscow, Russia.
- Shmelev, D.N. (2008), *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of the analysis of lexical semantics], Izdatel'stvo LKI, Moscow, Russia.
- Stolova, N.I. (2015), *Cognitive linguistics and lexical change*. John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA.

- Viberg, Å. (2002), "Polysemy and disambiguation cues across languages. The case of Swedish få and English get", in Altenberg, B. and Granger, S. (ed.), *Lexis in contrast*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, pp. 119–150.
- Waltereit, R. (1999), "Grammatical constraints on metonymy: on the role of the direct object", in Panther, K-U. and Radden, G. (ed.), *Metonymy in language and thought*, John Benjamins, Amsterdam, Netherland, pp. 233–255.
- Wilkins, D. (1996) "Natural tendencies of semantic change and the search for cognates", in Durie, M. and Ross, M. (ed.), *The comparative method reviewed: regularity and irregularity in language change*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 579–655.
- Zaliznyak, A.A. (2001), "Semantic derivation in synchrony and diachrony: the project of a 'Catalogue of semantic shifts' ", *Voprosy yazykoznavaniya*, no. 2, pp. 13–25.
- Zaliznyak, A.A. (2013), *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive* [Russian semantics in a typological perspective], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Zaliznyak, A.A. (2013), "Semantic shift as an object of typology", *Voprosy yazykoznavaniya*, no. 2, pp. 32–51.
- Zalizniak, A.A. (2018), "The catalogue of semantic shifts: 20 years later", *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 4, pp. 770–786.
- Zalizniak, A.A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T. and Russo, M. (2012), "The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology", in Koptyevskaya-Tamm, M. and Vanhove, M. (ed.), *New directions in lexical typology. A special issue of Linguistics*, vol. 50, no. 3, pp. 633–669.

Информация об авторе

Мария В. Орлова, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; mriaorlova@gmail.com

Information about the author

Mariia V. Orlova, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009; mriaorlova@gmail.com

Степень сохранности диалектных черт
у представителей разных поколений
(Хиславичский район Смоленской области)

Анастасия И. Рыко

*Университет Тарту, Тарту, Эстония,
anastasiia.ryko@ut.ee*

Маргарита В. Спиричева

*Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия, m.spiricheva@yandex.ru*

Аннотация. В современных говорах Хиславичского района Смоленской области наблюдаются как диалектные черты, так и характерные черты русского литературного языка, которые активно проникают в эти говоры в течение последних десятилетий. С помощью количественного метода, позволяющего устанавливать частотность диалектных различительных признаков в спонтанной речи носителей этих говоров, предпринимается попытка проследить динамику развития данных говоров. В исследовании устанавливается перечень релевантных диалектных различий, подсчитывается доля сохранности диалектных черт в семи идиолектах, создаются языковые профили этих идиолектов, представленные в виде радиальных диаграмм. На основании анализа языковых профилей определяются три степени сохранности диалекта, которые не зависят от принадлежности информантов к старшему или младшему поколению. Также отмечается, что сначала утрачиваются морфологические черты, затем – лексикализованные фонетические.

Ключевые слова: диалектология, русские говоры, русско-белорусское пограничье, идиолект, языковое профилирование, количественные методы

Для цитирования: Рыко А.И., Спиричева М.В. Степень сохранности диалектных черт у представителей разных поколений (Хиславичский район Смоленской области) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 121–141. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-121-141

The degree of preservation of dialectal features
in different generations
(Khislavichi district of the Smolensk region)

Anastasiya I. Ryko

University of Tartu, Tartu, Estonia, anastasiia.ryko@ut.ee

Margarita S. Spiricheva

*Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint-Petersburg, Russia,
m.spiricheva@yandex.ru*

Abstract. In the modern dialect of the Khislavichsky district of the Smolensk region, both dialectal features and features of the Russian standard language are observed, the latter actively permeating the dialectal speech over the past decades. We attempt to trace the dynamics of the development of this dialect with the help of quantitative methods which make it possible to establish the frequency of distinctive dialectal features in the spontaneous speech of individual speakers. The study establishes a list of relevant dialectal differences, calculates the proportion of dialectal features in seven idiolects, and creates linguistic profiles of these idiolects presented in the form of radial diagrams. Based on the analysis of these linguistic profiles, three degrees of preservation of the dialect are established, which do not depend on whether the informants belong to the older or younger generation. It is also noted that morphological features are lost first, followed by lexicalized phonological ones.

Keywords: dialectology, Russian dialects, Russian-Belarusian borderlands, idiolect, linguistic profiling, quantitative methods

For citation: Ryko, A.I. and Spiricheva, M.V. (2022), "The degree of preservation of dialectal features in different generations (Khislavichi district of the Smolensk region)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 121–141, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-121-141

1. Введение

Хиславичский район Смоленской области (как и другие территории русско-белорусского пограничья) характеризуется специфической языковой ситуацией. В начале XX в. эта территория административно принадлежала к Мстиславскому уезду Могилевской области, а говоры данной местности описывались как северо-восточные говоры белорусского языка (см.: Карский 1903, карта; Дурново, Соколов, Ушаков 1915, карта). С 1924 г. эта тер-

ритория вошла в состав Смоленской области. В настоящее время данные говоры описываются как часть западной группы говоров южнорусского наречия [Захарова, Орлова 2004, с. 33–35]. Отнесение этих говоров к русскому языку обосновывается в том числе и перспективами существования диалектных черт: считается, что диалектные особенности, чуждые стандартному русскому языку, являются исчезающими [Захарова, Орлова 2004, с. 33–35].

Вопрос о степени лингвистических изменений в современных говорах, распространенных на территории Хиславичского района Смоленской области, остается открытым. Таким образом, исследование этих говоров является актуальным.

Как правило, в работах, посвященных анализу утраты диалектных черт [Daniel, von Waldenfels, Kazakova etc. 2019; Kochetov 2006; Дьяченко, Малышева, Тер-Аванесова 2018; Ерофеева 2005; Казакова, Добрушина, Даниэль 2016] анализируется система говора в целом. В настоящей работе предпринимается попытка описать изменения в *идиолектах* информантов разных поколений.

Как показывает полевой материал, собранный в 2018–2019 гг., в говоре западной части Хиславичского района диалектные черты присутствуют не только у старшего поколения его носителей (информанты 1930–1940-х гг. рождения), но в какой-то степени и у более молодых информантов (1950–1960-х гг. рождения).

Нас интересует зависимость степени сохранности диалектных черт от возраста и уровня образования информантов. Кроме того, мы попытаемся проследить, какие черты утрачиваются в первую очередь, а какие сохраняются дольше. В статье описывается методология построения языкового профиля информанта, характеризуется материал, анализируются построенные языковые профили.

2. Методология

2.1. *Описание метода.* При описании идиолектов носителей этих говоров применялась методика языкового профилирования носителя диалекта, предложенная в [Конёр, Макарова, Соболев 2019], которая предполагает установление количественного соотношения соотносительных вариантов, принадлежащих разным «стандартным» идиомам. Для профилирования сначала устанавливаются релевантные элементы структуры сербского языка, которые выступают в разных соотносительных вариантах в сопоставляемых новоштокавских и тимокских говорах, затем рассматривается количественное соотношение этих вариантов в идиолекте конкретного информанта, носителя «нестандартизированного» идиома. При

этом результаты визуализируются в виде радиальных диаграмм [Конёр, Макарова, Соболев 2019, с. 28–29]. Используя этот метод, можно описывать не только близость «нестандартизированных» идиомов к тому или иному литературному языку, но и оценивать степень сохранности диалектных черт в речи конкретных носителей говора, подсчитав количество «стандартных» и диалектных реализаций в их речи.

Для применения количественных методов при описании конкретных идиолектов и языкового профилирования носителей пограничных русско-белорусских говоров Хиславичского района нами был составлен перечень «релевантных» диалектных различий для данного региона. Предварительный перечень был составлен с опорой на описания этих говоров в предшествующей литературе (см.: ДАРЯ I, ДАРЯ II, ДАБМ, [Авансаў 1964], [Захарова, Орлова 2004]) и с учетом записей современного состояния говоров русско-белорусского пограничья. В данной статье предпринимается попытка количественной оценки встречаемости этих черт в конкретных идиолектах на основании сплошной выборки, что позволяет проследить динамику развития диалекта, оценить степень сохранности отдельных диалектных черт у конкретных информантов.

При выборе той или иной черты для дальнейших подсчетов и анализа мы ориентировались на следующие принципы: 1) наличие позиционно не обусловленной вариативности; 2) возможность представить критерий в виде бинарной оппозиции; 3) частотность: в записях речи большинства информантов эти позиции представлены достаточно большим количеством примеров, причем наблюдается ярко выраженная вариативность «стандартной» и диалектной реализации. Большая часть рассматриваемых диалектных черт характерна для северо-восточных белорусских говоров, а на территории русских говоров отмечаются главным образом в пограничной зоне.

В основном это фонетические и морфологические особенности (например, рефлексy напряженных редуцированных в формах им. п. ед. ч. прил. муж. р. *-ый, -эй* под ударением, произношение долгих согласных в соответствии сочетаниями согласных с [j] <свиння>), а также лексические единицы – некоторые союзы и частицы, которые можно рассматривать как грамматические показатели (частица *ти*, союз *як*).

Было подсчитано количество диалектных и «стандартных» (соответствующих литературной норме) вариантов и определена доля диалектных реализаций (которую мы условно выражали в процентах). Например, если у информанта в им. пад. личного местоимения 3-го л. окончание *-ы (яны́/аны́)* встретилось 192 раза,

окончание *-и* в той же форме (*ани́*) – 6 раз, сохранность диалектной черты в данном случае составляет 97%.

2.2. Критерии отбора диалектных черт

2.2.1. Черты, не учитывающиеся при построении языкового профиля. При подсчетах не учитывались некоторые диалектные черты, которые встречаются в большом количестве слов, но при этом имеют слабо выраженную вариативность (на эти черты мы ориентировались при выборе информантов, поскольку они позволяли идентифицировать человека как носителя диалекта), а также черты, вариативность которых выявить сложно. В первую очередь это фонетические черты:

- 1) диссимилятивное аканье/яканье присуще всем информантам, хотя некоторые отклонения от диссимилятивного принципа – в основном в сторону иканья – отмечаются, причем в большей степени у представителей младших поколений. Кроме того, поскольку аканье/яканье – сложное соответственное явление [Пожарицкая 2005, с. 5–6], его вариативность не может быть описана как одно бинарное противопоставление (а анализ этого явления как целого комплекса бинарных оппозиций представляется темой для отдельного исследования);
- 2) фрикативный [ʏ] хорошо сохраняется у всех носителей говора, у более молодых иногда заменяется на [в] в морфологизированной позиции (в окончаниях род. пад. ед., м. и ср. р. адъективного склонения);
- 3) твердый [ч] ни у кого из информантов не дает вариативности;
- 4) звуки [ʏ]/[у] в соответствии с литературным [ф] перед глухим согласным и на конце слова (*ла́йка*, *каро́у*): вариативность отмечается, но границу между вариантами провести сложно. Причем разные позиции дают разные картины: например, на конце слова у всех информантов без вариантов представлен [ʏ] (*каро́у*), перед согласным, особенно в сверхчастотных словах (*все*, *всё*), возможен «литературный» вариант с [ф]. Описание вариативности на этом участке системы также можно считать темой для отдельного исследования;
- 5) «цканье/дзеканье»: вариативность есть у всех информантов, но без инструментальных исследований невозможно установить, насколько она отличается от той вариативности, что представлена в современном русском литературном языке.

Морфологические черты, которые не учитывались при подсчетах, как правило, не дают вариативности у наших информантов (у всех представлен только диалектный вариант). Это такие черты,

как окончание «общего» спряжения в 3-м л. мн. ч. (*хобѣют*); окончание *-ою* в тв. ед. ж. р. у существительных, прилагательных, местоимений; окончания с *-ть* в 3-м л. ед. и мн. ч. презенса.

Кроме того, целый ряд диалектных черт очень редко встречается в текстах, поэтому у многих информантов они или единичны, или не представлены вовсе: 1) [х] и [хв] в соответствии с литературным [ф] (*ко́хта, хва́ртук*); 2) наличие или отсутствие протетического [в] ([w]) перед начальными [о] и [у] (*во́кны, вѹ́тка*); 3) рефлекс напряженных редуцированных в основе презенса (*мѣю*); 4) формы тв. мн. существительных с основами на мягкие заднеязычные (*дѣ́йкими*); 5) формы пр. ед. мягких основ м. р. (*нѣ кані́*); 6) формы личного местоимения 1-го л. ед. ч. род.-вин. (*мянѣ*); основа местоимений *тоб-*, *соб-* в дат.-пр. (*табѣ, сабѣ*); 7) формы дат. ед. местоимения 3-го л. ж. р. (*ѣй*); 8) счетный оборот (*дѣва́ браты́*); 9) конструкция «по + пр. пад.» (*по дири́жня́х*); 10) союзы *ка́бы, кали́*.

2.2.2. Черты, учитывающиеся при построении профилей. В результате анализа материала были отобраны следующие черты, использованные для профилирования:

А. Фонетические черты:

- 1) рефлекс праславянского сочетания **dj* в 1 л. ед. ч. глаголов 2-го спряжения (*сиджу́ vs сижу́*);
- 2) произношение мягких долгих согласных в соответствии сочетаниями согласных с [j] (*свиння́ vs свинья́*). Сюда же относим произношение долгих отвердевших шипящих и [ц] в аналогичной позиции (например, *Зарѣ́чча*).

Б. Морфологические черты:

- 1) возвратный постфикс (после гласного) *-ся vs -сь*;
- 2) суффикс прош. вр. в формах м. р. [ʃ] vs [л];
- 3) отсутствие перехода *e > o* в окончаниях 3 ед. презенса глаголов I спр. с ударением на тематическом гласном (*бярѣ́ть vs бярѣ́т*). Переход *e > o* наблюдается также в формах 2 ед. и 2 мн. (в хиславичских говорах представлено чередование *e ~ o* в парадигме презенса типа: *нясе́ш, нясе́ть, нясе́м, нясе́тя*), но количество этих форм в наших записях невелико, поэтому учитывались только формы 3 ед. При этом форма, в которой наблюдается переход *e > o*, может быть противопоставлена литературной форме с твердым конечным [т] (в говоре встречаются формы вроде *бярѣ́ть*);
- 4) ударное адъективное окончание им. п. ед. ч. м. р. *-эй/-ый vs -ой* (*мѣладѣ́й/мѣладѣ́й vs мѣладѣ́й*);
- 5) ударное адъективное окончание им. п. мн. ч. *-ея vs -ие* (*мѣладѣ́я vs мѣладѣ́и*). Реализация конечного безударного гласного в этом окончании варьирует от [а] до [и], поэтому

диалектным мы считаем окончание с ударным гласным [э];

- 6) окончания им. п. личных местоимений 3-го л. мн. ч. *-ы* vs *-и* (*яны́/аны́* vs *ани́*).

В. Лексикализованные черты:

- 1) йотированные основы местоимений 3-го л. м. р. (*ён* vs *он*);
- 2) йотированные основы местоимений 3-го л. ж. р. (*ина́* vs *анá*). Диалектный вариант этого (*ина*) формально не содержит начального [j], но произношение гласного [и] объясняется диссимилятивным аканьем, при котором гласный [а] после начального [j] изменился в [и] перед следующим ударным [а], что позволяет рассматривать диалектный вариант этой основы как аналог йотированным основам в других формах личных местоимений 3-го л.;
- 3) йотированные основы местоимений 3-го л. мн. ч. (*яны́* vs *ани́*);
- 4) формы 3 ед. наст. вр. глагола *быть* (*ёсць* (*ёсь*) vs *есть*);
- 5) формы им. ед. указательного местоимения *этый* vs *этът*;
- 6) союз *як* (и местоимения с основой *як-*: *яко́й* (*яке́й*), *яка́я*, *яко́я*) vs *как* (и местоимения с основой *как-*: *како́й*, *кэ́ка́я*, *како́я*).

Г. Синтаксические черты:

- конструкции с вопросительной частицей *ти* (фонетически *ци* или *чы*) vs конструкции с вопросительной частицей *ли* (союзом *или*).

3. Материал

Для построения языковых профилей использованы записи спонтанной речи, сделанные на портативный рекордер Tascam DR-22WL и диктофон Olympus WS-331M в полевых условиях, которые были расшифрованы в программе ELAN 5.7 и размечены в программе Microsoft Excel. Беседы велись о старом деревенском быте, о традициях и обычаях; от каждого информанта было записано от 60 до 300 минут текста. Материал был проанализирован методом сплошной выборки, причем каждая словоформа, в которой представлено одно из противопоставленных диалектных различий, оценивалась с точки зрения его принадлежности к «стандартному» языку или диалекту. Были проанализированы записи от семи информантов (среди них пять женщин и двое мужчин), относящихся к разным возрастным группам. Все информанты – уроженцы деревень, расположенных друг от друга в радиусе 5–7 км. Их идиолекты представляют разную степень сохранности диалектных черт.

- А. Информанты, родившиеся в 1930-х гг. («старшая» возрастная группа):
- 1) pds1932: женщина, 1932, род. в д. Шипы, живет в д. Жанвиль, образование 4 класса, колхозница, запись 2019 г. (300 мин);
 - 2) vfr1931: женщина, 1931, род. в д. Николаево (4 км от д. Заречье), живет в д. Стайки, образование 6 классов, колхозница, запись 2018 г. (60 мин);
 - 3) ndr1934: женщина, 1934, род. в д. Мурашки (2 км от д. Николаево), живет в д. Заречье, колхозница, много лет работала бригадиром, запись 2019 г. (100 мин);
 - 4) nrb1935: мужчина, 1935, род. в д. Стайки, живет в д. Стайки, колхозник, образование 7 классов, запись 2018 г. (60 мин).
- Б. Информанты, родившиеся в 1950–1960-х гг. («младшая» возрастная группа):
- 5) nXr1961: женщина, 1961, род. в д. Мазыки, живет в д. Стайки, образование среднее специальное (техникум), агроном, фермер, предприниматель, запись 2018–2019 гг. (120 мин);
 - 6) nak1955: мужчина, 1955, род. в д. Мазыки, живет в д. Мазыки, образование 8 классов, колхозник, запись 2018 г. (70 мин);
 - 7) tXe1969: женщина, 1969, род. в д. Мазыки, живет в д. Стайки, образование среднее специальное (техникум), колхозница, предприниматель, запись 2019 г. (60 мин).

4. Анализ материала

Анализ языковых профилей информантов позволяет выделить три степени сохранности диалекта, которые мы условно обозначили как «диалектный эталон», «сглаженная диалектность» и «остаточная диалектность».

За «диалектный эталон» были приняты идиолекты информантов старшего поколения, являющиеся наиболее архаичными (т. е. содержащие наибольшее количество диалектных форм). Языковые профили других информантов рассматривались на фоне этого эталона, оценивалось отклонение от эталона в сторону литературного «стандарта». «Сглаженной диалектностью» мы условно называем меньшую по сравнению с «диалектным эталоном» степень сохранности диалектных черт. «Остаточной диалектностью» мы обозначаем идиолект, в котором часть диалектных черт утрачена, а другая часть демонстрирует вариативность.

1) «Диалектный эталон»

Профили двух наиболее архаичных по языку информантов (pds1932, vfr1931) близки друг другу: количество диалектных

реализаций многих вариативных явлений или максимально, или стремится к максимальному (что хорошо видно на диаграмме 1). Это произношение суффикса прош. вр. м. р. -л как [ʎ], отсутствие перехода $e > o$ в окончаниях презенса под ударением, ударное адекватное окончание им. п. ед. ч. м. р. -эй, ударное адекватное окончание им. п. мн. ч. -эя, окончание им. п. личных местоимений 3 л. мн. ч. -ы, “йотированная” основа местоимения 3 л. ж. р. (и́на), форма 3 ед. наст. вр. ёсць, форма им. ед. указательного местоимения э́тый, союз як и местоимения с основой як-.

Диалектно-литературная вариативность у обеих информанток часто наблюдается на одних и тех же участках системы: это вариативность *сиджу́ vs сижу́*, постфикс *-ся vs -сь*, ён vs он, яны́ vs аны́, синтаксические конструкции с частицей *ти vs частицей ли* (союзом *і́ли*). При этом степень вариативности может и быть примерно одинаковой, или существенно различаться.

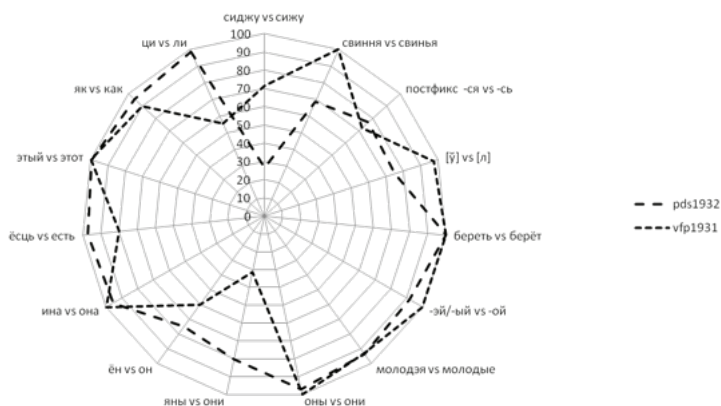

Диаграмма 1

2) «Сглаженная диалектность»

К этому типу проявления диалектно-литературной вариативности можно отнести идиолекты, в которых ряд диалектных черт сглаживается, т. е. наблюдается некоторое приближение к литературному стандарту. Таковую картину мы наблюдаем в идиолектах представителей разных поколений – как информантов, родившихся в 1930-х гг., так и у некоторых представителей более молодого поколения (родившихся в 1960-х гг.). «Сглаженная диалектность» представлена следующими языковыми профилями:

а) языковой профиль информантки ndr1934, которая отличается от других информантов старшего возраста более высоким социальным статусом – она много лет работала не рядовой крестьянкой, а бригадиром (см. диаграмму 2)¹. Здесь мы видим чуть меньшую степень диалектности – увеличивается вариативность в сторону стандарта, причем для одних черт преобладает диалектная реализация, для других – стандартная. Так, по преимуществу диалектный вариант, как и в «эталонных» идиолектах, представлен в реализации суффикса прош. вр. м. р. -л как [ǔ], ударного адъективного окончания им. п. ед. ч. м. р. (*мьладѣ́й*), местоимения 3-го л. ж. р. (*и́на*)², им. п. указательного местоимения *ѣ́тый*. Также высокую степень диалектности (даже выше, чем в «эталонных» идиолектах) можно отметить в произношении [дж] в соответствии с [ж] в позиции рефлекса праславянского сочетания **dj* (*сиджѹ vs сижѹ*) в формах 1-го л. ед. ч. глаголов II спр. При реализации других черт часто наблюдается выбор в пользу литературного варианта. Особенно заметна слабая «диалектность» в реализации таких черт, как возвратный постфикс (после гласного) *-ся vs -сь*, основа местоимений 3-го л. мн. ч. (*яны́ vs аны́*), формы 3 ед. наст. вр. глагола *быть* (*ѣсць vs есть*), конструкции с вопросительной частицей *ти vs* конструкции с вопросительной частицей *ли* (союзом *и́ли*);

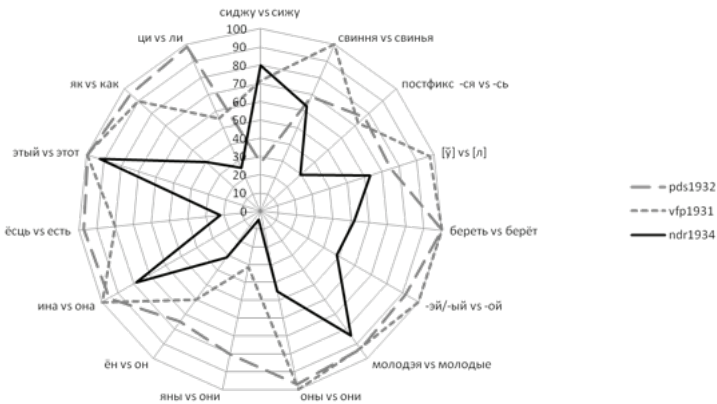

Диаграмма 2

¹ На диаграмме 2 и всех последующих для сравнения приведены данные носителей «диалектного эталона» (диаграмма 1).

² Диалектный вариант местоимения ж. р. *ина* сохраняется лучше, чем диалектные варианты других местоимения 3-го л., так как данный вариант поддерживается диссимилятивным яканьем, требующим произношения [и] перед ударным [а].

б) языковой профиль пib1935. Здесь мы наблюдаем меньшую степень архаичности говора по сравнению с «диалектным эталоном»: ряд черт демонстрирует его приближение к литературному стандарту (см. диаграмму 3).

Заметен «перекок» профиля: меньшая степень диалектности видна в области «фонетических» и «морфологических» черт: *сиджу vs сижю*, *свиння vs свинья*, постфикс *-ся vs -сь, -ю vs -л* в формах прош. вр. м. р., переход *e > o* в окончаниях презенса, *-эй vs -ой* в ударных окончаниях прилагательных им. ед. м. р., *-эя vs -ие* в им. мн. прилагательных. Кроме предпочтения литературного варианта при выборе *ён vs он, ёсь vs есть* (вариативность этих черт характерна для «диалектного эталона»), заметно, что меньше используется диалектный союз *як*. При этом сохраняются пики «диалектности» (небольшое количество литературных вариантов реализации при большом количестве диалектных) таких черт, как «лексикализованные» местоимения *этый* и *ина* и окончание местоимения 3-го л.;

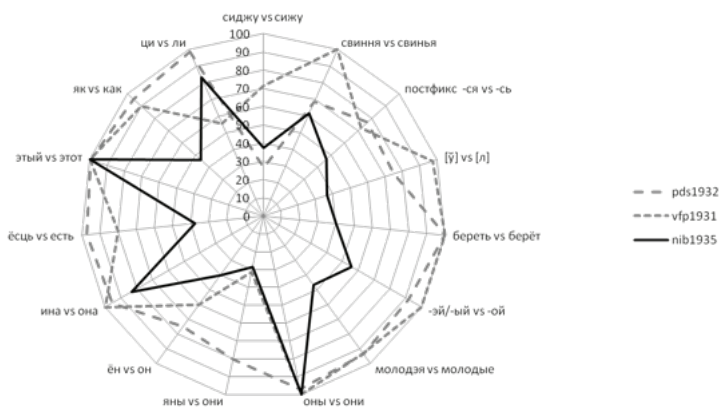

Диаграмма 3

в) «сглаженную диалектность» демонстрирует также профиль пXr1961 (см. диаграмму 4): вариативность «диалектное/стандартное» в незначительной степени затрагивает многие черты. Из фонетических черт полностью стандартными становятся рефлексы **dj* (диалектного варианта типа *сиджу* не зафиксировано вовсе); больше литературных вариантов (по сравнению с «диалектным эталоном») представлено в реализации форм 3 ед. наст. вр. глагола *быть* (*ёсь vs есть*). Для остальных черт характерна или вариативность «литературное/диалектное» (произношение долгих согласных в соот-

ветствии сочетаниями согласных с [j], возвратный постфикс *-ся vs -сь*, ударное адъективное окончание им. ед. м. р. *-эй/-ой*, ударное адъективное окончание им. мн. *-эя vs -ие*; местоимения 3-го л. с йотированными основами м. р. *ён* и мн. ч. *яны*) или предпочтение диалектного варианта (суффикс прош. вр. м. р. [ʏ], отсутствие перехода *e > o* в окончаниях презенса, основа местоимения 3-го л. ж. р. *инá*, окончание местоимения 3-го л. мн. ч. *-ы vs -и*, формы им. ед. указательного местоимения *этый vs этът*, союз *як vs как*, конструкции с вопросительной частицей *ти vs ли* (союзом *или*)).

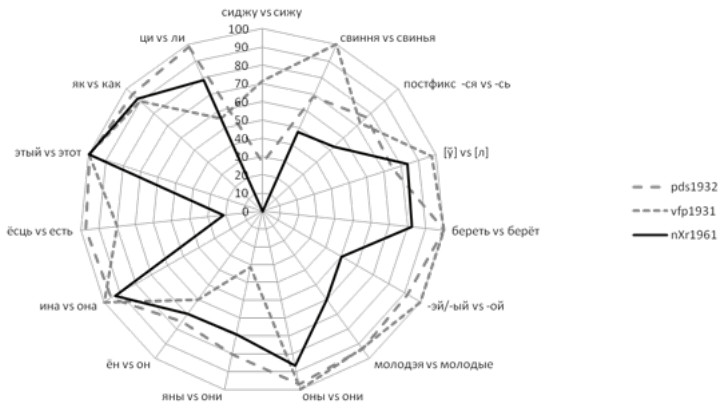

Диаграмма 4

3) «Остаточная диалектность»

а) на «мужском» профиле информанта *nak1955* (см. диаграмму 5) заметна «поляризация» вариантов большинства противопоставленных черт: вариативность каждой черты небольшая, информант как бы выбирает по каждому признаку, в какую сторону его выравнять – в сторону литературного или диалектного варианта. Так, для одной из фонетических черт (*сиджѹ vs сияжѹ*) представлен только литературный вариант, а для другой (произношение долгих согласных в соответствии сочетаниями согласных с [j]) преимущественно диалектный. Точно так же «поляризуются» и морфологические черты: явно преобладает литературный вариант постфикса *-сь*, окончания местоимения 3-го л. мн. ч. *-и*, нет форм презенса без перехода *e > o* в окончаниях; преимущественно диалектные варианты выбираются для суффикса прош. вр. м. р. *-л*, ударных адъективных окончаний им. ед. м. р. *-эй/-ый vs -ой*, им.

мн. -*эя* vs -*ие*. Среди «лексикализованных» черт в одних случаях предпочитается диалектный вариант (местоимение 3-го л. ж. р. *инá*; употребление частицы *ти* в соответствии со стандартной *ли*), в других – литературный вариант: формы глагола *быть* 3 ед. наст. вр. *есть* (как у большинства информантов), союз *как* (как и в идиолекте п1935), в отличие от всех предыдущих информантов – *этът* (вместо *этый*);

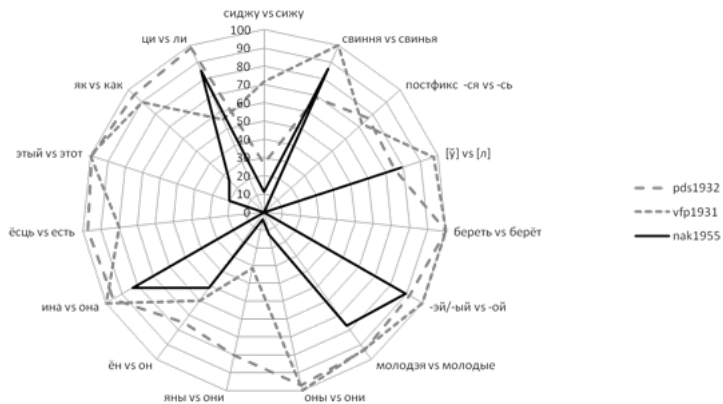

Диаграмма 5

б) как профиль с «остаточной диалектностью» можно охарактеризовать и профиль tХе1969 (см. диаграмму 6), в котором часть диалектных черт утрачена вовсе, другая часть демонстрирует употребление как литературного, так и диалектного варианта. Так, литературный вариант «побеждает» при выборе вариантов *сиджѹ* vs *сижѹ*, окончания местоимения 3-го л. мн. ч. -*ы* vs -*и*, адъективного окончания им. мн. -*эя*/*-ие*, формы глагола *быть* 3 ед. наст. вр. *ёсть* vs *есть*, союза *як/как*. Другие черты в какой-то степени сохраняют вариативность литературной и диалектной реализации: произношение *свиння́* vs *свинья́*, возвратный постфикс -*ся* vs -*сь*, суффикс прош. вр. м. р. -*ѹ* vs -*л*, отсутствие перехода vs переход *e > o* в окончаниях презенса, адъективные окончания им. ед. -*эй*/*-ый* vs -*ой*, форма указательного местоимения им. ед. *этый* vs *этът*, местоимение 3-го л. ж. р. *инá* vs *анá*, местоимение 3-го л. м. р. *ён* vs *он*. Похоже, что диалектно-литературную вариативность сохраняют скорее «лексикализованные» черты, чем морфологические.

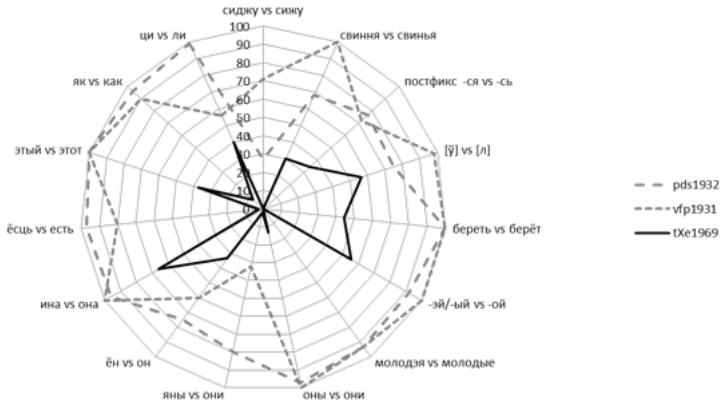

Диаграмма 6

5. Заключение

Сравнение языковых профилей носителей «нестандартизированного идиома» разных поколений позволяет сделать следующие предварительные выводы.

Во-первых, принадлежность к «старшему» (1930-е гг. рождения) или «младшему» (1950–1960-е гг. рождения) поколению сама по себе не говорит о степени утраты диалектности. Так, профиль идиолекта pXr1961 демонстрирует «сглаженную диалектность», т. е. незначительную вариативность литературных/диалектных черт, и сопоставим с языковыми профилями информантов, родившихся в 1930-е гг.

Во-вторых, можно заметить, что на первой стадии утраты диалекта, которую мы обозначили как «сглаженную диалектность», явная вариативность «диалектное/литературное» наблюдается в первую очередь в области морфологических показателей, в то время как фонетические и «лексикализованные» диалектные черты остаются почти без изменений. На следующей стадии утраты диалекта (профили pak1955 и tXe1969) вариативны уж не только морфологические, но и «лексикализованные» черты, причем часть из них вообще полностью выравнивается в пользу новой (стандартной) системы. Другие черты могут сохранять диалектные варианты (полностью или наряду с литературными), причем эти черты оказываются разными для разных идиолектов (т. е. внутри каждого идиолекта наблюдается индивидуальный набор диалектных черт, которые сохраняются в той или иной степени).

Таблица 1. pds1932

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджѹ vs сижѹ	4	11	15	27
свиннѹ vs свиннѹ	26	12	38	68
постфикс -ся vs -сь	73	22	95	77
[ѹ] vs [л]	185	61	246	75
бярѣтъ vs бярѣт	81	0	81	100
-эй/-ый vs -ой	80	7	87	92
мьладѹя vs мьладѹи	112	8	120	93
анѹ vs анѹ	192	6	198	97
янѹ vs анѹ	159	39	198	80
ѣн vs он	62	21	83	75
инѹ vs анѹ	213	10	223	96
ѣсць vs есть	34	1	35	97
ѣтый vs ѣтът	203	1	204	100
як vs как	419	18	437	96
ци vs ли	77	1	78	99

Таблица 2. vfr1931

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджѹ vs сижѹ	5	2	7	71
свиннѹ vs свиннѹ	14	0	14	100
постфикс -ся vs -сь	13	5	18	72
[ѹ] vs [л]	39	1	40	98
бярѣтъ vs бярѣт	33	0	33	100
-эй/-ый vs -ой	18	0	18	100
мьладѹя vs мьладѹи	13	1	14	93
анѹ vs анѹ	19	0	19	100
янѹ vs анѹ	6	13	19	32

Окончание табл. 2

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
ён vs он	9	6	15	60
ина́ vs ана́	15	0	15	100
ёсць vs есть	4	1	5	80
э́тый vs э́тът	3	0	3	100
як vs как	18	2	20	90
ци vs ли	5	4	9	56

Таблица 3. ndr1934

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджу́ vs сижу́	4	1	5	80
свиння́ vs свинья́	17	10	27	63
постфикс -ся vs -сь	15	36	51	29
[ʏ] vs [л]	24	14	38	63
бярэ́ць vs бяре́т	15	14	29	52
-эй/-ый vs -ой	15	16	31	48
мьладэ́я vs мьлады́и	32	6	38	84
аны́ vs ані́	9	11	20	45
яны́ vs ані́	1	19	20	5
ён vs он	6	13	19	32
ина́ vs ана́	11	3	14	79
ёсць vs есть	4	14	18	22
э́тый vs э́тът	12	1	13	92
як vs как	18	27	45	40
ци vs ли	8	23	31	26

Таблица 4. пib1935

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджѹ vs сижѹ	3	5	8	38
свиннѹ vs свиннѹ	8	5	13	62
постфикс -ся vs -сь	21	24	45	47
[ѹ] vs [л]	21	36	57	37
бярѣть vs бярѣт	6	9	15	40
-эѹ/-ый vs -ой	10	8	18	56
мѣладѣя vs мѣладѣи	7	8	15	47
анѹ vs анѹ	7	0	7	100
янѹ vs анѹ	2	5	7	29
ѣн vs он	2	3	5	40
инѹ vs анѹ	5	1	6	83
ѣсць vs есть	3	5	8	38
ѣтѹ vs ѣтѹ	7	0	7	100
як vs как	17	20	37	46
ци vs ли	5	1	6	83

Таблица 5. пXr1961

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджѹ vs сижѹ	0	11	11	0
свиннѹ vs свиннѹ	10	11	21	48
постфикс -ся vs -сь	30	27	57	53
[ѹ] vs [л]	41	8	49	84
бярѣть vs бярѣт	14	3	17	82
-эѹ/-ый vs -ой	2	2	4	50
мѣладѣя vs мѣладѣи	3	2	5	60
анѹ vs анѹ	22	25	47	47
янѹ vs анѹ	22	25	47	47
ѣн vs он	16	7	23	70

Окончание табл. 5

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
ина́ vs ана́	53	4	57	93
ёсць vs есть	7	26	33	21
э́тый vs э́тът	13	0	13	100
як vs как	35	3	38	92
ци vs ли	11	3	14	79

Таблица 6. пак1955

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджу́ vs сижу́	1	8	9	11
свиння́ vs сви́нья	6	1	7	86
постфикс -ся vs -сь	0	1	1	0
[ў] vs [л]	74	20	94	79
бярэ́ць vs бяре́т	0	6	6	0
-эй/-ый vs -ой	43	5	48	90
мьладэ́я vs мьладэ́и	20	6	26	77
аня́ vs ані́	6	41	47	13
яны́ vs ані́	2	45	47	4
ён vs он	16	15	31	52
ина́ vs ана́	30	6	36	83
ёсць vs есть	0	6	6	0
э́тый vs э́тът	2	8	10	20
як vs как	12	35	47	26
ци vs ли	11	2	13	85

Таблица 7. tXe1969

	Диалектное	Стандартное	Всего	Доля диалектности
сиджу́ vs сижу́	0	8	8	0
свиння́ vs сви́нья	3	7	10	30
постфикс -ся vs -сь	12	23	35	34
[ǔ] vs [л]	18	14	32	56
бярэ́ць vs бяре́т	12	15	27	44
-эй/-ый vs -ой	10	8	18	56
мьладэ́я vs мьладэ́и	0	27	27	0
аны́ vs ани́	6	40	46	13
яны́ vs ани́	1	45	46	2
ён vs он	11	22	33	33
ина́ vs ана́	35	18	53	66
ёсць vs есть	1	39	40	3
э́тый vs э́тът	3	5	8	38
як vs как	7	84	91	8
ци vs ли	6	9	15	40

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке фонда РФФИ: грант 19-012-00207 «Лексический атлас русских народных говоров: архивные лингво-географические источники и новые полевые данные».

Acknowledgements

This work was supported by RFBR, project no. 19-012-00207 “Lexical atlas of Russian folk dialects: archival linguo-geographical sources and new field data”.

Источники

- ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / Пад рэд. Р.І. Аванэсава. Мінск, 1963. 355 с.
 ДАРЯ I – Диалектологический атлас русского языка: центр Европейской части России / Ред. Р.И. Аванесов, С.В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М.: Наука, 1986. 214 с.
 ДАРЯ II – Диалектологический атлас русского языка: центр Европейской части России / Ред. С.В. Бромлей. Вып. 2: Морфология. М.: Наука, 1989. 165 с.

- Дурново, Соколов, Ушаков 1915 – *Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии. М: Синодальная типография, 1915. 140 с.
- Карский 1903 – *Карский Е.Ф.* Белоруссы. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1903. 466 с.

Литература

- Дьяченко, Малышева, Тер-Аванесова 2018 – *Дьяченко С.В., Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В.* Из наблюдений над фонетикой владимирско-поволжских говоров: ёканье и позиционная мягкость ж, ш // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 17: Фонетика / Отв. ред. О.В. Антонова, М.Л. Каленчук, Д.М. Савинов; ред. Е.С. Скачедубова, А.Е. Сомова. М., 2018. 320 с.
- Ерофеева 2005 – *Ерофеева Е.В.* Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005. 319 с.
- Захарова, Орлова 2004 – *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М: УРСС, 2004. 176 с.
- Казакова, Добрушина, Даниэль 2016 – *Казакова П.Н., Добрушина Н.Р., Даниэль М.А.* Экспедиции НИУ ВШЭ: Корпус говоров бассейна реки Устья и изучение вариативности в говоре деревни Михалёвская // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 250–257.
- Конёр, Макарова, Соболев 2019 – *Конёр Д.В., Макарова А.Л., Соболев А.Н.* Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного ун-та. Филология. 2019. № 58. С. 17–33.
- Пожарицкая 2005 – *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. М: Парадигма: Академический проект, 2005. 256 с.
- Аванесаў 1964 – Нарысы па беларускай дыялекталогіі / Рэд. Р.І. Аванесаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1964. 415 с.
- Daniel, von Waldenfels, Kazakova etc. 2019 – *Daniel M., Waldenfels R., von, Kazakova P., Ter-Avanesova A. and others.* Dialect loss in the Russian North: modelling change across variables // *Language Variation and Change*. 2019. Vol. 31. No. 3. P. 353–376.
- Kochetov 2006 – *Kochetov A.* The role of social factors in the dynamics of sound change: A case study of a Russian dialect // *Language Variation and Change*. 2006. Vol. 18. No. 01. P. 99–119.

References

- Avaniasaŭ, R.I. (ed.) (1964), *Narysy pa belaruskai dyialektalogii* [Essays on Belarus dialectology], Navuka i tekhnika, Minsk, USSR.
- Daniel, M., Waldenfels, R., von, Kazakova, P., Ter-Avanesova, A and others (2019), “Dialect loss in the Russian North: modelling change across variables”, *Language Variation and Change*, vol. 31, no. 3, pp. 353–376.

- D'yachenko, S.V., Malysheva, A.V. and Ter-Avanesova, A.V. (2018), "On phonetics of vladimir-povolzhje dialects: jokanje and positional softening of hissing consonants", *Trudy instituta russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], issue 17: *Fonetika* [Phonetics], Moscow, Russia.
- Erofeeva, E.V. (2005), *Veroyatnostnaya struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of social language variants], Izdatel'stvo Permskogo universiteta, Perm, Russia, 319 p.
- Kazakova, P.N., Dobrushina, N.R. and Daniel', M.A. (2016), "Expeditions of NIU VShE: The corpus of dialects of the Ustja river basin and the study of variability in the dialect of Mikhalevskaya village", *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, vol. 32, no. 2, pp. 250–257.
- Kochetov, A. (2006), "The role of social factors in the dynamics of sound change: A case study of a Russian dialect", *Language Variation and Change*, vol. 18, no. 01, pp. 99–119.
- Koner, D.V., Makarova, A.L. and Sobolev, A.N. (2019), "Linguistic/dialectal profiling of dialect speakers: The method presented on the idiolectform Berčinovac, Eastern Serbia", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 58, pp. 17–33.
- Pozharitskaya, S.K. (2005), *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology], Paradigma: Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Zakharova, K.F. and Orlova, V.G. (2004), *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language], URSS, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Анастасия И. Рыко, Тартуский университет, Эстония, Тарту; 50409, Эстония, Тарту, ул. Лосси, д. 4; anastasiia.ryko@ut.ee

Маргарита В. Спиричева, аспирант, Институт лингвистических исследований РАН, Россия, Санкт-Петербург; 199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9; m.spiricheva@yandex.ru

Information about the authors

Anastasiya I. Ryko, the University of Tartu, Tartu, Estonia; bld. 4, Lossi St., Tartu, Estonia, 50409; anastasiia.ryko@ut.ee

Margarita V. Spiricheva, postgraduate student, Institute for Linguistic Studies RAS, Saint-Petersburg, Russia; bld. 9, Tuchkov Line, Saint-Petersburg, Russia, 199053, m.spiricheva@yandex.ru

УДК 811.161.1`373

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-142-163

Синонимия и паронимия префиксальных глаголов в русском языке

Дарья В. Якунина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, d-yakunina@yandex.ru*

Аннотация. В статье на примере русских префиксальных глаголов обсуждается соотношение понятий паронимии и синонимии. На первый взгляд отдаленные друг от друга понятия обнаруживают точки соприкосновения и взаимопроникновения. Разбираются случаи сближения значений однокоренных префиксальных паронимов и переход их в синонимы в разговорной речи. Показано, что одни и те же языковые единицы могут рассматриваться и как паронимы, и как синонимы, исходя из разных теоретических моделей и в зависимости от того, на что направлено внимание – на различия или на сходство между ними. Норма пытается сохранить богатство языковых значений и различать значения однокоренных слов, сохраняя паронимию, но этому мешают естественные языковые процессы, благодаря которым эти различия стираются. Предложено объяснение синонимии префиксальных паронимов: она возникает в случаях возможного частичного совпадения значений приставок (при включении значений или их пересечении из-за смены ориентира действия) и поддерживается словообразовательными моделями, фонетическим сходством и механизмами аналогии и экономии в устной речи.

Ключевые слова: русский язык, паронимы, синонимы, словообразование, префиксальные глаголы

Для цитирования: Якунина Д.В. Синонимия и паронимия префиксальных глаголов в русском языке // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 142–163. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-142-163

© Якунина Д.В., 2022

Synonymy and paronymy of Russian verbal prefixes

Daria V. Yakunina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
d-yakunina@yandex.ru*

Abstract. The article presents an analysis of paronymic Russian prefixal verbs converting into synonyms in colloquial speech. Paronyms and synonyms are at first sight distant and opposite lexical concepts. The former underline semantic differences between words whereas the latter focus on their similarities. However, common-root derivatives feature both, being different in affixes while sharing the root. The same lexical units can be regarded either as paronyms or as synonyms depending on particular theoretical models and on what is in focus – their contrast or their resemblance. Lexical and grammatical norms preserve the distinction between close meanings of paronyms, while dynamic language processes erase these differences. We examine prefixal paronyms drifting to synonyms in colloquial speech and suggest reasons for such phenomenon. Synonymy becomes possible when prefixes partly coincide in meaning (one meaning included into the other, or two meanings overlapping due to the shift of the action landmark). Productivity of a derivational model, phonetic resemblance of prefixes, and tendencies towards analogy and economy in colloquial speech are also to be taken into account.

Keywords: Russian language, synonyms, paronyms, word derivation, prefixal verbs

For citation: Yakunina, D.V. (2022), “Synonymy and paronymy of Russian verbal prefixes”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 142–163, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-142-163

0. Введение

Статья посвящена анализу соотношения понятий паронимии и синонимии на материале префиксальных глаголов русского языка. В первом разделе рассматриваются проблемы наложения терминологических систем на трактовку языкового материала, борьба нормы и узуса за точность номинаций. Будет показано, что один и тот же языковой материал может иметь разные названия в зависимости от теоретической модели и того, что находится в фокусе внимания. Во втором разделе на примере нескольких известных и широко обсуждаемых префиксальных паронимических пар будет предложено описание механизмов перехода паронимов в синонимы в быто-

вой речи. Эти механизмы функционируют как на уровне морфем, так и на фонетическом и синтаксическом уровнях. Отдельно мы разберем случаи синонимизации несимметрично устроенных пар, состоящих из одноприставочного и двухприставочного глаголов. В заключении будут подведены итоги и обозначены перспективы настоящего исследования.

1. *Синонимия и паронимия: соотношение понятий*

Синонимия и паронимия – лингвистические термины, весьма далекие и до определенной степени антонимичные друг другу. Синонимия – понятие изначально лингвистическое, в то время как понятие паронимии пришло в лингвистику из риторики относительно недавно. В лингвистический обиход этот термин вошел через область культуры речи и получил более формализованное представление для характеристики однокоренных слов с различными аффиксами. Как отмечается в [Кобозева 2000, с. 72], паронимы относятся к ведению лексикологии, но их изучение, в отличие от изучения синонимов, остается за рамками лексической семантики, поскольку последнюю интересует значение, но не форма.

Паронимы в лингвистическом понимании – однокоренные слова, относящиеся к одной части речи, частично сходные в звучании, но имеющие различия в значениях (см. словари: ЛЭС, Вишнякова 1984; Снетова, Власова 2015). Далее мы будем рассматривать именно такие, «словарные» паронимы¹ в их отношении к синонимии.

Согласно определению ЛЭС, синонимы – слова одной и той же части речи, имеющие полностью или частично совпадающие значения. Одна из основных функций синонимов – способность заменять друг друга в тексте во избежание повторов. В противоположность этому, паронимы заменять друг друга в тексте не должны, и словари паронимов служат для различения контекстов их употребления. С прагматической точки зрения, таким образом, мы получаем далекие и противопоставленные друг другу термины.

С другой стороны, сходство формы предполагает, как правило, наличие у паронимов одного корня, хотя и разных словообразовательных аффиксов. «Структурное сходство паронимов обуславливает их известную смысловую соотносительность» (ЛЭС).

¹ «Паронимы иногда называют словарными, в отличие от паронимов контекстных, или поэтических, которые имеют любое звуковое подобие (“щеколда – щиколотка”, “контузить – конфузить”)» (ЛЭС).

Следовательно, общность лексического значения у паронимов присутствует (и заключена в корне), хотя их выявление и основано не на сходстве, а на семантических различиях между сходными формами. Таким образом, синонимы и паронимы выделяются на разных основаниях и не противопоставлены друг другу.

В лингвистической литературе синонимия и паронимия описаны достаточно подробно. В рамках культуры речи явление паронимии понимается как ошибочное употребление сходных по форме слов при расхождении в значениях, которое объясняется недостаточной усвоенностью языковых норм. Ср. употребление *проистекать* вместо *протекать* и *представить* вместо *предоставить* в следующих примерах из НКРЯ²:

- (1) *Во время войны события, связанные с Ленинградом, проистекали следующим образом: <...> (Михаил Карпов. «Всюду одно: злодей Сталин протягивает свою страшную руку» // lenta.ru, 2019.05.07)³;*
- (2) *Еще на начальном этапе о желании представить финподдержку Лазутиной и Даниловой заявили представители мощнейшей нашей компании – «Русский алюминий», которой руководит Олег Дерипаска (Андрей Митьков. «Принципиально вы должны занять позицию: Да или Нет...». Олимпийский комитет России отказывает Лазутиной и Даниловой в поддержке // «Известия», 2002.06.25).*

В рамках задач стилистики [Голуб 2020, с. 65] анализ паронимов как слов, сходных по форме, позволяет сфокусировать внимание на различии в их значении, используемом авторами с той или иной художественной целью. Это может быть и противопоставление паронимов: *Меня тревожит встреч напрасность, что ни сердцу, ни уму, и та не праздничность, а праздность, в моем гостящая дому* (Е. Евтушенко), и их соположение в речи для выделения соответствующих понятий: *Молодые Тургеневы олицетворяют собой честь и честность* (М. Марич), или указание на тонкие смысловые различия между ними: *Я не люблю пластику кистей у танцовщиц. Она манерна, условна, сентиментальна; в ней больше красоты, чем красоты* (К. Станиславский)⁴.

Синонимы также рассматриваются в рамках культуры речи, например, когда речь идет о нарушении сочетаемости: *имя дра-*

²Нумерация дана для примеров, к которым есть отсылка в дальнейшем обсуждении.

³Здесь и далее, при отсутствии других примечаний, примеры из НКРЯ.

⁴Примеры из [Голуб, 2020, с. 65].

матурга знакомо (вместо *известно*) во многих странах, и в рамках стилистики, когда речь идет о контрастном использовании синонимов для уточнения понятий, для подчеркивания различий между ними и т. д.: *Он словно потерялся немного, словно сробел* (Л.Н. Толстой); *Он, собственно, не шел, а влачился, не поднимая ног от земли* (А.И. Куприн)⁵.

В синонимических рядах могут оказаться однокоренные слова. Согласно «Словарю-справочнику лингвистических терминов», однокоренные синонимы – «слова, образованные от одного и того же корня и обычно различающиеся стилистической окраской и сочетаемостью» (см. ССЛТ⁶). В качестве примеров в указанном словаре приведены только суффиксальные паронимы (*борьба – борение, жилище – жилье, (дольки) апельсинные – апельсиновые* (но только *апельсиновый цвет*) и др.), хотя среди приставочных образований подобные пары также встречаются, но более редко.

Соотношение синонимов и паронимов описывается в литературе противоречиво. Согласно словарю (Касаткин 2005), «значения паронимов никогда не нейтрализуются, и паронимы не могут заменять друг друга в одном контексте» (с. 29), в отличие от синонимов, различия между значениями которых, по определению, в некоторых контекстах могут нейтрализоваться (с. 34). Значит ли это, что множества паронимов и синонимов не пересекаются? Известны случаи семантического сближения паронимов, при котором различия в форме становятся несущественными. Во многих работах (например, [Голуб 2020]) приводится пример пары *смириться – примириться*, первое из которых со временем развило новое значение: кроме исходного ‘стать смиренным, покорным, смиренным’, оно приобрело также значение ‘привыкнув, примириться с чем-нибудь’: *смириться с бедностью, смириться с недостатками*. В (МАС) это одно из 4 значений глагола *смириться*; как отмечено в [Голуб 2020, с. 63], «современные толковые словари русского языка отмечают это значение как основное».

Авторы ЛЭС также предлагают разграничивать паронимы и синонимы, хотя не настолько жестко и, скорее, на основе принципа классификации: «Паронимия принципиально отлична от синонимии, поскольку паронимы в составе паронимической пары или ряда соотносительны между собой в силу их словообразовательной

⁵Примеры из [Голуб 2020, с. 38, 41].

⁶Синонимы // Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Статьи на букву «С» (часть 1, «САМ» – «СЛА»). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-209-1.htm#zag-1419> (дата обращения 04.02.2022).

соотнесенности. Однако слова, образующие паронимический ряд, могут иметь синонимические значения (*человеческий – человеческий, дальний – далекий*)».

Это противоречие преодолимо разграничением полных и неполных паронимов. Так, в словаре паронимов (Вишнякова 1984) выделяется несколько групп паронимов: полные – выражающие различные смысловые понятия (*врыть – взрыть*), неполные – паронимы, «в которых семантическое размежевание объема значений не завершено полностью, вызывая их сближение» (*иронический – ироничный*), и частичные, «которые, различаясь ударением⁷, характеризуются общей понятийно-логической соотнесенностью и возможным совпадением в сочетаемости» (*грозный – грозовой, дождевой – дождливый*). Полные паронимы составляют ядро лексической категории, неполные и частичные относятся к ее периферии.

Неполные паронимы, как отмечается, способны стать полными при расхождении значений, как это произошло со словами *технический – техничный*. Наблюдается и противоположная тенденция. Как отмечается в словаре (Снетова, Власова 2015), сближение паронимов происходит в тех случаях, когда «смысловые оттенки аффиксов, делающие паронимы разными словами», трудноразличимы, что при общности корневой морфемы способствует синонимической замене слов одной паронимической пары.

В случае многозначных паронимов синонимия может наблюдаться между их отдельными значениями: «многозначные паронимы *далекий – дальний*, сближаясь отдельными своими значениями, могут выступать как синонимы, например: *далекий край – дальний край, далекий звук – дальний звук, далекий путь – дальний путь*» (Снетова, Власова 2015); в переносном значении замена *далекий* на *дальний* невозможна: *чужим и *дальним показался мне этот человек*.

Подобное явление хорошо описано в лексикологии как синонимические ряды: многозначное слово может вступать в различные синонимические ряды в разных своих значениях. Если говорить о многозначных паронимах, в отдельных значениях они могут представлять или не представлять собой паронимическую пару (и в последнем случае являться не паронимами, а однокоренными синонимами).

Таким образом, при определенных условиях паронимы сближаются с неточными (семантическими, идеографическими) синонимами, при этом синонимами однокоренными. Различия между

⁷Различие в ударении (на основе или на окончании) является, скорее, следствием различия в суффиксах рассматриваемых слов.

такими паронимами заключаются в аффиксах; если аффиксы синонимичны или различия между ними нейтрализуются, то в речевом употреблении возможна контекстная замена паронимов – иногда противоречащая существующим нормам, а иногда изменяющая норму с течением времени.

Представляется интересным выяснить механизмы подобного сближения и смешения, а также изменения языковых норм – как стилистических, так и лексических.

2. Механизмы сближения паронимов

Явление паронимии тесно связано с процессами словообразования. Основной фонд паронимов составляют суффиксальные и префиксальные единицы; при этом первые, в том числе из-за большего количества суффиксов по сравнению с приставками, являются наиболее хорошо исследованными. Префиксальным паронимам уделяется меньше внимания. В данной работе мы ограничимся исследованием процессов, характерных для приставочных паронимических глагольных пар.

На исследование паронимов с точки зрения словообразования обращается внимание в [Бычковская, Леонович 2009]: «Именно словообразовательный анализ паронимов, вскрывая их мотивационные и структурные различия, помогает выявить и их семантическую разницу». Этот же механизм позволит, по нашему мнению, объяснить возникновение ошибок в употреблении паронимов и их сближение в синонимические пары.

Гипотеза заключается в том, что основной причиной перехода префиксальных паронимов в синонимы является пересечение значений приставок, которое поддерживается большей продуктивностью одной из приставок внутри словообразовательного гнезда, фонетическим сходством или смешением синтаксических конструкций. Для проверки этого предположения рассмотрим несколько широко известных пар префиксальных паронимов и покажем, что эти случаи не единичны.

2.1. *Словообразовательные модели: продуктивность приставки внутри словообразовательного гнезда.* В работах по культуре речи часто отмечается смешение в употреблении глаголов *одеть* и *надеть*. Пользователи сети Интернет регулярно задают вопросы о различиях между ними: «Надеть маску или одеть маску, одетое платье или надетое? Очки надевают или одевают?». Несмотря на

рекомендации словарей различать эти глаголы в зависимости от одушевленности связанного с ними существительного⁸, употребления, подобные «одень шапку», частотны в разговорной речи, в том числе в речи образованных носителей языка, которым это правило хорошо знакомо. В НКРЯ примеры таких смешений можно найти не только в текстах форумов, но и в текстах литературных произведений:

- (3) *Когда я была школьницей, не то что волосы не красили, даже колечко или сережки **одеть** нельзя было. ну и что?* (Наши дети: Подростки [2004]);
- (4) – *Понятно, – грустно сказал длинный, согнув на этот раз правую ногу. – Теперь я вам **одену** маски. Чтобы вы не могли ничего видеть, глазные отверстия масок заклеены* (И. Грекова. Дамский мастер [1963]).

Н.А. Еськова [Еськова 2003] признает бесполезность продолжения борьбы за противопоставление вариантов. В статье приведены многочисленные примеры ошибок, возникающих при воспроизведении, перепечатке или цитировании литературных произведений («*Одену крест серебряный на грудь*»), что является косвенным свидетельством узуальной победы в последние десятилетия формы *одеть* над литературно принятым вариантом *надеть*, несмотря на упорство нормативистов. Одной из возможных причин смешения паронимов Н.А. Еськова считает влияние словообразовательных моделей соответствующих глаголов: «Есть глагол *переодеть*, но не существует глагола “*перенадеть*”. Поэтому *переодеть* можно не только ребенка, но и платье или туфли. Не имеет параллельного образования с приставкой *на-* и глагол *обуть*, поэтому *обуть* можно и человека, и сапоги» [Еськова 2003, с. 42]. Дополним этот список и словами *приодеть(ся)*, *одежда*, *одеяние* – в отсутствие соответствующих однокоренных образований с *на-* (*надежда* однокоренным в современном языке не является).

Большая продуктивность одной из приставок внутри словообразовательного гнезда не единственное, что позволяет употреблять один из паронимов на месте другого. Синонимизация паронимов может быть связана также с некоторыми особенностями значений префиксов и их взаимодействием.

⁸За исключением контекстов, в которых одушевленное существительное может рассматриваться как объект действия: *Отвернулся, стал насаживать на крючок и не может надеть червяка, оглядываться стал, глаза скачут* (А.Н. Толстой. На рыбной ловле [1923]).

2.2. *Сходство значений приставок: отношение включения значений.* Представляется, что сближение *надеть* и *одеть* вызвано не только особенностями их словообразовательных моделей. Поскольку данные глаголы отличаются приставками, можно предположить, что возможность их замены также обусловлена смещением значений приставок, точнее, включением одного из значений приставки *на-* в значение приставки *о-* (*об-*) – но не наоборот.

Рассмотрим толкования значений этих приставок (Ефремова 2005). Для *о-* в *одеть* подходящим будет, по-видимому, значение «покрыть или покрыться чем-либо с помощью действия, названного мотивирующим словом: *оклеить, окрасить*». Для *на-* в *надеть* – «направить на поверхность чего-либо действие, названное мотивирующим словом: *набросить, наступить*». Действие, обозначенное приставкой *о-*, направлено на всю поверхность объекта, охватывает его целиком, для *на-* речь идет о внешней видимой, обычно верхней, части объекта. *О-* не уточняет, с какой частью поверхности произошел контакт, и выражает более общее значение. Таким образом, в контекстах типа (3) и (4) замена приставки *на-* на приставку *о-* возможна, но примеров противоположной замены не наблюдается.

2.3. *Сходство значений приставок: смещение ориентира действия, названного приставочным глаголом.* Смещение ориентира рассмотрим на примере префиксальных паронимов *поскользнуться* и *подскользнуться*. Употребление второго глагола считается нарушением литературной нормы. О. Северская [Северская 2008] отмечает, что *подскользнуться* помечен в «Словаре трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя как «просторечный», а в «Толково-словообразовательном словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой уже как «разговорный». В более ранних словарях, а также в МАС глагол *подскользнуться* и вовсе отсутствует. Таким образом, словари отмечают постепенное ослабление нормативного запрета на использование распространенного в бытовой речи паронима к литературному *поскользнуться*.

Поиск примеров употребления *подскользнуться* в основном корпусе НКРЯ дает 16 документов, 18 вхождений. Из них 3 примера – из произведений Н.В. Гоголя (в произведениях других авторов XIX в. и ранее этот глагол не встречается, один – из перевода В.В. Набокова, один – П.Н. Краснова, еще один – упоминание у К.И. Чуковского как неправильного («Живой как жизнь (разговор о русском языке)», 1962 г. – отметим, что такого рода замечания нормативистов и пуристов очень важны: они диагностируют активные изменения в устном узусе). Остальные 12 примеров относятся к 1998–2011 гг. Поиск по газетному кор-

пусу дает 18 примеров, относящихся к 2006 г. и позднее. Глагол *подскальзываются* не найден.

- (5) *Весь эскадронь, точно сраженный какою-то сверхъ-естественною силою, всь люди, лошади, будто онь разомь **подскользнулись** на мокрыхъ и скользкихъ торцахъ упали на землю и такъ и остались лежать на ней совершенно недвижимые* (П.Н. Краснов. Подвиг [1932]);
- (6) *Я кинулся со всех ног, **подскользнулся** на проклятом паркете и чуть-чуть не расклеил носа, однако ж удержался и достал платок* (Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего [1835]);
- (7) *В это время Яха встал, пошел за штанами и, **подскользнувшись** на вишнях, бражнулся* (Алексей Шепелев. Кгыбшфт Выпытундф-ТВ [2008] // «Волга», 2011);
- (8) *Анатолий отлетел к стене, **подскользнулся**, упал, и тут же Старшова сбили с ног прикладом* (Борис Васильев. Дом, который построил Дед [1990–2000]).

Литературный глагол *поскользнуться* встречается, ожидаемо, гораздо чаще: 842 документа, 1117 вхождений; *подскальзываются* – 67 документов, 72 вхождения; немало примеров находится и в акцентологическом, устном и газетном корпусах.

Чтобы найти больше примеров активного употребления *подскользнуться*, проанализируем выдачу примеров Google. В текстах форумов и интернет-страниц найдено около 238 000 ссылок-примеров с формой «*подскользнулся*», 151 000 – с «*подскользнулась*», около 16 000 – с «*подскользнешься*». Совсем небольшая часть из них – запросы о правильности употребления, остальное – примеры из новостей, блогов, подписи под фото и видео и т. п.:

- (9) *Мне очень понравилась идея отделки деревом, безопасный пол получается, не **подскользнешься** и выглядит красиво* (URL: <https://cgbandit.com/galleries/bathroom-1612>).

Смещение *поскользнуться* и *подскользнуться*, по предположению О. Северской, объясняется, как и в паре *постричь* – *подстричь*, «одним из значений приставки **под-** – ‘проявление действия в слабом или незаметном, скрытом, незаконченном виде’... может, сегодня *подскользнуться* значит уже что-то вроде ‘слегка поскользнуться’». Найденные нами примеры показывают, что это предположение, скорее всего, ошибочно, ср:

- (10) *Анастасия Волочкова **подскользнулась** на своем платье и упала* (URL: <https://uznayvse.ru/zvezdyi/98313.html>);

- (11) *52-летняя мурманчанка **подскользнулась** на льду и сломала позвоночник* (URL: <https://www.murmansk.kp.ru/online/news/3729734/>).

Пример (11) комментирует фотографию, в то время как в заголовке новости читаем:

- (12) *Следователи проверяют информацию о жительнице Мурманска, которая **поскользнулась** на льду и сломала позвоночник* (URL: <https://www.murmansk.kp.ru/online/news/3729734/>).

Можно предложить альтернативную семантическую интерпретацию, объясняющую синонимизацию рассматриваемых глаголов в бытовой речи.

Приставки многозначны, и конкретное значение приставочного глагола зависит от сочетания приставки с конкретными корнями или лексическими группами глаголов. Существует несколько способов описания значений приставок. При традиционном, нормативистском подходе значения задаются списком, связь между отдельными значениями не всегда можно проследить, некоторые значения одной приставки оказываются противоположны друг другу (например, значения неполноты действия и доведения действия до результата).

Значения приставки *по-* в различных источниках описываются достаточно противоречиво. С одной стороны, это «осуществление действия в ослабленной степени: *помазать, попудрить*» (МАС); приставка «образует глаголы СВ со значением “с незначительной интенсивностью (слегка) совершить действие, названное мотивирующим словом: *пообсохнуть, попортить, поизноситься*”» (Ефремова 2005). С другой – «усиление действием какого-либо признака, качества, состояния: *повысить, понизить, пополнить*», приставка *по-* «образует формы СВ некоторых глаголов: *поблагодарить, покраснеть, потонуть, поцеловать*» (МАС); «образует глаголы СВ со значением конечного предела (в словообразовании) или доведения до конечного результата (в формообразовании) действия, названного мотивирующим словом. *Позеленеть, похвалить, почувствовать*» (Ефремова 2005). Одним из способов решить проблему подобной энантиосемии, которая часто встречается при традиционном подходе к описанию приставочных значений, является метод выделения рядов приставочных глаголов со сходным значением префикса внутри ряда и соотношением значений префикса и глагольной основы, а также построение семантической сети значений приставки, впервые предложенное

и подробно описанное в [Кронгауз 1998]. При этом значения приставки оказываются связаны друг с другом, а кажущиеся далекими и даже противоположными значения – объяснимы взаимодействием значений основы и аффикса.

Основное пространственное значение приставки *по-* не отмечается в традиционных словарных толкованиях. Предположительно, пространственное значение приставки *по-* здесь сходно с основным значением предлога *по*, который употребляется «при обозначении предмета, пространства и т. п., поверхность которого является местом, где происходит действие, движение кого-, чего-л., где располагается кто-, что-л.» (МАС). Из этого значения выводятся все вышеперечисленные: как «ослабленная степень совершения действия», так и «доведение до предела или результата» проявляется во взаимодействии значения глагольной основы со значением приставки. Например, *позеленеть* – стать зеленым снаружи, по поверхности (следовательно, внешне – полностью), а значение неполноты действия возникает у тех глаголов, у которых есть контрастирующие с ними по способу осуществления действия однокоренные слова (*помазать* – *намазать* или *замазать*, *попудрить* – *напудрить*, причем для *попудрить* существует еще и пара *припудрить*, в которой в традиционных описаниях также будет указано значение неполноты действия). В глаголе *поскользнуться* действие, выраженное корнем, можно рассматривать относительно ориентира-поверхности, в контакте с которой (в данном случае – при ухудшении контакта с которой) происходит скольжение.

Одним из основных значений приставки *под-* является «направить вниз, подо что-то, или совершить внизу, под чем-либо, действие, названное мотивирующим словом» (Ефремова, 2005). Как отмечает В.А. Плунгян, «центральным понятием при описании значений приставки *под-* является, естественным образом, понятие низа. <...> может иметься в виду как нижняя окрестность, так и нижняя часть ориентира» [Плунгян 2001, с. 104]. В рассматриваемом глаголе *подскользнуться* таким ориентиром, по нашему мнению, является сам человек.

Таким образом, действие остается неизменным, но в качестве ориентира в *поскользнуться* выступает поверхность, пол или почва, а в *подскользнуться* ориентиром выступает обувь или ступня человека и актуализируется нижняя ее часть. Происходит нейтрализация значений глаголов. Сами действия не различаются ни по степени интенсивности, ни по способу осуществления, но внимание смещается на разные объекты действительности в качестве ориентира для приставки.

Пара *поскользнуться – подскользнуться* рассматривается как паронимическая только потому, что глагол *подскользнуться* не входит в литературный язык и, соответственно, его употребление нарушает языковые нормы. С точки зрения языковой системы здесь мы имеем дело, скорее, с однокоренными синонимами, употребление второго из которых ограничено рамками разговорной речи.

Аналогичное объяснение синонимии можно было бы предложить для пар *постричь(ся) – подстричь(ся)* и *подгореть – пригореть*, но, употребляемые в сходных значениях, в словарях они не считаются паронимами, поэтому остаются за рамками рассмотрения в данной работе.

2.4. *Аналогия синтаксических конструкций и эллипсис.* Данный механизм синонимизации паронимов рассмотрим на примере двух известных паронимических пар: *оплатить – уплатить* и *оплатить – заплатить*.

В словаре синонимов З.Е. Александровой (Александрова 2011) *уплатить* и *оплатить* отмечены как синонимы к *заплатить* в значении «1. внести плату (или деньги), отдать деньги, выплатить что, уплатить, оплатить что; отстегнуть (прост.)»⁹. Словарь не содержит информации о сочетаемости или о разнице в употреблении этих глаголов. В словаре паронимов (Бельчиков, Панюшева 2002) рассматривается паронимическая тройка *выплатить – заплатить – оплатить*, при этом отмечено, что «глагол *оплатить* употребляется с существительными отвлеченными, называющими объект оплаты, то, за что производится плата, а также с существительными конкретными, называющими какой-л. документ (*счет, вексель, наряд* и т. п.), по которому уплачивается какая-л. сумма денег. Глагол *заплатить* сочетается с различными группами существительных, отвлеченными и конкретными, обозначающими то, что может служить объектом платы (в прямом и переносном смысле)» (Бельчиков, Панюшева 2002, с. 65).

Анализ употреблений в НКРЯ сходных фонетически¹⁰ *оплатить* и *уплатить* показывает, что различие между паронимами в конструкциях с прямым дополнением заключается в их актантах: *оплатить* можно услугу или квитанцию, а *уплатить* – деньги (как правило, это связано с выполнением обязательств – *уплатить дол-*

⁹Словарь синонимов русского языка. Практический справочник (З.Е. Александрова, 2011): Слова на букву «З» (часть 3, «ЗАМ» – «ЗАР»). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/fc/slovar-199-3.htm#zag-8170> (дата обращения 04.02.2022).

¹⁰О фонетических причинах смешения подробнее см. ниже п. 3.5.

ги, налоги, контрибуцию, акциз и т. п.). Нарушения сочетаемости в НКРЯ единичны:

- (13) Если клиент **оплатил деньги** с вызовом курьера или через Сбербанк, то квитанция становится своеобразным билетом: ее надо будет просто показать перед занятием администратору (Сергей Баричев. Учиться, учиться и еще раз? // «Бизнес-журнал», 2004.08.17).

В некоторых случаях наблюдается вариативность употребления, например, можно как *уплатить*, так и *оплатить налоги* или *штрафы*, поскольку в подобных контекстах предполагается существование квитанции об оплате (в приведенном выше примере (13) *квитанция* появляется во второй части предложения) и происходит метонимический перенос:

- (14) В частности, **оплатить налоги** через онлайн сервис смогут клиенты Сбербанка, которые имеют в нем счет и электронную карту банка (Налоги можно будет оплатить через Интернет. 2011.03.23. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/23/finance/562949979920489.shtml>, 2011);
- (15) Воробьев уже подписал протокол и даже **оплатил штраф** за переход улицы на красный свет (Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии [1996–1998]).

Таким образом, в части контекстов *оплатить* и *уплатить* могут функционировать как синонимы.

Глаголы *оплатить* – *заплатить* менее сходны по звучанию, различаются даже их модели управления, но в бытовой речи случаи смешения этих глаголов довольно часты. В словаре-справочнике «Управление в русском языке» (Розенталь 2005, с. 157) модели управления этих глаголов разведены: для *оплатить* нормативно возможно только прямое дополнение *оплатить что*, для *заплатить* в сходном значении – только сочетание с предлогом *за*. При этом признается возможным сочетание *оплата за что-л.* (*высокая оплата за срочную работу* (Розенталь 2005, с. 157), а для *заплатить* в значении ‘возместить что-л.’ – *заплатить что (заплатить долги, стр. 74)*¹¹.

Множество нарушающих литературную норму употреблений *оплатить* с предлогом *за* находим не только в устной речи и в чатах, но и на сайтах организаций, в том числе государственных и об-

¹¹ *Уплатить* допускает оба варианта управления: *уплатить за покупки, уплатить долги* (Розенталь 2005, с. 261). Конструкция *уплатить за что-л.* синонимична конструкции *оплатить что-л.*, где актантом является объект, за который передаются деньги.

разговорных: **Оплатите за проезд!** **Оплатить за свет и тепло можно из дома; оплатить за интернет онлайн.**

- (16) *Оплатить за потребленный в июле газ необходимо до 10 августа, об этом сообщило АО «Мособлгаз» (URL: <http://подольск-администрация.рф/informiruem-podolchan-ne-zabudte-oplatit-za-gaz-do-10-avgusta>).*
- (17) *Где можно **оплатить за обучение?** Внимание! Наличных расчетов в образовательном учреждении нет. Оплата за обучение производится в банках (URL: https://www.inueco.ru/abiturientu/oplata_za_obuchenie_pervyj_kurs/gde_mozhno_oplatit_za_obuchenie).*

Возникновение таких конструкций можно, на наш взгляд, объяснить двумя постоянно происходящими в русском языке процессами: с одной стороны, это закон аналогии, с другой – закон экономии. Известны примеры изменения модели управления глагола под влиянием синонимичного ему. Так, синонимы *удивляться* и *поражаться* еще в XIX и начале XX в. различались синтаксически: *удивляться* требовал дательного, а *поражаться* – творительного падежа:

- (18) *И здесь также приходилось мне **поражаться дикостью** взглядов и душевной очерствелостью моих невольных товарищей... (П.Ф. Якубович. В мире отверженных. Том 1 // «Русское богатство», 1896).*

Постепенно управление в этой паре глаголов по аналогии перестало различаться:

- (19) *Используя известный мотив, я сочиняла каждый раз новые слова и сама **поражалась** собственной **фантазии** (Екатерина Маркова. Мяч [1990–2000]).*

Подобным образом могут взаимодействовать и рассматриваемые нами глаголы *оплатить* и *заплатить*. Существование нормативной синтаксической конструкции с предлогом *за* для существительного *оплата*, производного от глагола *оплатить*, также служит сближению синтаксических моделей этих глаголов.

В конструкциях *оплатить + сущ. В. п. – заплатить за + сущ. В. п.* аналогия поддерживается еще и стремлением к экономии языковых средств. Примеры экономии в конструкциях разговорной речи широко распространены. Вместо полного *стоять в очереди за билетами* появляется *стоять за билетами*, вместо *встретимся на станции метро «Улица академика Янгеля»* – эллиптическое *встретимся на Янгеля*.

На месте нормативной полной конструкции *оплатить счет* (или *квитанцию*) *за газ/свет/интернет/обучение* при опущении первого существительного возникает структура *оплатить за + сущ.* В. п.:

- (20) *Вот опять не смогли все **оплатить за апрель** и начались ежедневные звонки, при чем не только нам, но и родителям* (Форум: Долговая яма по потребительскому кредиту, как защитить свои права при невозможности исполнения обязательств [2008–2011]).

Различия в моделях управления и в сочетаемости глаголов *оплатить* и *заплатить*, таким образом, сглаживаются под действием законов аналогии и экономии.

2.5. *Фонетическое сходство между приставочными глаголами.* В некоторых случаях можно наблюдать влияние устной речи на письменную. Ошибочная форма связана с восприятием слова на слух и незнанием его значения. Известные примеры «народной этимологии» показывают переосмысление заимствованных слов: *бульвар* из-за фонетического смешения становится *гульваром*, поскольку по нему можно гулять. Неверная интерпретация приводит к проникновению устного узуса в узус письменный. Множество современных примеров собрано Н. Белошиной в блоге на сайте snob.ru¹²: *осиметрия, пораметры, подсигар, перламудр, ухожор, беззаговорочный авторитет, предрассудительный поступок, поднагодная* и др.

На месте глагола *заимствовать* в речи иногда встречается *взаимствовать*. Этой пары нет в словарях паронимов, хотя примеры смешений, как будет показано ниже, далеко не единичны.

Глагол *взаимствовать* можно найти в словаре В.И. Даля (Даль) в толковании слова *взаем*, где как «старинное» помечено значение «взаимствовать кому, воздавать, отплачивать, оказывать обратно то же добро и зло, какое от кого принял. Взаимствоваться, состоять с кем во взаимодействии, одождать взаимно; -ование ср. действие по гл. Взаимничать чем или в чем, с кем, соблюдать обоюдность, равные, взаимные действия и отношения. Взаимничать хлебом-солью, ссудами, услугами». В более позднем и нормативном «Словаре русского языка» под редакцией Я.К. Грота (Грот 1891) *взаимствовать* уже не встречается ни в словнике, ни в толкованиях, *взаимы* отмечено как более употребительное по сравнению с *взаем*, и из слов с теми же приставками¹³

¹² Белошина Н. Торжество абырвалга. URL: <https://snob.ru/profile/26524/blog/62101> (дата обращения 04.02.2022).

¹³ В данном случае исторически в перечисленных словах можно выделить две приставки: *в-* и *за-*. Как указано в (Фасмер 1986), *взаимный*

присутствуют *взаимный* и *взаимность*. Отсутствует этот глагол и во всех толковых словарях XX в. По-видимому, в литературном языке ему на смену пришло выражение «*отвечать взаимностью*».

Поиск в НКРЯ дает три примера употребления глагола *взаимствовать*, которые относятся к XVIII в. – два причастия и одно отглагольное существительное:

- (21) *Они не токмо бессмертние души принимали, <...> но также и наказание злым и награждение благим полагали, яко мы видим по **взаимствованной** от них греками богословии* (М.М. Щербатов. Разговор о бессмертии души [1788]).
- (22) *Но когда чадолубивыя очи свои обращают на благословенный плод чрева своего: тогда чувствительнейшее находят утешение, воображая, что в сем священном любви их залоге имеет всегда продолжаться честь и слава рода их; в них пребудут незаглаждаемые черты их естественного изображения; имя их в них никогда не угаснет, и по смерти своей во **взаимствованной** от них крови вечно жити будут* (архиепископ Платон [Левшин]. Слово в день рождения Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича [1775]).
- (23) *О блаженная сия лихва! О святое **взаимствование!** Дал еси нищему малый хлеб, и хлеб живота вечнаго восприимеши: чашу студены воды жаждающему поднесл еси, и источник безсмертный избрел еси: ветхую одеждою нагаго одеял еси, и во одежду правды облеклся еси: приял еси странныя в дом твой, и се в вечныя небесныя обители прият еси* (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди [1700–1722]).

Как можно видеть, лишь в последнем примере (на старославянском языке) значение отглагольного существительного соответствует толкованию в словаре В.И. Даля «отплачивать, оказывать обратно то же добро и зло, какое от кого принял», в первых двух, скорее, речь идет о современном глаголе *заимствовать*.

Неожиданно находим в НКРЯ и два современных примера:

- (24) *Спектакль называется «Самое невероятное». Название **взаимствования** у сказки Ганса Христиана Андерсена.* (Комсомольская правда. 2011.03.01);

связывается с польск. *wzajemny*, чеш. *vzájemný*, словц. *vzájomný* из **въ-**, **за-**, ***ъйм-**; см. *взять*, *возьму́*. В словнике Грамматического словаря А.А. Зализняка (Зализняк 1980) присутствует и слово *внаймы*, составляющее минимальную пару к *взаимы* и позволяющее выделить две приставки в этих словах также и на синхронном уровне.

- (25) <Навальный Алексей Анатольевич, муж, 39, 1976, политик>
*Я считаю/ что это очень важно/ и эту модель поведения хорошо бы **взаимствовали** другие руководители госкорпораций* (А. Чубайс и А. Навальный в передаче К. Собчак «Прямой разговор» на т/к «Дождь» [2015]).

В поисковой системе «Яндекс» при введении в строке поиска «взаимство...» выходят запросы «взаимствование или заимствование», «повзаимствовать». В выдаче Google результатов *взаимствовал* примерно 2290, *взаимствовала* – 902, *взаимствовать* – 4760 (включая несколько отсылок к словарю Даля), *взаимствую* – 1470. Множество примеров употребления глагола *взаимствовать* находим на многих страницах интернет-форумов и чатов: *Росси **взаимствовал** идею реактора у соотечественника; StudiVZ – такая же копия успешной социальной сети, как и многие другие представители из различных стран. Немецкий клон не просто **взаимствовал** идею, но и продолжает следить за обновлениями проекта Facebook и следовать его пути развития; что Русь **взаимствовала** у монголо-татар? Подскажите пожалуйста!; Предложено **взаимствовать** из японского менеджмента методы, создающие сквозные управленческие процессы в организации; Надо не стесняться и **взаимствовать** методики у зарубежных коллег; Я, честно сознаюсь, сама некоторые слова и фразы **взаимствую**.*

В словообразовательном словаре А.Н. Тихонова (Тихонов 2014) словообразовательные гнезда «заимствовать» и «взаимный» приведены без отсылки друг к другу и даже к гнезду «занять»: *заимств|ова|ть – заимствовать-ся, заимствова-ни|е, по-заимствовать; взаимн(ый) – взаимн-о, взаим-о-действовать (взаимодейств-и|е), взаим-о-помощь; заня|ть – заем – в-заем, в-заим-ы, заим-о-дав-еи, заим-о-да-тель, заим-о-образн(ый) (заимообразн-о)¹⁴*. Словарь не выделяет в них общего, даже связанного, корня. Тем не менее узус явно свидетельствует о семантическом сближении всех трех гнезд, поддерживаемом фонетическим сходством и приводящем к смешению значений родственных слов.

Следует отметить, что пара *взаимствовать* – *заимствовать* отличается от рассмотренных до этого пар не только тем, что отсутствует в словарях паронимов, но и тем, что она состоит из глаголов с двумя и одной приставками соответственно. Тем не менее традиционно такого рода пары включаются в множество паронимических: *протекать* – *проистекать*, *представить* – *предоставить* в (1) и (2), *проходить* – *происходить* и др. Возможно,

¹⁴ Словообразовательное гнездо приведено не полностью.

в подобных парах также действуют механизмы синонимизации, рассмотренные в пунктах 3.1–3.4, но этот вопрос требует более детального исследования.

3. Заключение

Однокоренные слова в жизни языка эволюционируют по своим динамическим законам, задача нормы в этом процессе – пытаться тормозить их стихийную синонимизацию, остановить потерю различий и сохранить богатство языковых значений. В этом отношении однокоренные слова рассматриваются как паронимы, слова, значения которых нужно различать. Задача описания синонимов принципиально иная – выявить слова с полным совпадением значения или с близким значением. В этом отношении однокоренные слова с близким значением рассматриваются как синонимы, слова, которые нужно включать в синонимический ряд. Другими словами, одни и те же языковые единицы могут рассматриваться и как паронимы, и как синонимы, исходя из разных теоретических моделей и в зависимости от того, на что направлено внимание – на различия или на сходство между ними.

Паронимия как объект культуры речи выполняет задачи нормы по «консервации» языка, по замедлению эволюционных языковых процессов. Акцентирование внимания носителей языка на паронимических парах, в частности однокоренных глаголов, не всегда приводит к успеху. В бытовой речи некоторые паронимы приобретают устойчивую нейтрализацию и синонимизируются. На примере префиксальных паронимов было предложено объяснение того, какие языковые механизмы делают этот переход возможным и почему стираются фиксированные нормой различия.

Синонимия префиксальных паронимов возникает в случаях возможного пересечения значений приставок (при включении значений или их пересечении из-за смены ориентира действия) и поддерживается словообразовательными моделями, механизмами аналогии и экономии в речи и фонетическим сходством приставочных глаголов. В качестве иллюстраций было взято несколько известных паронимических пар; в дальнейшем предполагается провести более полный анализ префиксальных паронимов по выделенным параметрам и уточнить, насколько выявленные механизмы универсальны и применимы к другим глагольным парам. Отдельный интерес представляют случаи смешения в парах одно- и двухприставочных глаголов, требующие дополнительного исследования.

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность профессору И.А. Шаронову за ценные советы и помощь в планировании и оформлении исследования, доктору филологических наук П.М. Аркадьеву и анонимным рецензентам за важные критические замечания, высказанные в адрес первоначальной версии работы.

Acknowledgements

I thank Igor Sharonov for useful advice, productive discussion and helping to organize the research. I express my gratitude to Peter Arkadiev and the reviewers for their comments on the manuscript.

Источники

- Александрова 2011 – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М.: Русский язык, 2011. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/> (дата обращения 04.02.2022).
- Бельчиков, Панюшева 2002 – Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов современного русского языка. М.: АСТ, 2002. 458 с.
- Вишнякова 1984 – Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984. URL: <https://paronymonline.ru/download/paronyms-vishnyakova.pdf> (дата обращения 04.02.2022).
- Грот – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук, 1891. URL: <https://www.prlib.ru/node/366010/source> (дата обращения 04.02.2022).
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения 04.02.2022).
- Ефремова 2005 – Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005. 640 с.
- Зализняк 1980 – Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1980. 800 с.
- Касаткин 2005 – Касаткин Л.Л. Современный русский язык: Словарь-справочник / Под ред. П.А. Леканта. М., 2005. 303 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. URL: <http://tape-mark.narod.ru/les/#17> (дата обращения 04.02.2022).
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
- Розенталь 2005 – Розенталь Д.Э. Русский язык: Справочник-практикум: Управление в русском языке: Практическая стилистика. М., 2005. 752 с.

- Снетова, Власова 2015 – *Снетова Г.П., Власова О.Б.* Словарь паронимов русского языка. М., 2015. 417 с.
- ССЛТ – Словарь-справочник лингвистических терминов / Сост. Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. 2-е изд. М.: Просвещение. 1976. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm#209> (дата обращения 04.02.2022).
- Тихонов 2014 – *Тихонов А.Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М., 2014. 639 с.
- Фасмер 1986 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения 04.02.2022).

Интернет-источники и поисковые системы

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru
- Google – Поисковая система Google. URL: www.google.com
- Yandex – Поисковая система Yandex. URL: <https://yandex.ru>

Литература

- Бычковская, Леонович 2009 – *Бычковская Ж.Э., Леонович В.Л.* Паронимы в русском языке: словообразовательный аспект // Русский язык: система и функционирование: (к 70-летию филологического факультета). Ч. 2. Минск, 2009. С. 9–12.
- Голуб 2020 – *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка: Учеб. для вузов. 6-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 484 с. (Высшее образование)
- Еськова 2003 – *Еськова Н.А.* На надоевшую тему о глаголах ОДЕТЬ и НАДЕТЬ // Русская речь. 2003. № 1. С. 42–43.
- Кобозева 2000 – *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000. 352 с.
- Кронгауз 1998 – *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы. М., 1998. 288 с.
- Плунгян 2001 – *Плунгян В.А.* Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 95–124.
- Северская 2008 – *Северская О.* Поскользнуться, подскользнуться // Русский язык. 2008. № 9. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200800912> (дата обращения 04.02.2022).

References

- Bychkovskaya, Zh.E. and Leonovich, V.L. (2009), "Paronyms in Russian: word-formation aspect", in *Russkii yazyk: sistema i funktsionirovaniye (k 70-letiyu filologicheskogo fakul'teta)* [Russian language: system and functioning: (to the 70th anniversary of the Faculty of Philology)], Minsk, Belarus, pp. 9–12.

- Es'kova, N.A. (2003), "On a boring topic about the verbs DRESS and WEAR", *Russkaya rech'*, no. 1, pp. 42–43.
- Golub, I.B. (2020), *Stylistics of the Russian language: a textbook for universities* [Stilistika russkogo yazyka: uchebnik dlya vuzov], Yurayt, Moscow, Russia.
- Kobozeva, I.M. (2000), *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics], Moscow, Russia.
- Krongauz, M.A. (1998), *Pristavki i glagoly* [Prefixes and verbs], Moscow, Russia.
- Plungyan, V.A. (2001), "The prefix sub- in Russian: to the description of the semantic network", *Moscow Journal of Linguistics*, vol. 5, no. 1, pp. 95–124.
- Severskaya, O. (2008), "To slip with prefixes po- and pod- in Russian", *Russkii yazyk*, no. 9, available at: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200800912> (Accessed 4 Feb. 2022).

Информация об авторе

Дарья В. Якунина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; d-yakunina@yandex.ru

Information about the author

Daria V. Yakunina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; d-yakunina@yandex.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 13.06.2022.

Формат 60×90 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 9,6. Усл. печ. л. 10,3.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1547

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru